

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 1 (62)/11

Scientific journal

Political Science.
Social and Communicative Studies Series

Moscow 2011

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 1 (62)/11

Научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2011

УДК 008.001(05)
ББК 71я54

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редакционная коллегия
серии «Политология.
Социально-коммуникативные науки»:
Логунов А.П. – ответственный редактор
Клягин С.В. – заместитель ответственного редактора
Амбросьева Г.В. – ответственный секретарь
Антонова И.Б.
Борисов Н.А.
Гринько А.Е.
Гордеева М.А.
Калмыков А.А.
Логвинова И.В.
Мелкумян Е.С.

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Коммуникация, социальные среды, политика

<i>Калмыков А.А.</i> Судьба политического в цивилизации модерна: экопсихологический анализ	9
<i>Кошелева А.Ю.</i> О методологической совместимости гуманитарных наук при конструировании социально-политической среды	15
<i>Клягин С.В., Амбросьева Г.В.</i> Политическое в транспарентности социальных сред	25
<i>Сушиц Е.В.</i> Социальная топология государственности: теоретико-методологический аспект	39
<i>Лукьянова Н.А., Кашкан Г.В.</i> Коммуникативно-семиотические технологии конструирования социально-политической среды	50

Политика в социально-коммуникативных средах

<i>Антонова И.Б.</i> Президентский дискурс в современной медийной среде	59
<i>Гордеева И.А.</i> Религиозное подполье как среда формирования гражданского общества	76
<i>Михалева Г.М.</i> Экология и современная политика: социальные изменения, политические идеи и практика	86
<i>Шатина Н.В.</i> Рунет как экосреда российской политики	98
<i>Штейнман М.А.</i> Политическая экология и массовая культура	110

Практики исследований

<i>Барышева Е.В.</i> Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды	123
<i>Донцев С.П., Чимирис Е.С.</i> Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России	132
<i>Межиева А.К.</i> Политико-коммуникативный аспект во взаимодействии государства и общества в современной России	141
<i>Шатин И.М.</i> Социальные среды современной политики: блогосфера	149

Исследование практик

<i>Гавриш Г.Б.</i> Либерализация сферы культуры как фактор политического процесса в 1985–1989 гг.	158
<i>Евстратова Ю.А.</i> Советско-сирийские отношения и формирование ближневосточной региональной среды	171
<i>Смехов Л.В.</i> О жанровой идентичности российской президентской инаугурационной риторики	180
<i>Федотов Н.А.</i> Средовая интерпретация российской политики на фондовой бирже ...	186
<i>Гусейнов О.Г.</i> Влияние экономической составляющей на характер политической борьбы в Турции	196
Abstracts	210
Сведения об авторах	219

CONTENTS

Communication Process, Politics

<i>A.A. Kalmykov</i> Destiny of Political Phenomenon in Postmodern Civilization: Phycoenvironment Approach	9
<i>A.Y. Kosheleva</i> Facilities of Law Deterministic Methodology of Constructing Specified Social-Political Environment	15
<i>S.V. Klyagin, G.V. Ambrosieva</i> Unveiling policy in social environment transparency	25
<i>E.V. Sushy</i> Socio-Topological Foundations of Statehood: Theoretical-Methodological Aspect	39
<i>N.A. Lukianova, G.V. Kashkan</i> Communicative-Semiotic Technologies of Constructing Social-Political Environment	50

Politics in

<i>I.B. Antonova</i> Rhetorical Presidency and Presidential Communication in the Modern Mediated Environment	59
<i>I.A. Gordeeva</i> Religious Underground: Environment for Shaping Civil Society	76
<i>G.M. Mikhaleva</i> Evolution of Ecological Movement in Russia: a Political Component	86
<i>N.V. Shatina</i> Runet: ekosreda of Russian policy	98
<i>M.A. Shteynman</i> Political Ecology and Mass Culture	110

Case Studies

<i>E.V. Barysheva</i> Power Representation: Political Form of Creating Social Environment	123
<i>Dontsev S.P., Chimiris E.S.</i> Political Socialization of Russian Citizens and Religious Organizations in today's Russia	132
<i>A.K. Mezhieva</i> Political Communicative Activities in the Interaction between State and Society in Contemporary Russia	141
<i>E.M. Shatin</i> Social Environment of Modern Politics: Blogosphere	149

Field Studies

<i>G.B. Gavrish</i> Liberalization of Culture in the Political Process of Perestroika	158
<i>Yu.A. Yevstratova</i> Soviet-Syrian Relations and Middle Eastern Regional Environment	171
<i>L.V. Smekhov</i> Political Plans and Political Values: Genre Elements of the Russian Presidential Inaugural Rhetoric	180
<i>N.A. Fedotov</i> Micropolitical Risks at Russian Stock Markets	186
O. Guseynov The impact of the economic on political struggle in Turkey	196
Abstracts	210
General data about the authors	219

СУДЬБА ПОЛИТИЧЕСКОГО В ЦИВИЛИЗАЦИИ МОДЕРНА: ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье обсуждается изменение содержания понятия «политическое» в связи с завершением эпохи модерна. Отношение политического к неполитическому трактуется как отношение к среде его существования (экологической нише). Следовательно, проблема экологии политики заключается в отрицании бытийности политики вне ее как условия существования политики внутри себя. Это позволяет на примере трех проектов – фашизма, коммунизма и либерализма – выявить системное противоречие развития политического модерна и поставить вопрос о переосмыслении понятия «политика» в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, политическое, неполитическое, экология политики.

Изначально термин «политика» связан с городом (гр. *πόλις*). Стало быть, политическое – это все городское, т. е. государственность, гражданственность, право и т. п. Уже здесь возникает нетривиальная проблема: политическое существует, определено и понятно лишь в пределах городских стен, само существование которых предполагает наличие пространства вне них. В это пространство неогороженных поселений политическое может транслироваться лишь путем принуждения. Вот почему политическое и властное (насильственное) в этих местах воспринимаются как тождественные понятия.

Противостояние городского-политического-властного-насильственного пространства и территорий жизни точно проиллюстрировал российский философ Ф.И. Гиренок: «Горожане – жители, а селяне – души» – эта поговорка, записанная Владимиром Далем, намекает на преимущество селянина перед горожанином.

Селянин выгодно отличается от горожанина, и в знак этого отличия ему даровано быть душой, а горожанину указано народным сознанием быть просто жителем. Душа – это “жизненное существо человека” и вообще, как поясняет Словарь русского языка В. Даля, всякого живого существа. Горожане же, согласно какой-то невидимой там классификации к живым существам, по всей видимости, не отнесены. Селяне живут миром, “естественной общностью”, а горожане – неестественной общностью, т. е. “гражданским обществом”»¹.

Этот же смысл имеет хабермасовское противопоставление системного и жизненного миров.

Хабермас рассматривает общество в плоскостях жизненного мира² и системы. Жизненный мир включает в себя культуру и общество. Система, напротив, – это сфера формально организованного действия. В жизненном мире институционализируется язык и общение, в системе – внеязыковые медиумы координации действий – власть и деньги. Жизненный мир ориентируется на коммуникативную рациональность, а система – на стратегическую рациональность, имплицитную властные эффекты.

Важно отметить, что в трактовке Хабермаса власть как «системный медиум координации действий» вмешивается в жизненно-мировые интеракции и коммуникации. Это вмешательство, как выступление из границ города в посад, чревато кризисами и социальными неустройствами, т. е. речь идет об определенном роде интервенции.

Жизненный мир, впрочем, тоже строит свои границы, но уже с природным окружением, существуя между крепостными стенами политического и границами общественной связности.

С другой стороны, очевидно, что политическое обладает виртуальной природой, поскольку порождается и актуализируется лишь при определенных условиях активностью субъекта социально-коммуникативной деятельности. При выполнении этих условий качество политического может быть придано чему угодно – человеку, идее, предмету, жесту, слову, что позволяет отличать политическое действие от неполитического практически во всех сферах деятельности. Причем если в «запретном городе», где живут политики, даже не возникает вопрос об онтологичности политических сущностей, то на агоре политологи только и знают что спорить, есть ли «на самом деле» или «как бы» демократия, кто главный, что такое партия и т. п.

Политическое не может существовать без экологического окружения неполитического, несмотря на то что политическое и неполитическое онтологически враждебны друг другу. Последнее и за-

ставляет политическое строить стены и проводить границы, а неполитическое – их игнорировать.

Конечно же, нельзя понимать стены и границы в буквальном, физическом смысле. Они представляют собой плотно склеенные полупрозрачные пласты символических, ритуальных, социально-культурных, матримониальных, коммуникационных, экономических, правовых и тому подобных детерминант. Сквозь них элита и народ смотрят друг на друга, как через тусклое стекло, додумывая увиденное до удобопонимаемых ими смыслов.

Проблема экологии политики заключается, таким образом, в отрицании бытийности политики вне ее как условия существования политики внутри себя.

Вот почему народ не является субъектом политики, а политика не является субъектом исторического процесса. Этим, кстати, разрешается известная дилемма о роли личности в истории: «Богу Богово, а кесарю кесарево!»

В качестве иллюстрации можно привести метафору взаимоотношения Замка, деревни и приезжего землемера в знаменитом романе Ф. Кафки «Замок».

Землемер К., приехавший по приглашению Замка в деревню, не смог понять, что деревня и Замок – это две формы одной и той же сущности – политической власти. Жизнь и в деревне, и в Замке течет в одной и той же полностью политизированной реальности, и в этом смысле стены Замка иллюзорны, хотя и непреодолимы. Их не существует. Геодезические работы (размежевание, определение границ), для которых землемер был вызван, не просто не нужны, они опасны. В соответствии с правилами абсурдистской эстетики в романе сосуществуют необходимость должности землемера для персонализации разграничения политического и неполитического и невозможность ее исполнения, поскольку ничего неполитического, кроме самого К., не существует. Впрочем, и сам К. также в деревне не существует, именно поэтому ему так и не предоставляют право жить в этом мире: «Землемер К. должен сначала добиваться того, чтобы утвердиться в деревне. Это нелегко, так как никто не нуждается в его услугах ... так с кажущейся бессмысленностью бродил он по округе и был занят не чем иным, как нарушением деревенского покоя»³.

Роман моделирует ситуацию, при которой политическое полностью накрывает область неполитического. Этот же момент стал смысловым стержнем многочисленных антиутопий (Замятин, Платонов, Оуэн, Хаксли и др.)⁴ первой половины XX в., т. е. периода, связанного с высшей точкой развития политических проектов модерна.

К таким проектам некоторые исследователи относят фашизм, коммунизм, либерализм. Всем политическим проектам модерна были свойственны экстенсивное развитие технологий и сверх-эксплуатация ресурсов, в том числе и человеческих, пропаганда искусственно сконструированного образа будущего, реконструкция истории под образ будущего, расширение пропагандистского давления с помощью СМИ, репрессии, эксплуатация образов внутреннего и внешнего врага, выделение какого-то одного принципа организации общественной жизни в ущерб остальным (тоталитарный идеологический дискурс), мессианские претензии на спасение мира от «неправильного» устройства, гипертрофированная рациональность повседневности. Вместе с тем их нельзя рассматривать рядоположенными, поскольку идеологические парадигмы существенно различались. Именно это обстоятельство обусловило возникновение жесткой конкуренции сразу же после их появления. Конкурировали и враждовали не столько экономические системы, как учили в советское время, а модернистские политические проекты. Существенно различными оказались и их исторические судьбы.

Фашизм сформировался позже всех и ушел раньше всех. Провал фашизма, вероятнее всего, связан с тезисом расового превосходства и антихристианской направленностью идеологии, что ограничивало распространение фашистской идеологии на другие народы и определяло поведение и психологию ее адептов таким образом, что в восприятии цивилизованного человечества они представляли варварами и убийцами. Фашистский проект не выдержал конкуренции с коммунистическим и, надеюсь, окончательно ушел в историческое небытие.

Коммунистическая идея также характеризовалась антихристианством. Однако в отличие от фашизма она эксплуатировала не расовое, а классовое разделение, что обеспечило практически неограниченный ареал ее распространения. Образ будущего – коммунизм как царство социальной справедливости – представлялся результатом научно-технического прогресса, помноженного на правильно, т. е. научно, организованную в соответствии с марксистско-ленинским учением повседневную жизнь. Крах коммунистического проекта правомерно связывать с распадом СССР, несмотря на то что в отличие от фашизма коммунистическая идеология еще продолжает оказывать существенное влияние на мировое общественное устройство и остается основой государственности некоторых стран мира. Вместе с тем можно констатировать, что коммунистический проект, в свою очередь, не выдержал конкуренции с либеральным из-за того, что в его теории полагалась абсолютная прерогатива

бытия над сознанием, т. е. неограниченная возможность конструирования общественного сознания посредством рационализации материальной жизни (базиса). Либеральный проект победил коммунистический с помощью идеальных инструментов, манипулируя ценами на нефть и бомбардируя устоявшиеся внутри СССР формы общественной связности и сознания гибкими, адаптивными идеологическими концептами⁵.

Судьба либерального проекта сложилась успешнее всего, однако и его следует считать завершенным или, по крайней мере, близким к завершению. Историю формирования либерализма можно отсчитывать с начала буржуазных революций в Европе, однако наиболее полно этот проект был реализован в Северной Америке⁶. Его суть – ценности общества потребления и «государства всеобщего благоденствия». Посредством этой идеальной модели государственности осуществляется слияние политического и экономического, и в результате деньги (шире – рыночные коммуникации) становятся инструментом и сущностью политики. Образ будущего здесь – глобальная социоэкономическая система, центрированная собственником финансовых коммуникаций – США. Подобное чуть было не произошло на самом деле, но вмешался мировой кризис кредитной системы. Лопнувший финансовый пузырь показал не только ограниченность спекулятивных методов экономики, но и несостоятельность либеральных методов политики.

С системной позиции рассмотренные политические проекты модерна сходны в том отношении, что их становление и развитие осуществлялись посредством расширения пространства политического за счет поглощения пространства неполитического. Обыватель насильственно вовлекался в политическую реальность, приобретая статус политического актора вне элиты. Это, с одной стороны, расширяло область политического, но, с другой – уменьшало область неполитического, которая, как было показано выше, необходима для самого существования политики. Кроме того, умножение числа политических акторов, даже не принадлежащих к элите, усложняло задачи управления политическими процессами. Эффект обмирщения политического, его профанация приводили к открытию новых множественных социальных лифтов и, как следствие, к размыванию профессионализма политических элит, что в конечном итоге заставляло вырабатывать упрощенные модели управления. Так, рационализация обернулась своей противоположностью – дебилизацией: чем проще управленческая модель, тем легче готовить и менять кадры и тем меньшие требования к ним можно предъявлять. В силу этого система управления приобрела механистический характер. Ее примитивизм потребовал,

с одной стороны, разработки равносложных объяснительных теорий и форм теоретического мышления, а с другой – в силу неадекватности механизма политического управления организму общественной жизни заставил расширять использование административно-репрессивных методов на практике. Это системное противоречие, заложенное с самого начала в политических проектах модерна, не оставляет им никаких шансов для дальнейшего развертывания.

Модерн исчерпал возможности расширения политической реальности. В результате всякая субъектность стала политически определенной. Это должно было привести, и отчасти привело, к исчезновению политического как самостоятельной категории, к стиранию различий с другими социально значимыми детерминантами. Модерн растворил политику в повседневности, фактически уничтожил ее. Однако постмодерн, который в отличие от модерна допускает существование в одном и том же субъекте множества идентичностей, как будто бы спасает политическое, переформатируя его в сложную коммуникационную структуру, имеющую функционально-прагматическое назначение. Даже на уровне межгосударственных отношений сегодня нередко возникает ситуация, при которой одно и то же государство вступает в союзы, конкурирующие между собой, т. е. становится царством, разделенным в самом себе. Но можно ли по-прежнему рассматривать подобное в политическом ракурсе?

Примечания

- 1 *Гиренок Ф.И.* Вместо предисловия: Возвращение блудного сына // Калмыков А.А. Введение в экологическую психологию. М.: МНЭПУ, 1999.
- 2 О «жизненном мире» и формируемых философами картинах мира см. публичную лекцию Ю. Хабермаса (<http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259/>).
- 3 См.: *Брод М.* Послесловия и примечания к роману «Замок» (<http://www.kafka.ru/kritika/read/poslesloviya-i-primechaniya>).
- 4 Следует упомянуть и философские романы-антиутопии А. Зиновьева, вышедшие в свет во второй половине XX в.
- 5 См.: *Громько Ю.* Оружие, поражающее сознание, – что это такое? (<http://jarki.ru/wpress/2010/04/28/1120/>).
- 6 См.: *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

А.Ю. Кошелева

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

В объективной реальности социально-политической и правовой сфер писаное право выполняет одновременно две различающиеся функции, которые могут вступать в противоречие между собой. Во-первых, писаное право само по себе является регулятором социально-политической действительности. Во-вторых, право, разумеется, является одним из рычагов социально-политического конструирования. Здесь очевидны не просто возможность функционального противоречия, но проблема совместимости методологий правовой и социально-политической наук. Средовая методология социально-политических изменений неприменима в праве. Причины такой неприменимости исследуются в предлагаемой статье. По результатам рассмотрения допустимых для правовой науки параметров методологии предлагаются параметры детерминистической методологии. Последняя применима для реализации разнообразных правовых функций.

Ключевые слова: детерминистическая методология, детерминанты, правовая методология, социальное проектирование, средовая методология.

Задача социального проектирования теперь определяется в качестве самостоятельной для целой плеяды социально-коммуникативных наук и политологии. Если допустить аналогию идей, то появление идеи социального проектирования можно обнаружить в не самых новых философских исследованиях – «Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора являются социальными проектами. Термин «социальное проектирование» возник позднее идеи социального проектирования как результат обобщения практической философии социального управления, градостроительного проектирования в тот самый условный момент, когда политические,

социальные, технические и психологические знания объединились и восприняли квазиинженерный, квазисистемотехнический подход к социуму и его закономерностям. И поскольку подход назывался социотехническим, вполне естественно, что возник термин «социальное конструирование», который датируется приблизительно концом 1960 – началом 1970-х годов, а затем и термин «социальное проектирование», который датируется приблизительно концом 1970 – началом 1980-х годов. В работах до указанного периода, по содержанию посвященных кругу вопросов, включаемых сегодня в предмет социального проектирования, подобных терминов нет. В частности, проводя исследование социального и институционального значения психоанализа для США (на примере деятельности З. Фрейда, А.А. Брилля, К. Хорни, Э. Фромма), автор, американский философ Г.К. Уэллс, широко затрагивает вопросы социально-политического строя и его связи с социологией, социальной психологией, психотерапией, однако же не употребляет ни одного термина, сколько-нибудь похожего на «социальное проектирование» или «социальное конструирование» (работа опубликована в США в 1963 г.)¹.

Термины эти любопытным образом отражают новейшую историю гуманитарной методологии. Если заглянуть «в глубь веков», можно обнаружить, что индикатором рефлексивного отношения к предмету познания стало разделение философии и софистики. Философия – любовь к мудрости – от ненаучных рассуждений отличается себя частичкой «фило-», т. е. особым отношением к знанию, которое на современном языке может быть названо методологическим отношением: выверенным, обстоятельным. Отсутствием этой частички философия отграничивается от софистики – безалаберного отношения к методам получения знания, когда некий требуемый результат важнее, чем его истинность, т. е. метод его получения. Впрочем, собственным методом софистики является метод скрываемых ошибок (что можно назвать доказательством потребности в методологии *ad absurdum*); теперь софистика – памятник древнегреческой мысли, а вместе с тем методологическая нагрузка противопоставленных ей логики и философии – памятник осознания потребности в научной методологии.

Идея разделения методологически выверенного знания на науки о природе и науки о духе положила начало методологическим спорам, которые определяют дальнейшее развитие науки. Первоначальное противопоставление по предмету (науки о природе и науки о духе) привело к противопоставлению по методу (точные науки и «неточные» науки; затем точные науки и гуманитарные науки), результаты которого, перешагнув через методо-

логическое подражание математике, наконец-то позволили определять метод науки в зависимости от ее предметной области (ср.: современное методологическое состояние гуманитарных и естественных наук). Величайшую роль в обосновании гуманитарными науками собственной методологии сыграла история².

Середина XX в. все еще была связана с математизированными подходами к конструированию гуманитарной методологии: успехи физики, математики, многозначные и неформальные логики, кибернетика и системотехника – все это само подводило к тому, чтобы и в социологическом плане рассматривать людей, их группы как единицы, поддающиеся квазиавтоматизированному управлению, и отражало восприятие гуманитарными науками методологической схемы точных наук; одновременно происходил процесс подстройки этой методологической схемы под свойства предметного поля наук гуманитарных³. Поэтому термины, символизирующие предмет социального конструирования, а затем и социального проектирования, возникли хотя и совсем недавно, однако все же именно *в ту эпоху*, когда этот предмет полагался социально-инженерной областью знания (с тем методологическим уклоном, который господствовал в науке в указанное время).

Для конструирования методологии познания объекта важно также знать, является ли он научным открытием или научной конструкцией. Проблема природы открытия или природы конструкции научного предмета возникает иногда в математике (здесь ярким примером является теория множеств⁴), но значительно больше сложностей с этой проблемой можно обнаружить именно в гуманитарных областях знания. Различие между открытием и конструкцией определим так: к открытым (обнаруженным) объектам относятся неделимые, несводимые базовые единицы, происходящие из исторически сложившегося объекта науки, а к сконструированным (созданным) объектам относятся вспомогательные модели, предназначенные для достижения наилучшего теоретико-познавательного и прикладного эффекта относительно открытых (обнаруженных) объектов. Поэтому в научной конструкции присутствует известная доля методологической необходимости. Конструкции постепенно становятся предметом науки и существуют наравне с открытиями, сделанными в объекте данной науки и отображенными в предмете. Социальное проектирование как деятельность является открытием, т. е. обнаруженным объектом знания, а не конструкцией, не вспомогательной моделью: как изложено выше, идея социального проектирования возникла значительно раньше этого термина, а современные – уже специальные – исследования в отношении этого объекта свидетельствуют

о повышении уровня гуманитарного знания, о расширении предметной области наук об индивиде-в-социуме через формулирование новых теоретических и прикладных задач.

Определение социального проектирования в качестве самостоятельного предмета науки отражает современную картину мира, в которую включены динамические структуры, а не только статические, деятельностная перспектива, а не только аналитическая ретроспектива. В простой дихотомии «статика / динамика» социальное проектирование относится к *динамическим* единицам – описывает социально-политическую ситуацию, меняющуюся во времени и пространстве. В урбанистической среде, в точке пересечения архитектуры и социологии⁵, на основе доктрины общественного участия (public participation), отражая переход от функционального (functional) подхода, учитывающего *степень полезности* среды для субъекта, зародились два новых подхода, исследующих взаимодействие субъекта и среды, – системный и средовой. Системный подход к социальному проектированию остается по существу квазиинженерным подходом: он рассматривает *систему, состоящую из элементов*. Элементы системы, разумеется, взаимосвязаны между собой; системный подход является методологическим достижением, однако прикладная его реализация требует квазиматематических формул⁶. Развитием системного подхода стал синергетический⁷, отрицающий возможность механистического сложения свойств всех включенных в систему факторов и признающий появление в результате соединения факторов *новой* структуры. Синергетический подход эффективен в экономике, возможен в отдельных областях социологии, однако не отражает всей полноты и сложности структуры любой социально-политической среды. Поэтому широко разрабатывается средовой подход к оценке и конструированию социально-политических сред.

Базовой идеей средового подхода (средовой методологии социально-политических изменений) является идея непротиворечивой, мягкой синхронизации единичных элементов между собой и – одновременно – с наличной средой, в которую единичные элементы вписываются. В свою очередь, единичные элементы суть условные образования (условием их образования выступает договоренность считать их именно единичными элементами). Таким образом, средовая методология предлагает модель «элемент-в-среде & среда-вокруг-элемента». Для того чтобы выполнять перечисленные функции, средовая методология должна соответствовать следующим требованиям: 1) быть деятельностно-ориентированной, возможно, даже игровой⁸; 2) давать возможность интерактивного взаимодействия субъекта-проектировщика и субъекта-

пользователя с создаваемой социально-политической средой; 3) давать возможность распределенного управления создаваемой социально-политической средой; 4) позволять мгновенную реакцию субъекта-проектировщика на отклонения в функционирующей социально-политической среде; 5) позволять взаимодействовать элементы фрагментарной действительности (фрагментарной в пространстве и во времени, фрагментарной в реальной среде и в виртуальной, фрагментарной в субъективных восприятиях социальными субъектами и их группами); 6) учитывать константы объективной реальности. Рассмотрим эти требования.

Деятельностная ориентация средовой методологии обусловлена тем обстоятельством, что социальное проектирование есть создание моделей, ориентированное на их воплощение, поэтому данная методология имеет не столько гносеологическое или эвристическое значение, сколько конструктивное. Из деятельностной ориентации средовой методологии проистекает необходимость оперативного администрирования спроектированной модели: вначале требуется интерактивное взаимодействие для синхронного отслеживания работоспособности и запланированной эффективности модели; затем – распределенное управление действующей моделью, поскольку сбор всех управленческих функций в одной позиции приводит, как правило, к упущениям из-за необходимости обработки большого объема данных (сбора информации, ее анализа, распределения, принятия решений, контроля за их исполнением, контроля результата). Наконец, распределенное управление позволяет оперативно реагировать на отклонения в действующей модели. Иными словами, модель не должна быть строго фиксированной, должна иметь альтернативные и факультативные переменные, которые, однако, при этом не будут препятствовать реализации модельной структуры⁹, т. е. иметь жесткий каркас и свободные надстройки. Допущение свободных надстроек при построении жесткого каркаса создаваемой социально-политической среды обусловлено индивидуальной концентрацией элементов фрагментарной действительности и их свойствами: отдельные связанные со средой элементы могут находиться с ней не в средообразующих отношениях, но в отношениях простого совпадения по месту/времени. Средообразующие элементы следует включать в жесткий каркас проектируемой среды (т. е. учитывать как первостепенные определители этой среды), а совпадающие по месту/времени элементы – в свободные надстройки, но только если такие элементы не являются не поддающимися социальному проектированию константами объективной реальности. Для целей социального проектирования константы объективной реальности учитываются как

средообразующие элементы. Некий элемент или некая среда может не поддаваться социальному проектированию в следующих случаях: 1) имеющаяся методология социального проектирования неприменима в данном случае; 2) элемент или среда являются не социально-политическими, а, например, геолого-геодезическими, патопсихологическими, макроэкономическими и т. п. К константам объективной реальности относится и закон (писаное право), но со следующими оговорками: закон, будучи константой для социального проектирования, отличается от многих других констант тем, что он тоже создается в процессе социального проектирования и тоже является одним из методов реализации социального проекта. Таким образом, писаное право выступает одновременно и частным методом социального проектирования, и константой объективной реальности, которая должна быть учтена при конструировании социально-политической среды (к тому же деятельность по созданию, применению и изучению права реализуется представителями другой науки – юриспруденции).

Итак, мы определили, что социальное проектирование есть обнаруженный (открытый) объект научного знания, и назвали некоторые основные черты соответствующей ему прикладной методологии. Мы смогли это сделать, не исследуя специально вопрос о том, в предметное поле каких наук может входить социальное проектирование; теперь же самое время им заняться. Социальное проектирование – объект исследований, находящийся на пересечении предметных полей нескольких наук; при определении предметной принадлежности социального проектирования следует различать гуманитарные науки, поставляющие сведения, и гуманитарные науки, занятые непосредственно конструированием или проектированием социально-политической среды. Поставщиками сведений, в точном соответствии с идиографическими¹⁰ методами гуманитарных наук, являются в первую очередь история, а также философия и психология; непосредственно занятые социальным проектированием науки – это политология и социология. Однако же конструирование социально-политической среды есть комплексная задача многих и многих гуманитарных наук, включая в себя методологии всех тех наук, которые вовлечены в конструирование социально-политических сред (методология науки выстраивается в зависимости от ее предмета). Результатом работы социологии и политологии является, в частности, *политика*, которую определим как организованное воздействие на ту или иную сферу жизни общества. Политика занята крайне сложным процессом – процессом организованного воздействия, и потому средовой подход к социальному проектированию есть самый перспективный

из имеющихся прикладных подходов (см. выше системный и синергетический). В результате политической работы – с обязательным включением в этот результат политической власти – некоторые социальные проекты приобретают форму пропаганды идей, носящихся в воздухе, традиций, неписаных правил, даже погружаются в коллективное бессознательное, чтобы, закрепившись там, быть вовлеченными в процесс дальнейшего развития среды. Иные же социальные проекты для своей реализации должны подкрепляться не просто политическим авторитетом, но и государственной властью (законодательной, исполнительной, судебной). В таком случае эти результаты должны быть соотнесены в установленными или санкционированными государством общеобязательными правилами поведения, соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия. Названные общеобязательные правила есть *закон, право*; отсюда следует, что право не только активнейшим образом вовлекается в конструирование социально-политической среды на уровне частного метода, но и включает задачу социального проектирования в свою предметную область. Следовательно, право в контексте социального проектирования превращается в: 1) константу объективной реальности, которая должна быть учтена при социальном проектировании; 2) один из методов воплощения социального проекта; 3) самостоятельную отрасль знания, включающую конструирование социальной среды в состав собственных объекта, предмета и предметного поля (в соответствии со специальной функцией регулирования общественных отношений).

Методология оказывает непосредственное влияние на отображение объекта некоторой науки в ее предметной области; предмет – это не механическое перенесение объекта в предметную область, но такое перенесение, которое *определено методологией* данной науки. Отсюда следует, что социальное проектирование отображается в праве с учетом особенностей правовой методологии. Для того чтобы право наиболее эффективным образом выполняло свои функции в контексте социального проектирования, правовая наука должна иметь применимую методологию для отображения социального проектирования в своем предметном поле. В силу некоего своеобразного противоречия, заключающегося в том, что недействующего права не существует, а действующее право является константой объективной реальности, закрытой и жесткой формально-логической системой, носящей интеллектуально-волевой и властный характер, предусматривающей «рас-субъективленные», универсальные требования к поведению субъектов в каждой ситуации (которую, соответственно, надо заранее учитывать при проектировании социально-политической среды),

мы сталкиваемся с проблемой методологического свойства: как право должно отображать в своем предмете социальное проектирование таким образом, чтобы активно и эффективно участвовать в конструировании социально-политических сред в качестве метода и не препятствовать модификации сконструированных сред в качестве константы объективной реальности?

Средовая методология конструирования социально-политических сред не может быть правовой методологией, хотя право и участвует в этом конструировании изложенные выше свойства средовой методологии противоречат сущности права как изложенной на языке (что уже накладывает массу ограничений) закрытой формально-логической системы; кроме того, базовые юридические принципы, такие, например, как необходимость безоговорочного соблюдения правовых предписаний, закрывают возможность применения средовой методологии в том ее виде, в котором она применима для социального и политического конструирования сред (прежде всего в связи со сложной системой изменения правовых предписаний и своеобразной законодательной техникой). Д.А. Керимов справедливо критикует методологическое состояние юриспруденции: «К сожалению ... представители [правоведения] явно пренебрегают методологическими проблемами своей собственной науки»¹¹. В связи с таким «методологическим отсутствием» предлагается правовая методология, пригодная и для теоретического, и для прикладного применения «внутри» юриспруденции, а равно для участия права в социальном конструировании, – *детерминистическая методология*.

Детерминистическая правовая методология учитывает следующие посылки: 1) право – формализованная нормативная структура, требующая крайне взвешенного подхода и крайне аккуратно обращения как на этапе правотворчества, так и на этапе правоприменения; 2) право относится к области гуманитарных наук, но имеет дело с объективно существующими и поддающимися логическому исчислению «вещами» – с законами; 3) право излагается на языке, причем юридический язык, отвечающий предметной области права, является самостоятельным искусственным научным языком, имеет специфическую неизменяемую терминологию и правила обращения с этой терминологией; 4) право как гуманитарная наука должно быть идиографично, однако же имеет дело с *законами* социальной действительности, что заставляет его вторгаться в область номотетики. Необычное сочетание объективности, внеположенности права с его «рукотворностью» определяет методологию, в рамках которой принципом методологического подхода к праву является детерминированность. Наблюдения показывают:

в праве существуют определители – детерминанты, которые разделяются на детерминанты первого порядка и детерминанты второго порядка. *Детерминанты первого порядка* – это внешние по отношению к праву определители его структуры и содержания. *Детерминанты второго порядка* – это внутренние по отношению к праву, т. е. сугубо юридические, определители его структуры и содержания. Изложение детерминантов второго порядка требует владения догмой и доктриной соответствующей отрасли права, т. е. выполняется в сугубо юридических статьях, коей настоящая не является, и поэтому детерминанты второго порядка оставим за рамками этой статьи. Детерминантами первого порядка являются следующие: 1) культурные, 2) социальные, 3) психологические, 4) экономические, 5) административные (управленческие), 6) политические. Для активного участия правотворчества и правоприменения в конструировании *заданных* социально-политических сред параметры проектируемой социально-политической среды должны быть выделены и сгруппированы в соответствующие детерминанты по приведенному перечню. Формальная структура права и интеллектуально-волевая его ориентация¹² требуют именно такого квазиформульного подхода. Детерминанты должны задаваться в ключе параметров конструируемой социальной среды, именно поэтому они являются *детерминантами* (определителями), структурирующими средовую модель желаемой социально-политической среды.

Таким образом, взаимодействие правотворчества и правоприменения с социально-коммуникативной и политической работой по конструированию социально-политических сред должно осуществляться следующим образом: науки, занятые работой по непосредственному конструированию некоторой социально-политической среды, поставляют праву параметры этой среды; для права конструируемая среда становится заданной по параметрам; параметры эти для права являются детерминантами первого порядка; затем, переведенные на язык догмы и доктрины соответствующей отрасли права, они становятся детерминантами второго порядка и уже на профессиональном уровне могут быть реализованы в рамках закона как внеположенной, объективной данности; впоследствии принятый закон *юридическими средствами* постоянно воспроизводит структуру спроектированной социально-политической среды. Ее воспроизведение является процессом правоприменения, методологически ориентированным на догматическую методологию и детерминанты второго порядка, но при корректном учете в тексте закона детерминантов первого порядка – в сотрудничестве с социальными науками – нормы писаного права будут стимулировать гармоничное развитие общества.

- 1 См.: Уэллс Г. Крах психоанализа: От Фрейда к Фромму / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. А.В. Снежневского. М.: Прогресс, 1968.
- 2 См., в частности: Румянцева М.Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
- 3 Об истории методологии гуманитарных наук см., в частности: Перлов А.М. История науки: Введение в методологию гуманитарного знания: Курс лекций. М.: РГГУ, 2007.
- 4 См.: Фрид Э., Пастор И., Рейман И., Ревес П., Ружа И. Малая математическая энциклопедия. Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1976. С. 574 и сл. («Значение теории множеств для других глав математики прежде всего заключается в том, что в большей или меньшей степени ее методы и результаты применяются почти во всех главах математики <...>. Теория множеств позволяет создать модель любого известного раздела математики, и, таким образом, теория множеств объединяет эти разделы в единую систему».)
- 5 См.: Вильковский М. Социология архитектуры. М.: Русский авангард, 2010.
- 6 Исследование по теории систем см.: Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / Отд. экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М.: Экономика, 1999.
- 7 Опыт философского и методологического осмысления науки, в том числе на основе синергетического подхода, см.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. / Под общ. ред. и с послесл. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. 6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- 8 Игровой в смысле Й. Хейзинги. См.: Хейзинга Й. Homo ludens // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. («Если бы я суммировал свои рассуждения в форме тезисов, то один из них гласил бы: «Этнология и родственные ей науки отводят слишком мало места понятию игры»». С. 11.)
- 9 О научном исследовании процесса изменений, о тождестве изменяющегося предмета и связи состояний см.: Столяров В.И. Процесс изменения и его познание: Логико-методологические проблемы / Отв. ред. И.Г. Герасимов. М.: Наука, 1966.
- 10 См. о применении идиографического метода в социологии: Клулт М. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. С. 105.
- 11 Керимов Д.А. Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права. Вып. 2 / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2007. С. 8.
- 12 Об интеллектуально-волевой ориентации права см.: Теория государства и права: Учеб. / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Первалов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. академия, 1996. С. 228.

С.В. Клягин, Г.В. Амбросьева

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ТРАНСПАРЕНТНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕД

В статье предлагается средовая интерпретация динамической концепции политики как соединения частного в интересах общего. Дается характеристика социально-политических сред и пространственных областей. Феномен политического и политические практики анализируются с учетом возможностей функционального использования прозрачности (транспарентности) сред как формы их открытости/закрытости относительно друг друга. Для эффективной реализации политического показана значимость гетерогенности, разноаспектной структурированности социальных сред, конфигурирования открытости/закрытости различных областей общественной жизни.

Ключевые слова: политика, средовый подход, среда, транспарентность.

Возможное объяснение политического состоит в том, что политика есть постоянное соединение частного в интересах общего. Принципиально, что определенность политического задается именно неопределенностью всех составных частей политического процесса (по сути своей, вовлекающего в согласованное социальное действие).

В политическом постоянно проявляются и оформляются элементы частного: для актуального общественного взаимодействия привлекаются новые ресурсы, акторы и субъекты различной социальной функциональности. Непрерывно идет уточнение предметного содержания, а также и культурно-исторических диспозиций общих ценностей, идей и интересов, вокруг которых осуществляется социальная консолидация. Наконец, используемые в политическом средства «притирки» частного для общего являются вненормативными, т. е. находятся в области незавершающегося

поиска, длящейся практической апробации возможного, допустимого, приемлемого и результативного. Такого рода «открытость», динамическая и интерференционная природа политического отображаются в настоящее время в целом ряде известных концепций и методологических подходов¹.

В условиях крупных общественных трансформаций, когда привычный набор аналитических средств нередко теряет эвристический потенциал, одна из возможных интерпретаций названной подвижности политического связана с переходом на макро- и мета-социальные уровни изучения политического. В частности, перспективным исследовательским и практическим направлением в этой области является средовой (энвайроментальный, environmental) подход.

В рамках такого обобщающего подхода объектные области исследования относятся к общим онтологическим и затем к топологическим и метрическим характеристикам реальности: расположению, соразмерности, диспозициям «мест» изучаемых объектов. Пространственные характеристики конкретизируются в понятии «среда». В общем плане среда – это наполненное пространство, существенным признаком которого является качественная однородность в определяемых этим качеством границах. Например, социальная среда включает в себя совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп².

Пространственные области и среды сильно различаются по своему состоянию и характеру внешних проявлений. В полной мере это относится и к социальным областям различной качественной определенности и предметной наполненности. Подробно, например, рассматривал качественную и феноменальную специфику социального пространства П. Бурдьё. В его концепции оно рассматривается как абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств, или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.). Выстроенное таким образом социальное пространство представляет собой сочетание различных видов благ и услуг, а также действий индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту – закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг³.

Замысел предлагаемой статьи состоит в рассмотрении политического в некоторых ситуациях, которые могут складываться в соотношениях различных общественных и социоприродных сред.

Основное внимание будет обращено на функциональное использование прозрачности (транспарентности) сред как формы их открытости/закрытости относительно друг друга. Для реализации замысла необходимо дать начальную характеристику общей практической значимости средового подхода, а также темы транспарентности в политической жизни. Важно также выявить теоретические основания рассмотрения обозначенных вопросов. В итоге желательно прийти к возможной перспективной трактовке политического как функции транспарентности (демаркации, самораскрытия и взаимного представления, открытия) различных социальных пространств, сред и областей.

На фоне распространенных в настоящее время утверждений о необходимости унификации, открытости и полной прозрачности для конституирования и «очищения» политического, напротив, предполагается показать значимость гетерогенности, функциональной и смысловой структурированности, вплоть до частичной закрытости и локализации социальной транспарентности, которые нередко используются в политических целях.

Поясняющий пример проявления политического в средовом взаимодействии может быть приведен с использованием теории кругооборота воды в природе. Две разные среды, вода и суша, отделены друг от друга, но вместе с тем непрерывно взаимодействуют. Перенесение воды в воздушную среду осуществляется восходящими потоками водяных паров и облаками. Дожди и другие осадки возвращают воду в родную стихию. Облака при этом могут рассматриваться в качестве таких необходимых для политического функций, как собирание, вовлечение и увлечение. В свою очередь, дождь представляет собой образ политической функции поощрения, вознаграждения. Примечательно, что капли дождя, как и результаты следования обещаниям политиков, все видят и слышат, но живительная влага достается далеко не всем.

Использование диспозиций различных сред для создания масштабных вовлекающих мотиваций широко распространено в общественных практиках. Иницилируемые потенциалы социальной «энергии», что важно в дальнейшем для характеристики политического, основываются на возможности именно плавного, вариативного и как будто добровольного изменения жизни и поведения людей за счет демонстрации иной реальности, возможности более приемлемого и привлекательного нахождения в ней.

Известным не только информационным, но и социально-культурным стимулом для путешествий и в целом для географической экспансии является использование карт. Создание, рассмотрение картографического пространства, выработка отношения к тер-

риториям, картам и проложенным на них границам создает различные виды активности по отношению к реальным местностям и ландшафтам⁴. Повышению социальной динамики способствует использование обобщающих социальных и социоприродных средовых концептов, например регион, население, недра, страна, граница. Разграничение и взаимная демонстрация пространств и сред широко применяются в организации зрелищных событий (выделение театральной сцены, использование приемов сценографии, организация зрительского пространства).

Оперирование взаиморасположением различных средовых областей с давних времен используется в религиозных практиках. В основных мировых религиях наработаны мощные традиции использования «средовой энергии» в структурировании жизни Церкви, в устройстве храмов, в порядке религиозных служб. Причем такие традиции глубоко укоренены в особенностях тех или иных религиозных культов, во многом являются эксплицирующими и диагностическими для присущих им ценностей и смыслов. Так, например, в православном христианстве одна из отличительных особенностей понимания тайны мироздания состоит в сложной динамике различных сред и в нетривиальных возможностях обмена между ними. Это, в частности, находит выражение и в сложной, открыто-закрытой организации архитектурного и смыслового пространства православного храма.

Общие потенциалы активности и изменений, которые заключены в выявлении и использовании диспозиций различных сред, вполне различимо проявляются непосредственно и в сфере политики, в инициировании и сохранении импульсов политического.

Пожалуй, базовыми пространственно-временными предпосылками для обнаружения политического являются отношения «свой–чужой» и «было и стало» (варианты «старое и новое», «быль и небыль» и даже возможный для консервативного социума вариант «было и было»). В обозримых из настоящего времени общественно-политических практиках можно заметить немало мобилирующих, энергетически емких диспозиций социальных сред. Назовем лишь некоторые примеры: «вожди и массы», «народ и партия», «партийные и беспартийные», «город и деревня», «социалистический лагерь и капиталистическое окружение», «перестроившиеся и не перестроившиеся», «наши и не наши». Примечательно, что призываемые на политическую службу социальные средовые диспозиции широко распространяются также в обыденном сознании и, что особенно интересно, нередко почти в природном, экологическом, по-видимому, наиболее осязаемом для восприятия и массового сознания, контексте. Примеры могут быть приведены даже из

политического песенного творчества нашего недавнего прошлого: «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону, уходили комсомольцы на гражданскую войну» или «На границе тучи ходят хмуры, край суровый тишиной объят».

В организации политической жизни и в установлении политических режимов также широко используются технологии создания (и в дальнейшем активной демонстрации) различных политико-правовых областей (например, (не)использование виз в соответствии с Шенгенским соглашением) и финансово-экономических зон (в том числе торговые и валютные союзы, области таможенных преференций).

В геополитических расчетах традиционно задействуются такие демаркационные концепты, как «Восток–Запад», «Север–Юг»⁵.

В условиях информационного общества и формирования информационных экономик диверсификация в содержании средовых диспозиций как основы политического зачастую получает выражение в систематических практиках макро- и микро-социальной сегрегации в зависимости от доступа к информационным и знаково-символическим ресурсам, а также основанным на них технологиям. На это обстоятельство с позиций системного подхода обратил внимание Н. Луман⁶.

В целом, подводя итог рассмотрению общих возможностей средового подхода для проявления политического как вовлекающего, вненормативного соединения частного в интересах общего, необходимо отметить, в чем именно состоит средовое качество политического. Эффект политического в диспозиции социальных сред обеспечивается за счет следующих последовательных или одновременных действий: отграничение сред; артикуляция их наличия, демонстрация значимости сред и возможных соотношений между ними; сообщение о принципиальной возможности, условиях и результатах, выгодах и издержках средового взаимодействия, а также перехода между средами.

Частным, но функционально важным случаем обнаружения политического в диспозициях и взаимодействии социальных сред является феномен средовой транспарентности (прозрачности). Именно в этом феномене локализуется необходимый для консолидации политического декларируемый или реальный обмен между средами, его возможность или запрещение. С одной стороны, прозрачность сред можно рассматривать как образ, в котором отображается искомый в политических интересах потенциал обогащающего взаимодействия между средами. С другой стороны, транспарентность сред может трактоваться как функциональная возможность взаимодействия, которая обеспечивается рядом средовых параметров.

В физическом смысле прозрачность среды есть отношение величины потока излучения, прошедшего через слой среды единичной толщины, к величине падающего потока⁷. Принципиально важно отметить, что механизм прозрачности является резонансным, т. е. состоит в распространении в среде волновым фронтом цепочки резонансов между источником излучения и энергетическими потенциалами (зарядами) частиц этой среды. Конечно, буквально физическую модель прозрачности нельзя переносить на политическую сферу, но, предполагая на основе аналогии наличие социальных заместителей (явлений, процессов, ресурсов) физических параметров, можно выделить ряд характеристик транспарентности социальных сред. К таким характеристикам относятся: принципиальная возможность сопряженности сред (место и время, вещественный состав, структурное уподобление); наличие внешнего воздействия, результаты проводимости (трансляции) которого в среде позволяют судить о средовой прозрачности как таковой; наличие механизмов (транспортов) обмена; проницаемость как возможность распространения результатов обмена между средами и в самих средах.

Нетрудно заметить, что целый ряд используемых в политике и политической науке понятий напрямую связан с рассмотрением диспозиций и возможной транспарентности различных социальных сред. Прозрачность как форма средовой общительности прямо или косвенно рассматривается в теориях политической культуры и политической системы, в концепциях транзитологии, политических прав и свобод, практик контроля в политической сфере. При этом контекстуализация и адаптация общей темы прозрачности сред применительно к политической сфере находит непосредственное выражение в обращении к таким средовым характеристикам, как «открытость», «закрытость», «свобода», «ограниченность», «центр, периферия и границы», «информация».

Качественная определенность средовой фрагментации и рассматриваемых транспортов (механизмов взаимодействия между средами) задается концептуальными рамками и соответствующим им общим содержанием выстраиваемой социальной реальности. Так, например, средовые интерпретации политического отличаются очевидными особенностями в коммуникативной системе общества (Н. Луман), в диспозициях социальных полей (П. Бурдьё) или на общем фоне системы символического производства в потребительском обществе (Ж. Бодрийяр).

В целом в политической сфере средовой потенциал рассматривается на основе допущения однородности общественного пространства, т. е. в разных его сегментах изучаются одинаковые

или близкие по качеству субстратные основания, ресурсы, факторы изменчивости. Иницилирующим импульсом возможного политического «просвещения» социальных сред могут быть ресурсные и демографические интервенции, информация, социальное действие, знаки и символы, которые используют в своих сообщениях различные социально-культурные субъекты. Разные типы социума, как правило, проницаемы для этих «возмущающих» воздействий, хотя быстрота их распространения может быть различной. В зависимости от степени развитости инфраструктуры более проникающими и динамичными могут оказаться, например, информационная кампания, целевая поставка продовольствия, социальная акция или визит политического деятеля.

Средовой подход и идею прозрачности используют в своей практике многие современные общественные политические организации. В общем плане эти организации строят свою политическую активность именно на проницаемости различных социальных сред и властных оболочек. Достигается это за счет обращения к таким темам, как открытость границ, свобода перемещения людей, идей и информации, унификация ценностей и стандартов поведения, равные права людей, свобода профессиональной деятельности в различных регионах и странах мира.

Так, например, широко известна международная общественно-политическая правозащитная организация Transparency International (ТИ)⁸. Эта организация заявляет о себе как о политически не ангажированной (non-partisan) глобальной социальной сети, включающей более 90 подразделений и общественных групп, работающих в различных государствах. Активисты организации противодействуют злоупотреблениям должностными полномочиями и коррупции, основой которой, по их мнению, является информационная и организационная закрытость органов власти и различных властных групп.

Интернациональной негосударственной организацией, выступающей за свободу слова во всем мире, является общественное объединение «Репортеры без границ»⁹. Организация борется против цензуры и за освобождение журналистов, находящихся в заключении из-за своей профессиональной деятельности. Как правило, «Репортеры без границ» требуют от властей разрабатывать прозрачную систему распределения частот информационного вещания, в компетенцию которых входит регулирование деятельности СМИ, а также создавать независимые от правительства общественные советы по информационно-коммуникативной деятельности.

Своеобразно используется тема социальной прозрачности в общественно-политической практике современного женского движения. В документах этого направления негативно оценивается «отсутствие государственной политики гендерного равенства». Подчеркиваются определенные приоритеты: «Мы убеждены, что модернизация и демократическое развитие России невозможны без достижения гендерного равноправия и баланса»¹⁰. Интересно, что в ряде публикаций непосредственно делается акцент на роли социальной прозрачности в актуализации политического потенциала женского движения. В частности, предлагаются следующие утверждения: «Главной задачей для современного женского движения становится задача “видимости” в социальном поле – “видимости” действий, “видимости” лидеров и организаций, “видимости” проблем, на решение которых они нацелены»¹¹.

Краткий обзор известных примеров и ситуаций использования прозрачности социальных сред в политических целях позволяет отметить, что пока средовые политические практики специально не рефлексированы, подчиняются преимущественно решению конкретных социально-политических задач (доступ к различным ресурсам, контроль над ними, создание центров влияния). В ряде случаев допускается некоторая абсолютизация значимости прозрачности как условия проявления политического, недостаточно учитываются политические и в целом общественно-политические последствия использования открытости/закрытости и других эффектов средового взаимодействия.

Фактически в настоящее время идеи прозрачности в политике наиболее активно используются различными организациями, которые ориентируются на либеральные стандарты жизни главных демократических держав, провозглашающих миссию защиты демократии во всех регионах и странах мира. В условиях неоднородного глобализирующегося мирового сообщества продвижение идей прозрачности становится весьма противоречивым процессом. Возникает необходимость более сложного и разнопланового понимания взаимодействующих в политике слоев и пластов общественно-исторической реальности, более полного учета во взаимодействии социальных сред духовно-мировоззренческих, кросскультурных и цивилизационных факторов¹².

Помимо практических аспектов в использовании прозрачности социальных сред для экспликации политического в рамках средового подхода, необходимо также учитывать особенности теоретической характеристики обнаружения политических явлений в прозрачности социального.

Изначально средовые трактовки общественно-политических процессов и явлений возникают непосредственно под влиянием роста актуальности экологической проблематики. Осознание важности предотвращения загрязнения окружающей среды, повышение значимости сохранения и оптимального использования природных ресурсов – эти факторы объективно способствуют тому, что экологическая тематика и терминология в силу интенсивности использования в социальном дискурсе так или иначе переносятся и в политическую сферу. Политики должны говорить на том языке, на котором говорят люди. Как отмечают исследователи, «коммуникация о природе неизбежно наполняется социальными, экономическими, политическими контекстами и интересами. Эти контексты и интересы, в свою очередь, влияют на дискурсы о природе, позволяют выделять в них те или иные прагматические ракурсы»¹³. При таком начальном взаимодействии социально-политического и природно-экологического дискурсов могут использоваться теории и идеи из самых различных научных дисциплин.

Большая теоретическая определенность для экологической проблематики в сфере политики находит выражение в новой междисциплинарной области, которая получила название «политическая экология»¹⁴. В рамках этой комплексной области знаний рассматривается человеческое общество с учетом биологических, культурных и политических аспектов его жизни во взаимодействии с природой, в значительной мере также преобразованной человеком. В политической экологии на фоне сохраняющегося многообразия ее концептуального содержания уже выделяются стабильные области теоретических предпосылок: естественные науки, социальные науки, политическая экономия и экологический мониторинг¹⁵.

Современные исследователи выделяют следующие возможности для развития политической экологии: а) дальнейшая интеграция экологического и политического аспектов в трактовке различных социальных и социоприродных сред; б) рассмотрение конкретных экологических тем, имеющих политическое значение, во взаимоотношениях между крупными регионами мира, в частности между Севером и Югом; в) учет пространственно-географического измерения в политико-экологической проблематике; г) обоснование и апробация новых исследовательских методов и методик¹⁶.

В целом перспективы новой научно-дисциплинарной области для изучения возможностей средового подхода к трактовке политических явлений связаны с тем, что предметом политической экологии становится процесс экологизации политической сферы и политического регулирования, направленного на преобразова-

ние окружающей природной среды в границах системы «природа–общество».

Во многих работах отмечается также методологическое значение политической экологии для разработки понятийного аппарата политической науки в целом, а также общего расширения представлений о том, какие новые феномены социоприродного мира могут быть включены в осмысление политических практик. Анализируя политическую экологию в системе общественных наук, современный французский философ Б. Латур призывает «выйти за пределы общественного, чтобы увидеть природные и материальные объекты»¹⁷. Таким образом, значение политической экологии, по его мнению, состоит еще и в том, что она выявляет контраст между четко определенными научными понятиями и непредсказуемыми, выходящими за пределы этих понятий явлениями реального мира во всей их сложной внутренней взаимосвязи¹⁸.

Особо значимый эвристический потенциал для характеристики средового подхода к политическим вопросам и рассмотрению роли транспарентности социальных сред в экспликации политического обнаруживается в экологической коммуникативистике и в теориях экологической коммуникации (environmental communication)¹⁹. Это обстоятельство объясняется не только актуализацией коммуникативистики и ее отдельных областей для социально-гуманитарных наук в целом. Стоит задуматься над тем, что феномен коммуникации сам по себе является результатом взаимодействия различных сред (даже в упрощенном случае речевой коммуникации). Поэтому в перспективе «встречные» идеи и обмен (понятийные переносы и концептуальные проекции) между такими областями знания, как политология, экология и коммуникативные науки, могут открывать новые возможности в познании социально-политической и информационно-коммуникативной реальностей.

В современной экологической коммуникативистике предлагается несколько крупных подходов, которые могут быть важны для средовых интерпретаций политического, в том числе и в ситуациях транспарентности социальных сред.

На основе идей постструктурализма, рефлексии научного познания и коммуникаций в социально-культурной сфере развиваются идеи о взаимной «осязаемости» и, соответственно, взаимообусловленности материального и дискурсивного аспектов социальной реальности. В этой связи само понятие «окружающая среда» (environment) трактуется изначально как антропо- и социоцентристская доминанта, вокруг которой выстраивается целая система властных отношений в современном мире. Критикуя сло-

жившуюся небескорыстную средовую диспозицию такого рода, исследователи отмечают ее генетическую близость дискурсам неограниченной социальной транспарентности: неолиберализм, открытая экономика и свободная торговля²⁰.

Не только соотношение различных социальных и природных сред, но и их органическая связь рассматриваются в концепциях взаимного опосредования природной среды и среды обитания человека (mediating Human – Nature Relations). В одной группе теорий социальные коммуникации рассматриваются как взаимодействие идей и практических действий человека относительно природы. Другие ученые интересуются преимущественно тем, как сама природная среда может выступать в качестве участника социальных коммуникативных процессов. Это становится возможным на основе признания соприсутствия (copresence) сред и их равной ценности в социально-коммуникативных интеракциях. Соответственно, выдвигается идея природы и социоприродных сред как «надчеловеческих» (extrahuman) областей, которые должны включаться в современные практики демократического процесса²¹.

Даже краткая теоретическая характеристика возможных интерпретаций средового подхода к политическим явлениям позволяет заметить рост разнообразия теоретических идей. Кроме того, можно зафиксировать пока еще сохраняющуюся избыточность эвристического потенциала этих идей относительно реальных политических практик использования политического в транспарентности различных социальных сред. В теории повышение роли социально-антропологических и ценностных факторов средового взаимодействия в политической сфере происходит быстрее, чем реальное их распространение на практике. Важно отметить, что трактовки средовых конфигураций политического обращены преимущественно к горизонтальным социально-функциональным интеракциям, где политический потенциал транспарентности раскрывается прежде всего через открытость и функциональную сопряженность гомогенизируемых в социально-коммуникативных взаимодействиях сред. Отметим, что при «уравнительном» подходе в средовых диспозициях транспарентности может проявляться такой парадоксальный феномен, как «невидимость» среды и, соответственно, ее беспредметность для политических воздействий. Например, приближение к заявляемым международным стандартам открытости различных сторон жизни современного российского общества не решает полностью проблему транспарентности и не создает ожидаемых политических потенциалов по обе стороны выстраиваемых средовых границ. Неполнота одномерных транслирующих технологий средовой транспарентности, используемых в политических

целях, отчетливо проявляется в событиях, которые происходят в настоящее время в отдельных государствах Центральной Азии, а также в Афганистане и Ираке. Транспарентность социального не-тривиальным образом обнаруживает свою политическую энергетику именно на кросскультурных и межцивилизационных рубежах. В умении формировать предпосылки для установления и развития политических отношений на основе согласования, взаимного «видения» и в этой связи относительной прозрачности мировоззренческих ориентиров, смыслов и ценностей, по-видимому, состоит перспектива использования в политике средовых технологий.

Демаркация и описание важных сред для мобилизации политических потенциалов должны проводиться с учетом сложности их социокультурного содержания, а также их мировоззренческой, «сверхсоциальной» размерности. В планировании новых или осмыслении уже используемых средовых диспозиций необходимо учитывать культурно-исторические особенности существования рассматриваемых пространственных областей. Важно проводить контекстуализацию теоретических концепций социально-экологических феноменов и процессов. В этой связи желательно опираться на те интеллектуальные и духовные традиции, которые являются природными в самом широком смысле, т. е. на традиции оригинальные, формообразующие и учреждающие для возможных средовых репрезентаций конкретной местности или определенного социального ландшафта.

Размышляя около 150 лет назад о развитии политического устройства европейских государств, русский мыслитель К.Н. Леонтьев следующим образом характеризовал желаемый вектор социально-политического развития России: «Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная внутренним деспотическим единством»²². При этом, по утверждению философа, именно «деспотизм внутренней идеи» определяет четкость и жизненность формы государства и общественного целого²³.

Открывая себя миру, мы вглядываемся в свою историю; взаимодействуя с внешним, растем от накопления и проживания собственного внутреннего. Взаимная прилаженность общественных оснований предпосылает такую политику, которая основывается на сложном смысловом диалоге, на освоении общих ценностей, на иерархии общего и частного, конечного и бесконечного.

Тогда началом политического становится уже не просто прозрачность, доступность социального, но именно благорастворение «социальных воздушных», прикровенная открытость и, далее, откровенность близких других. Но на этом уровне через «тусклое стекло» политического становятся уже видны другие горизонты.

Примечания

- 1 В качестве начальных, ориентирующих примеров могут быть названы концепция саморазвивающихся систем (Н. Луман), теория социальных полей (П. Бурдьё), концепции власти в информационном обществе (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс), политологические концепции: теория переговорного процесса (Р. Люйки, Дж. Литтерер, Дж. Шелленберг, У. Мастенбрук), теория властного баланса и разделения властей, идеи о пролиферации факторов современного политического процесса.
- 2 Социальная среда [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_среда (дата обращения 14.08.2010).
- 3 Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики. М.: Социо-логос, 1993. С. 33–52.
- 4 См.: Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 47–55.
- 5 См., например: Переслегин С. Новые карты будущего. М.: АСТ, 2009; Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2009; Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
- 6 См.: Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований. М.: РУСАКИ, 1999. С. 131–132.
- 7 См.: Физический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://all-fizika.com/encykloped/index.php>. (дата обращения 14.09.2010).
- 8 Transparency International: The global coalition against corruptions [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения 14.09.2010).
- 9 Reporters sans fronti_res [Электронный ресурс]. URL: <http://en.rsf.org> (дата обращения 14.09.2010).
- 10 Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы конференции, Москва, 26 февр. 2010 г. М., 2010. С. 112.
- 11 Коваленко Е. Современное российское женское движение: проблема «невидимости» // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра. С. 90–94.
- 12 Примерами этого являются острые дискуссии, которые ведутся в странах Евросоюза относительно принципов политкорректности, о реализации принципа открытости в миграционной политике, о сложности реализации в реальной общественной практике идей и концепций социальной инклюзии. Громким скан-

- далом сопровождался в Германии выход в свет в 2010 г. неоднозначной книги крупного германского общественного деятеля Тило Заррацина «Германия самоликвидируется», где представлена алармистская трактовка перспектив увеличения в Германии мусульманского населения, отмечается, что непродуманные открытость и уравнительность в устройении общественной жизни приводят к распространению, по мнению автора, «плебейской» политической культуры. См.: <http://www.runewsweek.ru/article/v-mire/24250-ego-borba>.
- 13 Encyclopedia of Communication Theory (2009). SAGE Publications. P. 345.
- 14 Термин «политическая экология» был предложен антропологом Эриком Вольфом в 1972 г.
- 15 См.: *Greenberg J., Park Th.* Political ecology // *Journal of Political Ecology*. 1994. № 1. P. 1–12.
- 16 См.: *Zimmerer K., Basset T.* Political Ecology. NY, 2003. P. 1–29.
- 17 *Латыр Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Вестник Московского университета*. 2003. Сер. 7. Философия. № 3. С. 23.
- 18 Обращение к новым областям реальности, новым концепциям и понятиям может сопровождаться в рассмотрении средовой общественно-политической проблематики весьма экзотическими идеями, связанными с попытками объединить традиционную науку с духовными практиками, с развитием «состояний сознания» участвующих в жизни Вселенной и ее различных сред субъектов. В качестве примера можно назвать интегральный подход и универсальную экологию американского философа и писателя К. Уибера (См., напр.: *Уйбер К.* Интегральное видение. М.: Открытый мир, 2009), приверженцев трансперсональной психологии и сторонников изучения различного рода ментальных и информационных слоев реальности, существенных для явленного мира (См., напр.: *Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. М., 2004). Отмечая важность расширения круга идей, которые могут привлекаться для понимания средовых предпосылок устройства социальной реальности, начавшийся поиск, возможно, пока эклектический, духовно-мировоззренческих оснований экологических концепций, необходимо вместе с тем подчеркнуть необходимость осмотрительного и осторожного движения в этом направлении, желательность контекстуализации гуманитарного измерения экологических идей как, прежде всего, следствия сосредоточенного внимания к автохтонным для той или иной культуры мировоззренческим ценностям и канонам.
- 19 См., напр.: *Cox R.* Environmental Communication and the Public Sphere. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications; Environmental Communication Division [Электронный ресурс] // Подразделение ЕС в Национальной коммуникативной ассоциации. URL: <http://www.natcom.org/Default.aspx?id=357&libID=378>.
- 20 Encyclopedia of Communication Theory (2009). SAGE Publications. P. 346.
- 21 Ibid. P. 347.
- 22 *Леонтьев К.* Храм и Церковь. М., 2003. С. 75.
- 23 Там же. С. 82.

Е.В. Суший

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются современные подходы макросоциального конструирования. Анализируются психосоциокультурные особенности социально-политической организации общества в данных ему пространственно-временных условиях, а также обеспечивающие устойчивость организации базовые институции, качественные свойства которых способны сохраняться в условиях трансформации. Предпринята попытка построения универсальной и одновременно прикладной теоретической модели, позволяющей рассматривать социально-политическую организацию общества в контексте социокультурной метрики и топологии. Предполагается возможность применения данной модели в изучении закономерностей, особенностей и факторов становления, функционирования и развития институциональных структур и практик государственного управления в общеэволюционном социокультурном контексте.

Ключевые слова: социальное пространство, социокультурная метрика, топология, государственность, универсальный эпохальный цикл.

Социальные концепции, претендующие на объяснение и понимание достаточно широкой, внутренне связанной области социальных явлений или общества в целом, в большинстве случаев создают некоторую динамичную или статичную упорядоченную, в идеале непротиворечивую модель общества, раскрывающую любое событие в связи со структурным, культурным и историческим контекстами, с индивидуальными и коллективными действиями членов общества. Такая модель становится основой дальнейшего эмпирического анализа, позволяющего выявить как универсалии, так и уникальные особенности изучаемого явления социальной действительности: «взаимодействие теории и эмпирического

исследования способствует как пониманию отдельного случая, так и расширению общего правила»¹. Потребность поиска теорий и методов анализа, соответствующих системной сложности изменений современной действительности, существенно меняющих представления о национально-государственном развитии стран, влияющих на социально-личностные характеристики, психологический и другие аспекты жизни человека, побуждает нас обратиться к вопросу о социально-топологических основах национально-государственной организации социального пространства.

В данной статье выстраивается теоретическая модель, позволяющая представить социальное пространство и его государственную организацию в контексте социокультурной метрики и топологии, историческая динамика которых подчинена логике циклического развития. Если быть более точным – позволяющая раскрыть в фокусе развертывания универсального эпохального цикла топологию государственности, метрическую основу которой составляет психосоциальная (ментальная) и культурно-символическая (духовная) среда, аксиологически опосредующая мотивацию действующих субъектов.

Социальная действительность, описываемая в системе значений, определяющих ее разнообразие, множественность и вариативность в заданных пространственно-временных условиях, может быть рассмотрена как топологическое пространство. Понятие пространства, которое характеризует взаимное расположение (порядок) сосуществующих объектов (точек), заимствовано из математики. Предполагается, что математическое пространство может состоять из элементов любой природы, и закономерности его построения и функционирования можно методологически использовать в комплексных исследованиях как точных, так и социогуманитарных наук. Поскольку элемент пространства, или точка множества, представляющего пространство, получает содержательную предметную интерпретацию в соответствии с исследуемой проблемой, постольку по мере обращения к более конкретной предметной области понятие пространства становится менее абстрактным и приобретает социально-топологическую функцию.

Наиболее употребительным за пределами математики является понятие метрического пространства. Такое пространство представлено множеством точек, расположенных в некоторой метрике, т. е. по заданному правилу определения расстояния между двумя точками множества. Каждое метрическое пространство может быть превращено в топологическое – этот математический термин, или знаковая конструкция, дает обобщающий образ метрического пространства. Топологическое пространство (греч. *topos* – место,

околица) представляет собой произвольное множество, в котором система факторов одного порядка – подмножеств в их предельном соотношении – задает его топологическую структуру, или топологию. Типы пространства и соответствующей ему топологии задаются исходными аксиомами и правилами метрики. Топос формируется взаимной близостью (сходством) социальных феноменов, образующих пучок причинно-следственных рядов, поэтому любая существующая позиция в многомерном пространстве может быть определена исходя из многоуровневой системы координат, значения в которой коррелируют с соответствующими различными переменными².

Составляющие социальную действительность элементы, их изменения и развитие, рассматриваемые как совокупность топологических и метрических свойств, отражают нелинейные и качественные особенности образования социальных пространств, корреляционный анализ которых позволяет как выявить их уникальные особенности, так и придать сформулированным закономерностям универсальный характер. Примеры использования топологической метафоры находим у П. Сорокина, который обозначил социальное пространство как многомерное, т. е. имеющее больше трех измерений и, следовательно, горизонтальные и вертикальные (стратификационные) параметры³. П. Бурдьё, описывающего социальный мир как многомерное пространство, конституируемое по принципам дифференциации и распределения, и отмечающего, что социоанализ представляет собой социальную топологию⁴; в теории структуризации Э. Гидденса, задающей пространственно-временную контекстуальность социальной жизни и общественных институтов⁵; в акторно-сетевой теории Б. Латура, Дж. Ло и М. Каллона, рассматривающих сеть отношений как топологическую систему, определенную «форму пространственности», что позволило, например, Дж. Ло сформулировать исследовательскую программу, которую также можно назвать социальной топологией⁶, и т. д. Данный подход, особенно в условиях непрерывных трансформаций, дает видение как самой динамической структуры пространств социальных различий, так и социологически конструируемой единицы того или иного пространства, что позволяет исследовать социальное пространство меняющейся структуры: социальные различия, социальные отношения, пространство/время социального мира, свойства социальных позиций, практик и практических схем, взятых в их взаимодействии⁷.

Каким образом теория социального пространства может быть адаптирована для анализа государственной организации общественной системы? Данный подход предполагает как рассмотрение

системных характеристик пространства (определение его структурно-функциональной, соответственно институциональной, организации), так и выявление культурно-символических и психо-социальных факторов – общекультурных принципов, идеалов, ценностей, которые являются господствующими в обществе в тот или иной период его развития.

Топос всегда связан с неким локальным порядком, которому соответствуют определенные структуры, легально или легитимно закрепляющие позиции составляющих его элементов и определяющие действия практических схем и практик, т. е. реально существующие социальные системы функционируют как единое целое. Целостность (единство) как основная системная характеристика общества определяет зависимость каждого элемента, части, свойства и отношения от его места и функций внутри системы. Используя системный и структурно-функциональный подходы можно представить общество и любой его компонент как определенный тип системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация социально значимых принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах⁸. Явления социально-политической, в частности государственно-управленческой, действительности в их культурно-исторической целостности и взаимосвязи раскрываются в рамках институционального и социокультурного подходов. Оба подхода представляют социетальный ракурс видения общества как целостной структурированной системы, основой которой выступают либо институциональные, либо культурные компоненты. Это позволяет анализировать траектории и содержание социальных изменений, в том числе и в исторической ретроспективе, а также рассматривать комплекс социальных взаимодействий от социальных практик до базовых институтов, существующих в заданном социокультурном контексте и задающем эти структуры, особенности их преломления в различных условиях, ценностных доминантах и опыте личности⁹. Таким образом, задавая топологию государственности, мы одновременно создаем предпосылки к рассмотрению целостного комплекса взаимосвязанных условий, определяющих структурную организацию государства и динамику его развития в определенный момент истории.

Опыт функционирования государственно-управленческих институтов аккумулируется в определенных традициях и стереотипах, которые на всяком новом преобразовательном витке развития выступают как некие предпосылки и условия, как своего рода куль-

турно-символическая среда, задающая приоритетные ценности, определяющие, в свою очередь, государственные нормы и установления, принципы властной организации и порядка общения, правила политических и экономических отношений¹⁰. С другой стороны, культурно-символическая среда задает особенности реального функционирования государственных институтов и деятельности субъектов государственного управления, их структурное оформление и развитие в определенном историко-культурном контексте. Таким образом, анализ государственно-управленческих отношений на более широком культурно-историческом фоне позволяет выявить взаимообратную обусловленность влияния культурных традиций на характер институциональных преобразований и трансформацию культурной среды под действием институциональных изменений в ту или иную эпоху.

Генетический структурный анализ (или «генетический структурализм», по определению П. Бурдьё) объективных структур различных социальных пространств неотделим от анализа генезиса ментальных структур индивида, через которые он воспринимает социальное пространство и которые являются продуктом инкорпорации социальных структур, а также от анализа генезиса самих этих социальных структур, их исторической обусловленности¹¹. Если мы попробуем представить человека внутри социального пространства, то он, с одной стороны, предстает как «герой времени» – исторический психотип, носитель социокода, а с другой – как социальный агент (Т. Парсонс, Э. Гидденс, П. Бурдьё), конституируемый в данное социальное пространство посредством властно-управленческих отношений, в которых он занимает ту или иную позицию (место), определяющую его включенность в реальный процесс непрерывного социокультурного взаимодействия.

«Антропологический поворот» современного социогуманитарного знания поставил человека и его культурное развитие в центр исторических перспектив, обострил вопрос взаимосвязи организации реальной действительности и познающего, действующего (творящего) и переживающего субъекта истории. Поскольку социальное и психическое едины – психическое социально-исторически детерминировано (Л. Выготский, С. Рубинштейн, А. Леонтьев, А. Брушлинский), следовательно, в процессе развития сложных социальных систем, особенно в переходные моменты истории, изменяется не только их внешняя, социальная, материальная сущность, но и внутренний, психический, идеальный мир людей, их поведенческие стереотипы, ценностные ориентации и социальные нормы, т. е. меняется социотип человека, его психо-социальная культура¹².

Институциональные формы и социокультурные практики предопределяют доминирующий в конкретно-историческую эпоху психосоциальный тип личности, который, в свою очередь, в определенной степени является «виновником» институциональной данности. Это объясняется тем, что структурная организация воздействует на включенных различным образом в нее людей и вынуждает их развивать культурные предпочтения, социальные поведенческие формы и психологические склонности¹³. В то же время нельзя не согласиться с мнением, что «психическое (верования, страсти и т. д.) чаще, чем это принято считать, лежит в основе социального (общественных структур, продуктов, институтов и т. п.)»¹⁴. Более того, если психическое соотнести с общим контекстом – социальной реальностью, источником которой выступает личность, или с цивилизацией, то глубинные процессы истории могут прочитываться не иначе, как процессы, обусловленные сознанием¹⁵. Иными словами, общественно-историческая обусловленность человеческой психики неразрывно связана с психической детерминацией социального, следовательно, адекватно раскрыть национально-государственную организацию социального пространства возможно только в ее психосоциокультурном измерении.

Универсальных, в равной мере пригодных для всех стран и народов технологий управления не существует, поскольку они проявляются конкретно, используются субъективно в зависимости от объективных обстоятельств¹⁶. Введение психического компонента позволяет рассматривать государственное управление через призму двуединого социально-психологического процесса развития личности и общества, детерминированного культурой. Психосоциокультурное измерение пространства государственности раскрывает диалектическую связь объективных условий и субъективных особенностей жизнедеятельности общества, в том числе и в сфере государственно-управленческих отношений, что имеет как научную, так и практическую значимость.

Итак, государственность пространственно или топологически множественна. Для ее описания необходимо:

- выделить ключевые, системообразующие константы, в том числе внешние условия, структурирующие социальное пространство;
- определить инвариантные, неизменные и независимые от внешних условий и преобразований свойства, организующие данное пространство;
- выявить качественные характеристики компонентов государственности (формы-структуры, свойства-функции), «активные» метрические (социально-материальные, культурно-символические

и психосоциальные) формы, их проявления и особенности влияния на топосы, обуславливающие коммуникативные практики входящих в них и действующих субъектов;

– раскрыть закономерности, детерминирующие взаимоотношения психосоциальных и социально-культурных (институциональных) компонентов, структурирующих пространство государственности.

При этом логика конституирования национально-государственной организации социального пространства и динамические характеристики, определяющие ее особенности в тот или иной период исторического развития, могут быть рассмотрены в логике циклического развития.

В отличие от преобладающих в теориях циклистов идей, в соответствии с которыми социальные циклы описываются подобно жизненному циклу развития личности (О. Шпенглер, Н. Данилевский, Л. Гумилев и др.) или как совокупность повторяющихся циклов (Дж. Вико, А. Тойнби, П. Сорокин, Н. Кондратьев, П. Штомпка и др.), в украинской школе архетипики (Э. Афонин, А. Бандурка, А. Мартынов, Е. Донченко и др.)¹⁷ разрабатывается концептуально иной подход к анализу общественно-исторического развития, в основе которого лежат представления о нелинейном характере исторического процесса. Этот подход актуализирован исследователями в модели «универсального эпохального цикла» и в психодиагностических методиках количественного и качественного анализа социетальных свойств, состояний и процессов.

Согласно модели «универсального эпохального цикла» личность, общество и цивилизация, рассматриваемые как разновеликие социальные системы, «проживают» пять циклов, каждый из которых образован структурой из четырех элементов: «революция» («инволюция» («коэволюция» («эволюция», подчиненных логике смены нормативно стабильных/устойчивых (инволюция, эволюция) и транзитивных, переходных, системно-кризисных (революция, коэволюция) периодов общественного развития. При этом революция выступает неким интегратором результата общественного развития в предыдущем цикле, в том числе порождает коллективистского в своей сущности субъекта «Мы». Контрверзой к нему является период коэволюции, порождающий самодостаточную субъектную сущность «Я». Переходные периоды характеризуются аномией, «размытостью» или противоречивостью старой/новой социальной нормы, фрустрацией общественного сознания, ценностно-нормативными противоречиями. Нормативные периоды общественного развития характеризуются стабиль-

ностью (для статической природы инволюции) или динамическим равновесием (для динамической природы эволюции) социальной нормы, которая обеспечивает свергывание или усложнение социальной структуры при сохранении определенного соответствия между ценностно-нормативной структурой, интерактивной структурой и структурой интересов¹⁸.

Революцию и коэволюцию как переходные общественные состояния объединяет идея радикальных психосоциальных и социально-материальных (институциональных) изменений, разделяет же их содержание субъектности. Революция, формируя субъект «Мы», утверждает в обществе эмоционально-чувственный психотип личности, которому характерны такие свойства, как экстраверсия, эмоциональность, иррациональность, интуитивность, экстернальность, экзекутивность, в то время как коэволюция, формирующая субъект «Я», утверждает в обществе рациональный психотип личности и, соответственно, характерные для него свойства: интроверсию, прагматичность, рациональность, сенсорность, интернальность, интенциональность.

Интерпретация логики государственной организации при использовании структуры цикла может варьироваться в зависимости от отличий ритмов и периодичности циклов. П. Сорокин и Р. Мертон сформулировали фундаментальную зависимость социального времени от социальных структур, когда система времени варьируется вместе с социальной структурой, а точки отсчета социального времени определяются социально значимыми событиями, т. е. социальное время у них имеет социальные истоки и наполнено культурным содержанием¹⁹. В сложной, калейдоскопической динамике фаз характеризуемых циклов психосоциальные, культурно-символические особенности, институциональные компоненты и коммуникативные практики различных национально-государственных образований приобретают иной смысл и особенную внутреннюю логику, характерную для того или иного периода истории. При этом в соответствии со шпенглеровской идеей о «созвучности общественно-исторических эпох» оказывается, например, что постмодерн сущностно созвучен с эпохой Просвещения и Римской эпохой, в которых мы вполне можем найти намеки на современных постмодернистские идеи.

Поскольку циклы национально-государственных образований стран мира находятся в разных фазах «универсального эпохального цикла», сознание фиксирует их как усредненную линейность развития; когда же фазы разных циклов одного и того же национально-государственного образования совпадают, это фиксируется как прогрессия социального развития. Продолжительность цикла

и его периодов зависит от структуры цикла и механизма перехода от одной фазы к другой, детерминированных психологическими, социокультурными, социально-политическими и социально-экономическими причинами. Каждая сфера социальной действительности имеет собственные логику и ритм циклического развития, которые могут быть незавершенными или прерываться в силу как внешних исторических, так и имманентных относительно субъекта обстоятельств. Соподчиненность различных уровней – личностного (психосоциальный), общественного (национально-государственный, социально-экономический, социокультурный, институциональный и др.), локального (региональный), континентального, глобального, цивилизационного – определяется их иерархичностью.

Социально-политическое пространство организовано как юридически узаконенный и легитимизируемый ценностно-нормативными представлениями порядок, комбинация взаимодействий и отношений власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми; как упорядоченное соотношение составляющих его базовых институтов, групп агентов, объективирующих те или иные позиции; как коммуникативные практики (игра/борьба, конфликт/консенсус) и практические схемы со-определения и соотнесения в определенных целях и интересах; как определяющие его культурно-символическое наполнение смыслы, мнения, установки, оценки, мотивы, стереотипы, интересы и т. д. В данном целостном сложно структурированном коммуникативном пространстве взаимообращение психосоциокультурных доминант и его институциональной организации определяет функционирование и развитие системы государственного управления.

Государственность выступает системообразующей формой политической организации жизнедеятельности общества, порожденной ходом его естественно-исторического развития, объединяющей всех членов данного общества и предстающей в виде системы отношений, норм, институтов публичной власти, т. е. являющейся публично-властной формой организации социально стратифицированного общества²⁰. Властвование проявляется в сочетании или степени соотношения государственного управления и политического участия граждан, опосредуемых публичным пространством коммуникативных практик. Процессы, идущие и сверху и снизу, отражают наличествующую систему различения и распределения ролей, т. е. совокупных активных свойств, наделяющих его носителей силой (авторитетом) и властью (позицией), задающих характер их взаимоотношений (коммуникативных практик), а также представляют институциональные структуры, упорядочивающие формы, способы, методы интеграции, организации, контроля

и управления. Образ государственности представлен: 1) историческим генезисом государства; 2) системой признаков, выражающих публично-властную натуру государства; 3) его внешним обликом и композицией; 4) институциональной организацией и ее функциональными свойствами – государственно-управленческой организацией и ролью, выполняемой в жизни людей²¹.

Пространственно-временные характеристики и историко-географические факторы как внешние условия, задающие параметры социальной метрики и топологии социально-политического пространства, обуславливают способ организации и управления жизнедеятельностью общества и опосредуют образ государства на конкретно историческом этапе. Физический, ментальный и духовный уровни организации пространственно-временного континуума выступают системообразующими константами онтогенезиса рассматриваемой системы. Каждый уровень представлен тремя подуровнями, структурирующими внутреннюю организацию пространства государственности. Для физического – это территориальное, экономическое, демографическое подпространства; для ментального – политическое, информационное, психологическое; для духовного – религиозное, культурное, этическое²².

Рассматривая государственность как организованное и динамично развивающееся топологическое пространство, следует учитывать как специфику конкретно-исторических условий, историко-географические факторы, определяющие геополитическое положение государства, так и зависимость от национально-культурных и социально-психологических факторов, которые отражают ее связь с реальной жизнью и повседневной совместной деятельностью людей, их сознанием, волей, ценностными ориентациями, интересами и т. д. Другими словами, необходимо видеть ее в психо-социокультурном измерении, что гипотетически мы и можем сделать в рамках «универсального эпохального цикла» и психодиагностики социетальных свойств, состояний, процессов.

Данный подход, по словам одного из его разработчиков профессора Э. Афонина, позволяет в целом определить социально-топологическую конфигурацию процесса общественно-трансформационных изменений на его глубинном (архетипическом) уровне, вскрыть закономерный характер таких изменений и сформулировать адекватный прогноз относительно выхода страны на режим устойчивого общественного развития. При сравнении разных национально-государственных образований возможно проследить общий характер генезиса государственной организации и выявить те его черты, которые задают особенный – национально-культурный – колорит государственного управления.

- 1 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 10.
- 2 См.: Шматко Н.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социс. 2001. № 9. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/09-2001/003Shmatko.pdf>
- 3 См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 298–302.
- 4 См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 55–58.
- 5 См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. С. 248.
- 6 См.: Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 25–30.
- 7 См.: Шматко Н.А. Указ. соч.
- 8 См.: Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социс. 2004. № 2. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-02/adavydov.pdf>
- 9 См.: Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-12/Kirdina.pdf>
- 10 См.: Десярев А.А. Основы политической теории. М.: Высш. шк., 1998. С. 224.
- 11 См.: Бурдые П. Начала = Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. С. 28.
- 12 См.: Афонин Э.А., Бандурка А.М., Мартынов А.Ю. Великая коэволюция: Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ. К.: Парламентское изд-во, 2003. С. 18.
- 13 См.: Мертон Р. Указ. соч. С. 234.
- 14 Брушлинский А.В., Шихирев П.Н. О пользе вечных истин / Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 6–7.
- 15 См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134–148.
- 16 См.: Охотский Е.В. Государственное управление в современной России: учеб.-метод. комплекс. М: МГИМО(У) МИД России, 2008. С. 47.
- 17 См.: Афонин Э.А., Бандурка А.М., Мартынов А.Ю. Указ. соч. *Они же*. Суспільний розвиток від Різдва Христового. К.: Парламентське изд-во, 2000; *Они же*. Соціальні цикли: історико-соціологічний підхід. Х.: Золота миля, 2008; и др.
- 18 См.: Мартинов А.Ю. Історична соціологія (циклічна парадигма). К.: УАІД «Рада», 2004. С. 148.
- 19 См.: Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/sorokin_sotsialnoe.pdf
- 20 См.: Политико-правовые ценности: история и современность. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 135.
- 21 Там же. С. 138.
- 22 См.: Грачева Т. Невидимая Хазария: Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань: Зерна, 2009. С. 14.

Н.А. Лукьянова, Г.В. Кашкан

КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ*

В статье рассматриваются технологии конструирования социально-политической среды в контексте двух процессов – коммуникации и знаковой динамики. Обращение к методологическим установкам теории интерпретанта (Ч.С. Пирс) позволило установить два вида технологий конструирования социально-политической среды. В основе первой лежит коммуникативная стратегия «дискурсивный символизм», рассматриваемая как особый род коммуникации, нацеленный на рациональное осмысление реальности. Вторая технология базируется на коммуникативной стратегии «презентативный символизм». Этот тип коммуникации ориентирован на осмысление мира посредством знака «в логике мифа». Фиксируется взаимозависимость двух коммуникативно-семиотических технологий для целей формирования социально-политической среды как специфического рынка возможностей, в котором могут быть реализованы многообразные политические идеи, имеющие рациональную и иррациональную природу.

Ключевые слова: знак, знаковая динамика, интерпретанта, социально-политическая коммуникация, коммуникативные стратегии, символ, символическая политика.

Новейшие коммуникационные технологии создают ситуации, в которых даже незначительные изменения в содержании и направленности передаваемого в СМИ сообщения могут иметь далеко идущие для всего общества последствия, в том числе в политическом плане. Политическая коммуникация в информацион-

* Исследование осуществляется в рамках реализации проекта по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

© Лукьянова Н.А., 2011

© Кашкан Г.В., 2011

ном обществе тесно связана с созданием новых значений и символов. Это прежде всего форма коммуникации, обретающая яркое семиотическое выражение в современной информационной среде. Подобная постановка вопроса актуализирует проблему анализа социально-политической среды не только с позиций «производства общественного мнения», но и с точки зрения особой роли в этом «производстве» коммуникативных и семиотических процессов в их взаимосвязанности и взаимозависимости. Данные процессы – это объективно существующие устойчивые связи между утвердившимися состояниями знака и процессами коммуникации, характеризующими его формирование. С помощью знака наша мысль, хаотичная по природе, структурируется, разделяется на части, формируется для возможностей коммуникации, которые также динамичны по своей природе.

В условиях развития современного информационного общества принципы конструирования социально-политических сред в значительной мере становятся зависимыми от возрастающей роли знаковых структур в коммуникативных взаимодействиях. Фактически скорость коммуникации, зависимость знака от темпа передачи информации делают семиотическое пространство плоским. Новым коммуникационным технологиям присваиваются ранее не свойственные семиотические функции конструирования реальности. Речь идет о том, что мобильная связь, Интернет, телевидение и пр. «назначаются ответственными» за создание множества новых семиотических образований, существующих в виде знаков и знаковых систем.

В такой постановке проблемы особое значение приобретает семиотическая составляющая коммуникации. Акцентируется не столько поведенческий аспект политических процессов, сколько внутренние структурно-функциональные особенности политической среды, определяющей тот или иной способ и характер взаимодействия между субъектами. Единицей анализа при этом выступают коммуникативно-семиотические процессы, представляющие собой сложную систему динамических взаимодействий между различными структурными уровнями социально-политической среды (статусно-ролевой, государственно-нормативный, институциональный и др.). В процессах коммуникации как процессах «информационно-смыслового взаимодействия в сложных социальных системах, обеспечивающих их устойчивость и воспроизводство»¹, ключевым фактором является человек, который создает новую реальность, используя знак в качестве посредника.

Гипотезой данной работы является следующий тезис: начальной точкой при определении технологий конструирования социально-

политической среды в их коммуникативно-семиотическом аспекте должно стать не исследование отдельного конкретного знака и способа его существования в коммуникациях, а анализ ключевых механизмов в процессах знаковой динамики. На основании ключевых положений концепций семиозиса и интерпретант Ч.С. Пирса сформулировано понятие «знаковая динамика» – целостный, необратимый процесс становления знака в его потенциальности, фактической реализации, целеустремленности в процессах социокультурных коммуникаций. Процессы знаковой динамики инервируют (или обеспечивают собой) социокультурные коммуникации, образуя в различных проекциях семиотические конфигурации коммуникативного пространства – сложную сеть семиотических взаимозависимостей, возникающих в результате тончайшего переплетения собственного опыта человека и традиций социума.

Проводя аналогию с известной моделью венгерского архитектора Э. Рубика, можно сказать, что образ «волшебного кубика» является показательным примером массы комбинаций семиотических взаимозависимостей в коммуникациях. Технологии «сборки» кубика в большом многообразии предлагались всем желающим в журнале «Наука и жизнь». Они были направлены на достижение одной цели – собрать «кубик мечты» на основе имеющихся пошаговых инструкций. Подобным образом в данной статье будут предложены технологии конструирования социально-политической среды. Пошаговая инструкция основана на знаниях о взаимосвязи между такими компонентами знаковой динамики, как три фундаментальных модуса бытия, устанавливающих потенциальность существования знака в коммуникациях (согласно категориям первичности, вторичности, третичности) с тремя видами интерпретант (непосредственная, динамическая, финальная). Интерпретанта рассматривается как метасемиотический конструкт, содержащий все логические возможности, заложенные в знаке в процессах семиозиса. Семиозис, в свою очередь, – это динамический процесс интерпретации знака, происходящий при участии интерпретирующего субъекта. Это бесконечный процесс, в котором интерпретанты создаются постоянно.

Анализируя процесс интерпретации в процессах коммуникации, мы можем сделать вывод о трех ключевых шагах (этапах) становления интерпретант согласно трем категориям бытия и познания (модусам бытия), обозначенным в концепции познания Ч.С. Пирса.

Приведем следующий пример. Известно, что российский политический дискурс весьма увлечен политической телесностью. Знаковые фигуры являются не переменным атрибутом российской политики. Как писал М. Фуко, политическое тело – это «совокуп-

ность материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания»². В статье Г. Орловой «Политическое тело президента» проведен подробный анализ восхождения на политический олимп В.В. Путина с позиции формирования знаков телесности. Продемонстрируем этапность процесса семиотического осмысления реальности в процессах коммуникации, опираясь на данный анализ.

Первый этап – это качество знака как возможность его существования в коммуникациях (категория первичности). Формируется непосредственная интерпретанта, определяются условия вхождения знака в коммуникативное пространство. На этом этапе аккумулируется семиотический потенциал политической персоны: «Путин как политическое ничто» интерпретировался как “творческая пустота”, источник и средоточие амбивалентных смыслов. Протеичная идентичность человека постмодерна зияла в постоянных переодеваниях и. о. Кимоно, “алюска”, горнолыжный костюм играли лицо Путина, с парадоксальностью, присущей практикам одевания, подчеркивая: “А король-то пуст”³. Однако именно эта политическая пустота позволяла конструировать бесконечное множество смыслов, присваивать различные способы политического поведения. Данный этап есть некоторое схватывание системного, социально нормированного содержания интерпретируемого знака. Непосредственная интерпретанта указывает на определенное свойство знака, согласно которому интерпретируемость существует еще до того, как знак достиг интерпретатора.

На втором этапе формируется динамическая интерпретанта. У человека появляется возможность максимально раскрыть содержание непосредственной интерпретанты в ее множественности и индивидуальности, поскольку он может обратиться ко всему богатству индивидуальной и коллективной памяти. Определяются индивидуальные признаки нового президента: «Прежде всего, были актуализированы и перенесены в политическую сферу аксиологически окрашенные физические конструкты (“молодой”, “здоровый”, “спортивный”). “...Если царь Борис с трудом держался на ногах, то князь Владимир пышет здоровьем и полон физических сил”⁴. На этом этапе динамическая интерпретанта входит в индивидуальное сознание. Это уже не «облако» смыслов, а некоторое значение, которое человек готов использовать в своей деятельности. Иначе говоря, знак субъективируется в процессе интерпретации, что делает его отличным от других знаков.

И наконец, финальные интерпретанты, рождаемые на третьем этапе, – то окончательное мнение, которое формируется в конце

как истинная интерпретация: такие президентские амплуа, как «герой-змееборец» и «спаситель Отечества». Тем самым характеристики политического тела Путина становятся основой для конструирования сценария властного поведения: «Новая “сильная рука” исправит ошибки прошлого и принесет обещанное процветание»⁵. Было еще множество фактов, свидетельствующих о создании нового образа, но этот пример наглядно демонстрирует, как на этапе формирования динамической интерпретанты происходит взаимодействие новых значений (В.В. Путин) с уже известными (спортсмен, молодой лидер), в итоге формируется новое политическое тело президента. Создана финальная интерпретанта – образ – «физически сильный человек, борец и горнолыжник, в пространстве власти легко превращается в сильного политика, борца и защитника»⁶, что и определило результаты голосования.

На наш взгляд, наиболее важной представляется последовательность конструирования интерпретант, поскольку она определяет выбор технологии конструирования социально-политической среды.

Итак, выводы о технологиях конструирования социально-политической среды основаны на указанных выше этапах становления трех видов интерпретант (Ч.С. Пирс), а также на принципах философии символизма, обозначенных в исследованиях А.Н. Уайтхеда и С. Лангер. Обращение к указанным концепциям обусловлено тем, что символизм мы рассматриваем как процесс коммуникативной деятельности, а символ в его широкой трактовке (в отличие от символа-знака) понимается как интеллектуальный инструмент культуры. Процесс познания есть прежде всего символический процесс. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос. Однако процесс символического преобразования нуждается в завершении, во внешнем действии. Это и есть созданная в процессе коммуникации финальная интерпретанта. Посредством символизации решается проблема познаваемости действительности (что не противоречит концепции существа познания Пирса) в ее изменчивости и многомерности.

Американский философ Сьюзен Лангер, ученица А.Н. Уайтхеда и поклонница творчества Э. Кассирера, отмечает, что символизация – это не просто «форма духовной адаптации»⁷, как ее понимал Э. Кассирер. Символы, по сути, – это интеллектуальные инструменты, следовательно, они не могут быть сведены только к ощущениям или эмоциям⁸. Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность, в которой представлены и предметный, и символический аспекты.

Символическая функция является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума⁹. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос. Поскольку символ специфически перерабатывает действительность, он является определенным пониманием, или интерпретацией.

В таком понимании целью символического осмысления действительности может быть как власть над миром, так и власть над самим собой, что находит воплощение в двух коммуникативных стратегиях конструирования финальной интерпретанты. Первую коммуникативную стратегию мы условно обозначим как «дискурсивный символизм» (термин С. Лангер). Может быть, это не очень удачное название для стратегии, однако, как мы полагаем, в нем отражается ключевое свойство коммуникации – способность человека вербализовать смыслы. Человек может спросить обо всем, что выражает язык. В этом проявляется коммуникативная функция языка, а также законы дискурсивного мышления, посредством которого мы имеем возможность свои идеи выстраивать в определенной последовательности, как бы надевать их друг на друга по некоторой «оболочковой линии» (С. Лангер).

В названной последовательности проявляются непосредственная, динамическая и финальная интерпретанты. Именно в таком порядке проясняются значения, обладающие мыслимыми практическими последствиями, которые воплощены в практическое действие в коммуникативном акте. Роль финальной интерпретанты состоит в том, что данная интерпретация признается истинной большинством участников коммуникации, это некоторое окончательное мнение о результате коммуникации. Благодаря свойству генерализировать смыслы, обобщать их посредством символизации мира, мы способны конструировать мир с помощью символических форм, и именно в этом проявляется символический характер познавательной деятельности.

Наряду с дискурсивным символизмом, пишет С. Лангер, в нашей реальности существует другой тип символизма, роль которого принижается или игнорируется. Речь идет о символах, не нуждающихся в технике дискурсивного анализа, так как они проявляются в мифах, эмоциях, сновидениях и пр., т. е. в иррациональности нашего сознания. Этот тип символизма С. Лангер назвала недискурсивным, или презентативным символизмом.

Выявленные выше этапы (шаги) формирования интерпретанты в коммуникациях дают нам понимание механизмов функционирования двух типов символизма, которые мы рассматриваем как коммуникативные стратегии формирования финальной интерпре-

танты, лежащие в основе технологий конструирования социально-политической среды.

Основное различие в принципах функционирования данных технологий заключается в том, что в стратегии «дискурсивный символизм» присутствует последовательность прохождения трех этапов при создании финальной интерпретанты. В механизме «презентативный символизм» отсутствует одна существенная составляющая – этап формирования динамической интерпретанты, т. е. в конструировании окончательного мнения относительно знака, который является бесконечно интерпретируемым, не происходит отсылка к феномену «другого», не устанавливаются взаимозависимости от других интерпретант, что дает возможность конструировать финальную интерпретанту иррациональными способами. Данные стратегии могут существовать одновременно, однако преобладание в определенный момент времени той или иной стратегии может объяснить специфику выбора человека в социальной и политической сфере.

Ярким примером работы технологии конструирования социально-политической среды на основе коммуникативной стратегии «презентативный символизм» является известный сюжет о «российской агрессии», представленный на грузинском канале Иmedi. Имитация реальности была настолько правдоподобной, что жители Грузии, по сообщениям российских информагентств, посчитали репортаж правдивым, и программа «вызвала панику по всей стране»¹⁰. Данный сюжет – это специфический дискурс, который разворачивался в виде мозаики презентативных символов на экране телевизора и оказался для многих людей источником информации о мире, поскольку в коммуникативной стратегии презентативного символизма идея (финальная интерпретанта) представляется моментально, это картина-образ. Такая презентативная символика по своей природе непереводаема в дискурс и сегодня является основным продуктом массовой коммуникации. Зримое обладает огромной эмоциональной силой, подчеркивал Г. Лебон: «Антонию, например, удалось возбудить народ против убийц Цезаря никак не посредством искусной риторики, а посредством чтения его завещания и указания на его труп»¹¹. Тем самым реализуется стратегия «презентативный символизм», служащая инструментом манипуляции.

В данном контексте представляется возможным говорить о «символической политике» как политике обращения со значимыми для массового зрителя символами. Технология такого обращения может строиться на коммуникативной стратегии дискурсивного и / или презентативного символизма. Результатом становится

политическое действие, само выступающее как символ, представляющий собой в широком смысле слова интеллектуальный инструмент мышления. Такой символ способен превратить политическое действие (по сути, финальную интерпретацию) в зрелище, создающее искусственный привлекательный мир, который часто кажется реальным. Технология реализации символической политики на основе стратегии «презентативный символизм» заключается в легитимации ярких образов посредством организации политических шоу. Обращение к иррациональности нашего сознания позволяет конструировать социально-политическую среду, в которой любая информация, попадающая в СМИ, не просто «высвечивается», но как бы заранее интерпретируется в стиле телешоу посредством создания мозаики презентативных символов. Г. Лебон пишет: «Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу... Между тем в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию»¹². Например, словами «придание экономике более инновационного характера» Владимир Путин сопровождал одну из кадровых перестановок¹³. В тот вечер все телеканалы повторили это выражение по нескольку раз, уточнять его смысл журналисты не стали. Простое повторение слов должно было вызвать непонятные «смутные образы» и «благоговение толпы». Это еще один характерный пример того, как с помощью коммуникативной стратегии презентативного символизма телевидение выполняет политические задачи.

Таким образом, социально-политическая среда с точки зрения символической политики выступает в качестве специфического рынка возможностей, где могут быть реализованы многообразные политические идеи, имеющие как рациональную, так и иррациональную природу. Данные идеи могут включаться в технологии конструирования социально-политической среды, где может происходить освобождение и творческое развитие человека, но могут также создаваться серьезные антропологические угрозы.

Примечания

- ¹ *Клягин С.В.* Социальная коммуникация: созидание человека и общества // Вестник РГГУ. 2007. № 1. С. 44.
- ² *Фуко М.* Надзирать и наказывать [Электронный ресурс]: рождение тюрьмы: пер. с фр. М.: Ad Marginem, 1999. Электрон. версия печат. публ. URL:

Н.А. Лукьянова, Г.В. Кашкан

http://www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html (дата обращения: 08.08.2008).

- 3 Орлова Г. Политическое тело президента. // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3–4. С. 69.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 70.
- 6 Там же. С. 73.
- 7 Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке М.: Гардарики, 1998. С. 470.
- 8 См.: Ричард Х.И., Лангер С.К. 1895–1985 // Американская философия. Введение. М., 2008. С. 348.
- 9 См.: Лангер С. Философия в новом ключе [Электронный ресурс]: исследование символики разума, ритуала и искусства: пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (дата обращения: 25.06.2008).
- 10 РИА Новости – <http://www.rian.ru>
- 11 Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М., 2003. С. 198.
- 12 Там же. С. 228
- 13 См.: Старобахин Н.Н. Освещение социально-политических событий в теле-новостях как способы конструирования реальности (на примере информационных программ российских телеканалов начала XXI века) // Медиаскоп / Электронный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. <http://www.mediascope.ru/node/251>

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ

Следствием внедрения СМИ во все области общественной жизни стали изменения характера политической и, в частности, президентской коммуникации.

В статье рассматривается процесс медиатизации президентской коммуникации и как следствие – возникновение риторического президентства, создавшего предпосылки для качественно новой президентской риторики.

Признавая дискуссионность большинства вопросов, связанных с президентской коммуникацией и риторическим президентством, автор тем не менее приходит к выводу о тенденциях к изменению современного президентского дискурса в сторону медийности, публичности и корпоративности.

Ключевые слова: риторическое президентство, президентская коммуникация, дискурс власти, президентский дискурс, медиатизация, риторизация, предвыборная риторика.

Процессы медиатизации¹, происходящие в современном мире, не могли не отразиться на риторике власти в целом и на традиционно риторическом характере института президентства в частности. Значимость трансформаций, претерпеваемых президентским дискурсом под воздействием СМИ, настолько велика, что выступает в качестве одной из наиболее острых тем теоретического и прикладного научного исследования. В настоящей работе мы ограничились рассмотрением лишь вопросов риторизации и медиатизации института президентства в условиях медиасреды; анализа риторических характеристик современного дискурса власти (публичность, медийность, корпоративность, персонифициро-

ванность); выявления прямой зависимости риторических трансформаций президентского дискурса от воздействия на него массмедиа (сдвиг риторики правления в сторону предвыборной риторики; изменение соотношения убеждающих стратегий в президентском дискурсе – «от логоса к пафосу»; преобразование персонифицированного стиля президентской речи в корпоративный стиль).

Понятие «риторическое президентство» возникло в вокабуляре американских политологов и историков в 80-е годы прошлого века. При этом и те и другие до сих пор осознают дискуссионность данного термина. Она, в первую очередь, касается споров вокруг даты рождения самого явления риторизации президентского дискурса. По мнению американского политолога Джеффри Тулиса, риторическое президентство – феномен XX в., который зародился во времена правления Теодора Рузвельта, выкристаллизовывался в период администрации Вудро Вильсона и был институционализирован Франклином Д. Рузвельтом. В своем исследовании «Риторическое президентство» (1987) Тулис настаивает на глубоких отличиях института президентства XIX в. от его риторической модели XX в., определяя последнюю как «отход от конституционного президентства, законодательно одобренного отцами-основателями»².

По мнению Тулиса, президентская риторика XIX в. отражала конституционную теорию в соответствии с двумя правилами: 1) желательно, чтобы обращения президента к Конгрессу носили форму письменных документов; 2) обязательно, чтобы устные обращения президента к нации не были частыми, носили ритуальный характер (пример – инаугурационная речь) и акцентировали внимание слушателей на конституционных принципах, не затрагивая при этом конкретных вопросов политики. Таким образом, деятельность президента не носила публично риторического характера и стала таковой лишь с внедрением в политическую жизнь страны радио (знаменитые «беседы у камина» Ф.Д. Рузвельта), а впоследствии – телевидения (теледебаты с участием Дж. Кеннеди).

В поддержку точки зрения Тулиса выступает и американский политолог Джеймс Сизер: «Один из основных факторов, дающий начало риторическому президентству, связан с развитием и совершенствованием СМИ. Массмедиа увеличили размер аудитории, обеспечили немедленный доступ к ней президентской риторике и изменили канал общения президента с публикой: от печатного слова (имеются в виду газеты, публиковавшие в XIX в. президентские тексты. – *И. А.*) к устной речи и визуальному образу»³.

Еще одной причиной риторизации института американского президентства Сизер называет особенности проведения избирательной кампании, которая «требует от президента публичных

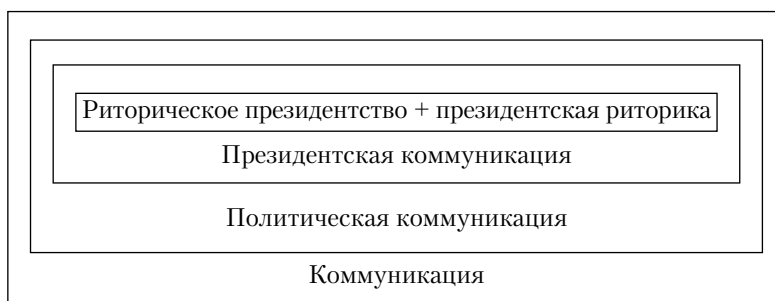
выступлений, поездок по стране, создания имиджа, выявления проблем и предложения вариантов по их разрешению»⁴.

Характеризуя американское президентство XX в. как риторическое, и Тулис, и Сизер рассматривают саму риторику власти в ее узком толковании: только устная, только обращенная к нации, только посвященная вопросам политики президента. В отличие от них американский политолог Мэл Ларейси определяет понятие «going public» (что соответствует феномену публичного, а значит, риторического президентства) более широко. По его мнению, риторика (и президентская не исключение) не ограничивается только устной речью, любые речевые средства (включая письменные) могут считаться риторическими, если они имеют своей целью убеждение аудитории и / или воздействие на нее⁵. Кроме того, риторический дискурс не ограничивается лишь теми речевыми актами, которые обращены к массовой аудитории: риторика президента может быть направлена и на немногочисленных членов его администрации, оставаясь при этом президентской риторикой. Таким образом, размер аудитории, ее характер, а также канал президентской коммуникации (прямой или косвенный) не умаляют наличие в ней риторической составляющей. И наконец, под президентской риторикой, как считает Ларейси, следует понимать не только обращения президента, связанные с его позицией в решении политических вопросов. Даже церемониальная риторика инаугурации обладает значительным интерпретационным ресурсом, предполагающим декодирование политической позиции президента на основании традиционно используемых им риторических средств ритуального дискурса. Попытка отказать ритуальной риторике в статусе истинного дискурса власти только потому, что она не обсуждает вопросы президентской политики, ведет к неверному толкованию самого понятия «риторическое президентство» и к сознательному игнорированию тех важных выразительных средств, с помощью которых достигаются цели президентского правления.

Такое расхождение в определении характера и времени появления риторического президентства не помешало его исследователям прийти к одним и тем же выводам относительно степени публичности заявленного института: независимо от большей или меньшей степени его риторизации безусловным считается тот факт, что в XIX в. президентская коммуникация была гораздо менее публичной, чем в XX в. Но следует ли считать ее меньшую публичность различием по типу или по степени? В первом случае (различие по типу) мы имеем дело с нериторическим типом института президентства в XIX в. и риторическим – в XX в. Во втором случае (различие по степени) риторическое президентство существовало

всегда, но стало публичным лишь в XX в., с изобретением и распространением в общественной и политической жизни страны средств массовой информации. Под их воздействием кардинальному переосмыслению подверглось само понятие «риторическое президентство», а вместе с ним и понятие «президентская риторика». Первое выступает как предмет научного исследования политологов и акцентирует их внимание на самом факте президентской коммуникации, а точнее – на необходимости современного института президентства публично актуализировать свою политическую позицию риторическими средствами; при этом сами риторические средства остаются за скобками политологической науки. Их наряду с другими вербальными и невербальными способами выражения изучает президентская риторика, уходя корнями в риторическую традицию времен Аристотеля.

Разведение понятий президентской риторики и риторического президентства в различные исследовательские области отнюдь не означает их полной смысловой независимости друг от друга. «Примирение» начинается с момента рассмотрения феномена риторического президентства в контексте президентской коммуникации (одной из разновидностей коммуникации политической), которая включает в когнитивное поле своих исследований и риторическое президентство и президентскую риторику (см. схему).

Из всех задействованных в схеме понятий лишь президентская коммуникация с трудом поддается строгому определению: в ряде исследований она рассматривается как «специфическая форма политической коммуникации, в которой автором является орган государственной власти (в нашем случае президент. – *И. А.*), а адресатом – население соответствующей административно-территориальной единицы (в нашем случае население всей страны. – *И. А.*)»⁶. При этом автор определения умалчивает о том, к какому именно виду политической коммуникации относится коммуника-

ция президентская. С одной стороны, ее следовало бы отнести к разновидности непосредственного общения, предполагающего прямой контакт президента с аудиторией, находящейся в поле его зрения. Примером такой коммуникации можно считать общение президента с номенклатурой, предъявляемое впоследствии народу средствами массовой информации. И сама президентская коммуникация, и риторика президента в этом случае носят характер инструктажа высокой власти властью верховной: «У нас по-прежнему сильна “инструктивно-торжественная риторика”. Ее реальный адресат – номенклатура чиновников, в большинстве речей именно ее инструктируют и одновременно перед ней отчитываются. Но... есть и второй адресат – народ. Однако обращенности к народу в таких речах как раз и нет»⁷.

Используя «хронологическую» (т. е. ориентированную на исследуемый исторический период развития политической риторики) классификацию, автор цитаты считает современную российскую инструктивную риторику отголоском советского времени, называя такие свойственные ей негативные признаки, как бюрократичность, безадресность и обезличенность. Достаточно сказать, что дискурс власти того времени именуют советским или тоталитарным, отражая в названии либо время его создания, либо политическое содержание той эпохи, не пытаясь при этом выделить индивидуальный стиль того или иного политического лидера. Эту же инструктивно-торжественную риторику, но применительно к нашему времени Хазагеров тем не менее характеризует как «более или менее целесообразную формулу»⁸ общения президента с номенклатурой. Но наряду с ней имеет место публичная президентская риторика, обращенная ко всем гражданам страны. В этом случае президентская коммуникация подпадает под разновидность дистанционного массового общения (опосредованного средствами массовой информации), в процессе которого в той или иной мере проявляется индивидуальный стиль политического лидера и те речевые средства, которыми он пользуется для выражения своей позиции. И то и другое – предмет серьезного научного интереса российских исследователей (О.С. Иссерс, А.А. Романов, А.П. Чудинов, В.Г. Костомаров и др.). При этом за скобками их научного анализа остаются такие традиционные (например, для американского президентства) жанры президентской риторики, как инаугурация, риторика войны и террора, кризисная риторика и др. Отсутствие фундаментальных исследований российской президентской риторики с использованием жанрового подхода говорит о меньшей степени не только научной разработанности данной темы, но и риторизации самого института российского президентства.

При этом для обоих институтов традиционно свойственными и значимыми считаются их публичность и медийность. Характеризуя президентскую коммуникацию как публичную, американский политолог Д.М. Райф пишет: «Даже если учитывать лишь временной и количественный факторы, нельзя не согласиться с тем, что современные президенты посвящают больше времени и внимания коммуникации, чем раньше: действительно, каждый следующий после Ф.Д. Рузвельта президент чаще выступал публично, чем предыдущий... при этом граждане Соединенных Штатов считают вполне естественными и уместными выступления президента часто, подолгу и по любым общественно значимым вопросам, вне зависимости от того, затрагивают они темы официальной политики или нет... Американцев совершенно не смущает тот факт, что президент в обращении Федеральному собранию может сделать неожиданное для всех заявление о своем отношении к использованию анаболиков во время игры в бейсбол»⁹. Аналогичные доводы, связанные с публичностью президентской коммуникации, приводит американский исследователь речевых практик Родерик П. Харт: «Ясно, что президенты используют речь не только во время предвыборных кампаний: они все чаще посвящают почти весь свой рабочий день публичному дискурсу, и многие американцы пришли к выводу, что процесс правления возможен лишь тогда, когда он сопровождается речью президента. Того, что прежде служило неким естественным водоразделом между предвыборной кампанией и собственно периодом правления, больше не существует. В наше время у предвыборной кампании нет начала и нет конца. Президент постоянно рядом: его словесное «капанье», медленное и неотступное, – это своего рода пытка, к которой мы все уже давно привыкли. Таким образом, «государственное правление невозможно без ораторики, хотя государственная ораторика далеко не всегда означает правление»¹⁰.

В подтверждение этой мысли скажем, что именно язык (в нашем случае президентская риторика. – *И. А.*) является средством государственной политики, поскольку «обязательным условием существования всякой власти является ее выражение в языке»¹¹. Автор цитаты очерчивает границы изучаемого предмета, понимая, что в политике далеко не все творится языком, но, как только политическим инструментом становится язык, именно он должен рассматриваться как средство правления. Кроме того, по мнению А.А. Романова, «язык обладает универсальным свойством пере-выражения, в силу которого и неязыковой инструмент может быть представлен или описан языком, поскольку находящееся за пределами языка в политике лежит к нему все же очень близко!»¹².

Даже если представить себе, что в президентском правлении есть некое политическое действие, «лежащее к языку очень близко», но при этом не сопровождаемое соответствующим речевым актом (примером такого невербального действия можно считать «молчаливый» уход с президентского поста Р. Никсона), это действие не перестает быть хоть сколько-нибудь риторическим.

С другой стороны, любое публичное выступление президента становится в момент его произнесения политическим действием: только президент, обращаясь к нации с инаугурационной речью, подтверждает тем самым легитимность своей власти; только президент, высказывая возражения по поводу принятия проекта закона, фактически совершает политическое действие, на основании которого Конгресс вынужден пересмотреть проект; только президент, объявляя в стране кризис, способствует тому, что граждане начинают интерпретировать свою жизнь как «жизнь во время кризиса». Идентификация президента с представителем верховной власти, выполняющим конституционные обязанности и использующим властные полномочия, придает его публичной риторике особый статус политического действия: «Известное выражение, что политика вершится не на словах, а на деле, совершенно справедливо, поскольку слово в политике и есть действие; во всяком случае, без слов политика едва ли возможна»¹³. Отождествление президентской ораторики с политическим действием, а затем и с самим процессом правления неизменно приводит к чрезмерности президентской коммуникации, а значит, и к девальвации самой президентской риторики. «Слова способны очаровывать, пленять, возвышать, успокаивать и поддерживать. Но они в равной степени способны обвинять, уничтожать и внушать отвращение. С этой точки зрения нет ничего хорошего в том, что современные президенты постоянно и по любому поводу риторически рефлексировать... Нет ничего хорошего в том, что такое большое значение придается президентскому слову, потому что, помимо слов, есть люди, чьи проблемы не отступают под натиском каких бы то ни было слов»¹⁴.

В академических кругах до сих пор дискутируется вопрос о том, должны ли президенты сократить количество публичных выступлений, прибегая к ораторике лишь в случае острых социально-политических ситуаций (риторика войны, риторика кризиса и т. д.¹⁵), или ораторика должна пронизывать жизнь социума вне зависимости от критерия событийности. Сторонники первой точки зрения – представители школы «вынужденной» риторики – приводят в качестве примера воздействующей (именно по причине редкого использования) президентской риторики «беседы у камина» Ф.Д. Рузвельта, вызванные к жизни тяжелейшим послевоенным кризисом.

Сторонники противоположной точки зрения само течение жизни воспринимают как повод для ее риторизации и считают наиболее публичным, а значит, и наиболее успешным президентом современности Дж. Кеннеди. Его риторический дар был настолько ярким, что он никогда не уклонялся от возможности публичного выступления и сам искал повод для осуществления этой возможности, будучи уверенным, что речь, не имеющая прецедента, – это речь, о которой нельзя судить по прецеденту. Именно Кеннеди инициировал полусимволическое направление «риторика ни о чем», рассматривая публичный президентский дискурс в качестве приоритетного средства президентской коммуникации, а значит, и президентского правления. При этом сторонников данной точки зрения не волнует тот факт, что риторика Кеннеди (как и риторика большинства наиболее публичных президентов) носит метафизический характер: чем чаще обращается президент к нации, чем более публичный характер носит его риторика, тем в большей степени он сам воспринимается как носитель некоторого оценочного смысла, посредством которого общество интерпретирует окружающий мир. Публичная актуализация Кеннеди своего видения мира как мира, погруженного в кризис, навязывала остальным именно такую интерпретацию политической действительности вне зависимости от того, насколько точно они друг другу соответствовали. Аналогичным образом риторическое конструирование Сталиным и его окружением реальности, населенной врагами и шпионами, навязывало целому народу жизнь в атмосфере подозрительности и страха.

Не менее значимой характеристикой современного института президентства считается его медийность, т. е. свойство быть опосредованным медиакоммуникацией. Сложность постижения сути президентской коммуникации, ее целей и средств напрямую связана именно с медийностью президентского дискурса, что вызывает к жизни необходимость переосмысления обсуждаемого феномена и его роли в жизни общества.

В президентской коммуникации СМИ являются средством для установления контакта президента с массовой аудиторией. С одной стороны, этот контакт дает президенту право широкого взаимодействия с общественностью, а с другой – предлагает общественности право доступа к риторическому образу президента. И то и другое с большой оговоркой может быть названо политикой демократического толка, поскольку права президента и права аудитории в таком взаимодействии всегда будут ограничены логикой СМИ. В соответствии с этой логикой главную роль в президентской коммуникации играет не президент (и даже не президентская риторика), а его имидж: телегеничность, внешность, умение «преподнести

себя» – все то, что изначально считается второстепенным аспектом политики и «отвлекает внимание общественности от важных событий, тем самым превращая организации, которые управляют государством, в нечто банальное»¹⁶. Очевидным в этой связи кажется мнение о несостоятельности воздействия СМИ на дискурс власти, ибо в нынешних условиях СМИ и есть эта самая власть: «силой» (журналистского. – *И. А.*) пера можно разжечь конфликты, сотворить добро, подорвать политическую власть, исказить реальность и создать истину¹⁷. Под воздействием СМИ, считает автор цитаты, происходят более серьезные политические катаклизмы, чем просто преобразования президентского дискурса: разрушаются связи между общественностью и властью, что приводит к высокой степени отстраненности общества от политической жизни. Данное обстоятельство имеет еще одно, не менее серьезное, последствие: медиатизация президентской коммуникации создала все предпосылки для появления как минимум двух типов дискурса: «первичный» – собственно медиадискурс (комментирующий, поясняющий, интерпретирующий речь президента), и «вторичный» – собственно президентский дискурс, но опосредованный СМИ и приобретший в связи с этим социолингвистические характеристики «множественного понимания» и «множественной интерпретации» со стороны адресата.

Анализ нового, опосредованного СМИ типа президентской коммуникации порождает еще один подход к оценке ее характера: он связан с тем, что «передатчик (в лице президента. – *И. А.*) является единственным активным агентом коммуникации ... а рецептор (в лице слушателей и зрителей. – *И. А.*) лишь получает направленные в его адрес обращения и обречен действовать в соответствии с заложенными в них идеями... В итоге СМИ получили как бы безграничную власть в моделировании общественного сознания»¹⁸. По мнению Ч. Далецкого, СМИ обладают высочайшей степенью воздействия и на речевое поведение общества: «Массовое тиражирование вербальных образцов приводит к их восприятию в качестве эталонных. Происходит опосредованная риторическая адаптация личности к нормативно маркированному социокультурному пространству»¹⁹.

Опосредованные СМИ «вербальные образцы» президентского дискурса далеко не всегда обращены к массовой аудитории. Так, риторика Д. Медведева, в значительной степени повторяющая риторику В. Путина и получившая название «нового синтетического стиля» (термин М.Р. Проскурякова), стала общей основой для современного управленческого речевого регистра, не преследуя при этом цели стать вербальным эталоном для социума в целом.

«Дистанция», на которую рассчитана риторика американских президентов, гораздо длиннее: средствами СМИ она «призвана оказывать влияние на систему представлений и оценок всего общества, формируя в его сознании социально-психологические стереотипы»²⁰. Первым шагом на этом пути американские коммуниктологи считают актуализацию через СМИ отдельных понятий, обозначающих позитивные символы прогрессивной политики (солидарность, справедливость, мировое сообщество и т. д.). Часто упоминаемые в одном и том же рядоположении, но в разных языковых контекстах, эти понятия в дальнейшем составляют своеобразный фрейм (термин Г. Филлмора) и тем самым фиксируют точку зрения президента на предмет. Таким образом, в рамках президентской коммуникации «для массового сознания рисуется определенная картинка, задается определенный сценарий, позволяющий интерпретировать (фрейминг) или реинтерпретировать (рефрейминг) происходящее в новом виде»²¹.

Процесс формулирования новых понятий и использование их в политических фреймах берет свое начало в самом институте президентства («война с бедностью» – Л. Джонсон; «ось зла» – Р. Рейган; «Карибский кризис» – Дж. Кеннеди). При этом тиражирование и «разыгрывание» предполагаемых фреймов-спектаклей из набора возможных понятий (с целью внедрения их в массовое сознание) осуществляется при непосредственном участии СМИ, используемых в качестве политического и риторического «полигона», на котором государство отработывает технику внедрения в социум своих идеологических приоритетов.

В случае внедрения в социум политических фреймов, как правило, действует формула «сознательного» воздействия на общественное сознание: государство – СМИ – социум. Но такое воздействие может носить и случайный характер. Именно случайным стал вброс с экрана телевизора фонового слова «как бы», произнесенного руководителем администрации Б.Н. Ельцина С. Филатовым: «Мы получили общественный как бы независимый канал». Дальнейшая судьба выражения «как бы» зависела не от частотности употребления в массмедиа, а от высокой вкусовой оценки, которую оно получило со стороны массового зрителя. Нельзя не согласиться с автором книги «Слово в российском эфире» А.Д. Васильевым: «Тиражируясь и распространяясь телевидением, сочетание “как бы” исподволь оказывает в высшей степени негативное влияние на общественное сознание. Картина мира утрачивает четкие очертания, становятся зыбкими этические основы, расплываются рубрики в шкале духовных ценностей... Возникает образ фантомного бытия, виртуальной реальности»²².

Эффект искажения реальности («помещенной» в массмедиа) и нашего отношения к ней фиксирует в своих «Самоописаниях» и Н. Луман: «Того, что возникает в качестве результата длительной деятельности массмедиа... достаточно самого по себе. Поэтому имеет мало смысла задавать вопрос, отражают ли массмедиа наличную реальность искаженно и как они ее искажают; они генерируют описание реальности, конструкцию мира, и это и есть реальность, на которую ориентируется общество»²³.

Ориентация американского института президентства на создание и актуализацию фреймов в социуме проходит пока (!) без участия СМИ. При этом некоторые американские коммуникатологи настаивают, пусть на вынужденной, но тем не менее необходимой связи языка политического фрейма с языком СМИ: «Медиа следует полностью переобучить. Вы никуда не уходите за пределы фреймов. Сегодня нет нейтральных вопросов или проблем, и этот фундаментальный урок должен быть учтен при медиаосвещении политики»²⁴. В интерпретации Хазагерова топос (тема) аналогичен фрейму, а топика – фреймингу. Считая политические топосы барометром, с помощью которого можно «гибко реагировать на движение общественных настроений», Хазагеров вслед за Лакоффом высказывает мнение об оторванности массмедиа от топосферы массовой аудитории: «Чем более однообразно поле СМИ, тем менее важным материалом становится реальная топика, то есть то, что находится вне этого поля, в зоне неслышанных дискуссий»²⁵.

Наряду с вышеизложенными бытует противоположная точка зрения, согласно которой власть СМИ считается преувеличенной. Послания президента, опосредованные СМИ, «проходят через фильтр социальной ткани общества... на индивида оказывают воздействие не столько сами СМИ, сколько группы принадлежности, влияющие на его убеждения, идеи и действия»²⁶. Влияние же самого президентского послания на индивида определяется отношением к нему его социального окружения: «Члены одной и той же социальной группы воспринимают мир на основе схожих схем его интерпретации и имеют в силу этого относительно близкие позиции по большинству вопросов общественной жизни. Таким образом, социальные группы являются своеобразными посредниками между индивидом (в нашем случае президентом. – *И. А.*) и СМИ, оказывая на индивидов прямое и достаточно эффективное воздействие»²⁷. Президент в контексте данного подхода убеждает в правильности своей позиции или решения отнюдь не потому, что он озвучивает эту позицию или решение через СМИ, а в силу вынужденного конформизма по отношению к идеям и нормам поведения групп принадлежности. Так, с изобретением радио в Соединенных

Штатах открылась возможность нового стиля президентского руководства: с одной стороны, более диалогичного и динамичного, с другой – более гибкого (учитывающего ожидания групп принадлежности) и персонифицированного. Примером подобного рода персонификации можно с полным правом считать риторику Ф.Д. Рузвельта в «беседах у камина». Его радиообращения к нации создавали впечатление импровизированных, полуофициальных диалогов, хотя всё – от первого до последнего слова (включая интонации голоса и смысловые паузы) – было многократно заранее отрепетировано.

Считается, что телевидение повышает «градус» персонификации, сокращая дистанцию между говорящим и аудиторией. Тем не менее в отношении президентской коммуникации это не всегда так: телеэфир (в отличие от радиоэфира) делает президентский дискурс менее обращенным к личности самого президента (*less self – reference*), менее фамильярным и менее оптимистичным. Несмотря на это, президентская коммуникация все чаще предпочитает телекоммуникацию всем остальным видам СМИ, и президентам приходится адаптировать язык и стиль своих обращений, чтобы соответствовать заданной медийной среде. Это означает, что языковые формы, которые выполняют наиважнейшую функцию, создавая общие с массовой аудиторией смыслы и восприятия, формируются постоянно и последовательно скорее с целью воздействия на аудиторию, чем с целью передачи этой аудитории смысла проводимой президентом политики. При этом само понятие воздействия в связи с приходом телекоммуникаций подверглось кардинальному переосмыслению.

В соответствии с риторической традицией прошлого воздействующим публичный дискурс мог считаться лишь в случае наличия в нем канонических стратегий убеждения (этоса, пафоса и логоса). С изменением «места проживания» (из немедийного в медийное) президентской коммуникации изменилось и соотношение убеждающих стратегий (в пользу этоса и пафоса), и их смысловое наполнение: «...значительное большинство наших современников пытаются отыскать политическое в иллюзорной официальной политике политиков, которые помешаны на победе в выборах»²⁸. Сдвиг в дискурсе власти, произошедший в последние десятилетия, – это сдвиг в сторону предвыборной риторики и одновременный отход от риторики правления. По мнению Сиднея Блументаля, «постоянно звучащая предвыборная риторика есть политическая идеология нашего времени. Она сочетает в себе работу над созданием образа и точный стратегический расчет. Под ее воздействием сам процесс правления постепенно превращается в пред-

выборную кампанию, в инструмент, предназначенный для поддержания популярности президента»²⁹. Опасность подобного рода превращения очевидна и для российских исследователей: «Перусердствовав в популизме, власть может оказаться без риторической поддержки непопулярных мер и будет вынуждена проводить их с помощью обмана или прямого насилия. Власть, ставшая заложницей популизма, движется к выбору между диктатурой и утратой власти»³⁰.

Исследуя современный институт президентства в разных странах и предлагая разные определения для характеристики современной президентской риторики (Г. Хазагеров – «популизм и манипулирование», С. Блументаль – «предвыборная риторика», Т. Лоуи – «язык плебисцита, основанный на народном одобрении»), ученые сходятся в одном: неспособность власти удовлетворить общественные ожидания нередко прячется за демагогию, а политика превращается в политический спектакль. В подобного же рода политический спектакль зачастую превращается и политик: «Окрашивая разные вещи и события, СМИ кладут конец классической форме публичного слова, длительным речам, в ходе которых политик мог показать себя как подлинного трибуна. Парадоксально, все чаще говорят о политике-спектакле и все реже – о праве получить слово, традиционно относящееся к модели театра»³¹. В качестве политика-спектакля начинал Ф.Д. Рузвельт, продолжали Дж. Кеннеди и Р. Рейган. Правда, по мнению Р.Б. Верилио, Рейган не сохраняет риторическую и театральную традиции Ф.Д. Рузвельта, а дает начало своей – традиции постмодернистского президентства. Задавая вопросом «Как правит президент постмодерна?», Верилио отвечает: «Никак. Он не правит, являясь тем не менее ключевым элементом системы правления и используя для этого предвыборную риторику»³². Она в сочетании с театрализацией всей президентской коммуникации эпохи Рейгана создавала видимость успешного президентства, и это в буквальном смысле слова защищало его от политического скандала, а его администрацию – от обвинений в многочисленных политических ошибках.

Медиатизация президентской коммуникации изменила саму модель института президентства, сделав ее не только публичной, но и корпоративной (*corporate model of presidency*): само понятие дискурса власти означает теперь дискурс коллективный, что предполагает непременно участие в его создании группы высокопрофессиональных специалистов.

Обязательная адаптация публичных обращений президента к многочисленной теле- и радиоаудитории обязывает их создателей к самому тщательному отбору языковых, стилевых и риториче-

ских средств. Президент в такой ситуации выступает как риторическая эманация своей администрации, партийного большинства и электората, а президентский дискурс – как своеобразное социопсихологическое соединение политических обстоятельств, политических мотивов, политических позиций и... нескольких спичрайтеров.

Причина и одновременно необходимость участия спичрайтеров в создании президентских речей заложены в самой природе дискурса власти, в его кардинальном отличии от традиционного процесса речепорождения. По меткому замечанию американского лингвиста Чарльза Хокета, «отличительной особенностью человеческой речи является тот факт, что она умирает в момент рождения»³³. Это же явление (Ч. Хокет назвал его «rapid fading» – быстрое исчезновение), но в поэтической форме описала З. Гиппиус:

Слова – как пена,
Невозвратимы и ничтожны,
Слова – измена,
Когда молитвы невозможны.

В отличие от «невозвратимой», «быстро исчезающей» риторики повседневности, президентский дискурс средствами массовой информации обречен на «жизнь вечную, бесконечную». Неудивительно в этой связи то, что будущие речи президента шлифуются и оттачиваются целым отрядом спичрайтеров, постепенно превращаясь в риторический продукт профессиональной калькуляции. Ответ на вопрос, что в этом случае происходит со стилем президентского дискурса, дал один из известных исследователей президентской риторики Т. Борман: «Стилем может быть один человек, но когда стилем становятся пятеро, стиль перестает быть стилем»³⁴.

В силу публичности своего статуса президент вовлечен в такую форму коммуникации, которая предполагает наличие в президентском дискурсе соответствующего эстетического компонента, необходимого для создания сильного эмоционального воздействия на аудиторию. Но группа авторов (вне зависимости от уровня их профессионализма) не в состоянии создавать классические образцы политической прозы, поскольку коллективная работа над текстом неизменно разрушает его потенциальную стилевую целостность, обезличивает и упрощает язык, лишает риторику власти того «воистину прекрасного стояния в слове», которым славилось торжественное красноречие прошлого.

То, что раньше являлось традиционно необходимой формой церемониальной ораторики, сейчас все чаще используется для

нахождения консенсуса в системе взглядов и позиций разновекторных политических сил. Идея традиционного (известного со времен Аристотеля) убеждающего дискурса заключается в создании именно такого консенсуса путем защиты тех или иных точек зрения и определения той точки зрения, которая главенствует над остальными. Процесс поиска консенсуса возможен только при использовании разных точек зрения, рассмотрение которых ведет в конце концов к достижению общественного согласия. Это в идеале. На деле же существование зависимой от медийной среды президентской коммуникации означает, что процесс поиска консенсуса включает все меньшее количество рационально представленных аргументов и все большее число манипуляций (с использованием внесистемной популистской риторики) существующими точками зрения. Это порождает вероятность создания менее жизнеспособного, менее стабильного и менее значимого консенсуса, чем если бы его поиск вели без СМИ-опосредования.

Отсутствие единого мнения на роль СМИ в развитии президентской коммуникации зачастую приводит и к прямо противоположным взглядам относительно того, как влияют средства коммуникации на институт президентства и президентский дискурс. Одни полагают, что постоянное присутствие в современном обществе массмедиа способствует «прозрачности» всех действий президента, содействуя при этом совершенствованию демократии. Другие связывают тенденцию к популизму, политической демагогии и манипулированию общественным сознанием с опосредованной СМИ риторизацией института президентства и президентского дискурса. При этом и те и другие не могут не признать: медиатизация всех политических процессов (включая президентскую коммуникацию) и кардинальные риторические преобразования президентского дискурса – историческая данность, спорить и опровергать которую так же бессмысленно, как бороться с пресловутыми ветряными мельницами. Речь в данном случае может идти лишь о повседневном мониторинге президентской риторики со стороны политологов, коммуникатологов и лингвистов. В этой связи более чем очевидной кажется мысль, высказанная Мэри Стакей: «Систематическое изучение отношений между риторикой современных президентов и массмедиа, посредством которых осуществляется президентская коммуникация, поможет нам оптимизировать процесс понимания того, в каком состоянии пребывает политический язык и политическая жизнь»³⁵.

- 1 Медиатизация может быть определена как процесс создания и актуализации средствами массовой информации публичного дискурса. Одним из следствий процесса медиатизации считается преобразование опосредованного СМИ дискурса власти в медиадискурс.
- 2 Цит. по: *Bostdorff D.M.* The Presidency and the Rhetoric of Foreign Crisis // Univ. of South Caroline Press, 1994. P. 4.
- 3 Цит. по: *Denton R.E. jr., Woodward G.C.* Political Communication in America // Praeger Series in Political Communication, 1996. P. 92.
- 4 Ibid. P. 94.
- 5 Цит. по: *Bostdorff D.M.* Op. cit. P. 5.
- 6 См.: *Пономорев Н.Ф.* Политические коммуникации и манипуляции. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 86.
- 7 *Хаззагеров Г.Г.* Друг Аркадий, говори красиво // Российская газета. 2003. 20 нояб. Федеральный выпуск № 3350. С. 2.
- 8 *Хаззагеров Г.Г.* Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. С. 16.
- 9 *Ryfe D.M.* Presidents in Culture: The Meaning of Presidential Communication // N.Y.: Peter Lang Publishing Inc, 2005. P. 148.
- 10 *Hart R.P.* The Sound of Leadership. Presidential Communication in the Modern Age. Chicago, 1957. P. 7.
- 11 *Романов А.А.* Политическая лингвистика. М.; Тверь, 2002. С. 4.
- 12 Там же. С. 6.
- 13 *Кащей Н.А.* Риторика и современная политика // Вестник Самарского гос. ун-та. 2004. № 3. С. 4.
- 14 *Hart R.P.* Op. cit. P. 85.
- 15 Г.Г. Почепцов называет президентские обращения подобного рода сигналами стратегического порядка.
- 16 *Луман Н.* Самоописания. М.: Логос; Гнозис, 2009. С. 156.
- 17 Там же. С. 157.
- 18 *Желтов В.В.* Теория власти. М.: Флинта, 2008. С. 491.
- 19 *Далецкий Ч.* Риторика: заговори, и я скажу, кто ты. М.: Омега, 2003. С. 395.
- 20 *Наумов В.В.* Государство и язык: Формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010. С. 141.
- 21 *Почепцов Г.Г.* Стратегические коммуникации в политике, бизнесе и государственном управлении. Киев: Альтерпрес, 2008. С. 98.
- 22 *Наумов В.В.* Указ. соч. С. 147.
- 23 *Луман Н.* Указ. соч. С. 252.
- 24 *Почепцов Г.Г.* Указ. соч. С. 101.
- 25 *Хаззагеров Г.Г.* Почва для диалога. Политика речи и риторика новой власти // www.russ.ru/content/download/115811/811400/.../116-120_hazagerov.pdf. С. 119–120.
- 26 *Желтов В.В.* Указ. соч. С. 491.

- 27 Там же. С. 492.
- 28 *Кацвей Н.А.* Указ. соч. С. 2.
- 29 Цит. по: *Paine R.* When Saying is Doing / Politically Speaking: Cross-Cultural Studies of Rhetoric // www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.an.13.100184.002021.
- 30 *Хаззагеров Г.Г.* Указ. соч. С. 16–17.
- 31 *Желтов В.В.* Указ. соч. С. 499–500.
- 32 Цит. по: *Pain R.* Op. cit. P. 105.
- 33 Цит по: *Hart R.P.* Op. cit. P. 6.
- 34 Цит. по: *Denton R.E.* Op. cit. P. 210.
- 35 *Stuckey M.E.* The President as Interpreter-in-Chief // New Jersey: Chatham House Publishers, Inc, 1991. P. 8.

И.А. Гордеева

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОДПОЛЬЕ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена проблеме формирования основ гражданского общества в условиях религиозного подполья на примере истории баптистов-инициативников и их руководящего органа Совета церквей евангельских христиан-баптистов. В работе показано, как поначалу в целях противостояния советской религиозной политике верующие сумели выйти на высокий уровень осознания своих религиозных и гражданских прав и свобод и создать структуры для их защиты и как со временем «подпольный» опыт трансформировал их ценности и правозащитные практики. Особое внимание в исследовании уделено судьбе такой известной и успешной правозащитной организации, как Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов.

Ключевые слова: религиозное подполье, религиозный активизм, женское движение, политическая акция, социальный эскапизм.

Одной из важных характеристик посткоммунистических обществ является их необыкновенная насыщенность социальными сетями, культурно-исторические истоки которых находятся в советских социальных структурах и практиках. Эти сети в настоящее время интенсивно изучаются специалистами по неформальной экономике в качестве важных детерминантов экономического поведения постсоветского человека. На мой взгляд, логика формирования, выживания и развития таких сетей детерминирует не только экономическое, но и социально-политическое поведение современных россиян, а следовательно, влияет на качество формирующегося гражданского общества.

Настоящая статья – это попытка исследования процессов, которые происходили в среде религиозного подполья в 60–90-е годы XX в., на примере евангельских христиан-баптистов.

© Гордеева И.А., 2011

Во время Великой Отечественной войны произошло ощутимое смягчение советской религиозной политики. В 1944 г. при поддержке властей силами оставшихся в живых после репрессий лидеров евангельского движения был создан единый Всероссийский союз евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ)¹. После объединения для контроля за общинной жизнью государством был использован институт старших пресвитеров, которые назначались из центра, утверждались светскими властями и напрямую сотрудничали с силовыми органами.

Возникновению движения инициативников предшествовало получение в 1960 г. всеми старшими пресвитерами инспирированного властями Инструктивного письма от Совета ВСЕХиБ. Письмо налагало еще большие ограничения на возможности осуществления миссии, проповеди, религиозной работы с детьми и молодежью и т. п. Одновременно было разработано новое «Положение о Союзе ЕХБ в СССР», которое создавало препятствия для общения с единоверцами и осуществления взаимопомощи.

Как реакция на эти ограничения весной 1961 г. в городе Узловая Тульской области была организована инициативная группа (ИГ) верующих по подготовке и проведению всесоюзного чрезвычайного съезда церкви ЕХБ для обсуждения внутрицерковных проблем. Движение заявило о себе массовой отсылкой писем и обращений в Совет по делам религиозных культов (СДРК) и другие государственные учреждения, лидерам партии и правительства, в редакции газет и журналов. Сразу после возникновения ИГ начались аресты и другие репрессии против тех, кто не подчинился новым правилам.

Советские баптисты размежевались на лояльных, сторонников ВСЕХиБ, и несогласных, сторонников ИГ. Руководители этих течений очень скоро встали на путь конфронтации между собой. В 1965 г. фактическое разделение церкви ЕХБ было закреплено организационно: инициативники создали Совет церковью ЕХБ (СЦ) – руководящий центр своего движения. На многие годы его председателем стал Г.К. Крючков (пресвитер из г. Узловая), секретарем – Г.П. Винс (пресвитер с Украины).

Стратегия и тактика протестного поведения баптистов-инициативников в начальный период их существования были типично диссидентскими. В своих посланиях к власти они заявляли о себе как о политически благонадежных борцах с пережитками сталинизма в советской жизни. «Многолетнее коллективное сопротивление власти ради духовной независимости выработало твердую гражданскую позицию и развило у баптистов чувство собственного достоинства и солидарность. По гражданским понятиям

и нравственным представлениям они гораздо ближе к людям Запада, чем основная масса советского населения», – делала вывод Л. Алексеева². Данный вывод подтверждается результатами нашего исследования начальной истории этого движения.

Подобно правозащитникам, инициативники намеревались добиться своей цели открыто, требуя соблюдения советских законов. Они обращались в государственные и партийные органы, к руководству ВСЕХБ, к отдельным советским чиновникам и рядовым верующим, призывая их поддержать идею созыва съезда. Также в середине 1970-х годов свои предложения верующие направляли в комиссию по подготовке проекта новой Конституции.

С 1963 г. инициативники начали выпуск самиздата, а в 1971 г. основали собственное подпольное издательство «Христианин» и оборудовали несколько подпольных типографий³. Баптистский самиздат стал важнейшим источником составления Хроники текущих событий (ХТС) – правозащитного бюллетеня светских диссидентов.

Особую роль в движении инициативников играли женщины. Баптистки разительно отличались от среднестатистической советской верующей того времени. Это отличие ярко проявилось в деятельности Совета родственников узников ЕХБ (СРУ), членами которого были почти исключительно женщины – жены и матери осужденных.

Организации СРУ предшествовали «общения» родственников заключенных, которые возникли спонтанно, без санкции ЦС, одновременно в нескольких регионах. В 1963 г. на одном из «общений» было составлено заявление в правительство с вопросом о юридической обоснованности гонений за убеждения. СРУ был создан на нелегальном совещании зимой 1963/64 г. под Харьковом. Для эффективного взаимодействия с властями в рамках правового поля было принято решение рассматривать его как самостоятельную общественную единицу, а не филиал ЦС. Уже весной 1964 г. несколько активисток СРУ были арестованы, одна из них была помещена в психиатрическую больницу. В ответ на это СРУ организовал массовые ходатайства верующих во все инстанции (вплоть до ООН), и женщины скоро были освобождены.

Совет принял на себя и с успехом выполнял следующие обязанности: оказывал психологическую и материальную помощь семьям узников и вышедшим из заключения; собирал и распространял информацию об арестах и преследованиях; обращался к руководству страны с жалобами и ходатайствами об освобождении заключенных, возвращении отобранных у верующих детей и прекращении других репрессий; устанавливал контакты со светскими диссиден-

тами и международной общественностью, организовывал детские христианские лагеря. Можно сказать, что деятельность СРУ активизировала в подпольном братстве механизмы формирования горизонтальных структур доверия, сетей взаимопомощи и взаимоподдержки, воспроизводства традиций социальной солидарности.

Первым председателем СРУ стала Лидия Винс – вдова репрессированного П.Я. Винса и мать Г.П. Винса. Под ее руководством правительствам многих стран и крупным религиозным организациям стали рассылаться «чрезвычайные сообщения» по поводу очередных репрессий. Под ее руководством СРУ стал влиятельной гражданской организацией, борющейся за права человека: помимо ходатайств, он организовывал массовые уличные акции и демонстрации, систематически передавал информацию о преследованиях верующих в диссидентскую ХТС. Особенно эффективной правозащитная деятельность баптистов стала после подписания Хельсинкских соглашений.

С 1971 г. СРУ начал издание своего нелегального «Бюллетеня», который выходил почти каждый месяц и содержал несколько десятков гектографированных страниц информационных материалов. В нем публиковались письма заключенных, копии обращений к властям, в том числе и детей ЕХБ, биографические данные и списки заключенных, делались подробнейшие сводки гонений против верующих по регионам. Вот названия лишь некоторых разделов «Бюллетеня»: «Арестованы», «Осуждены», «Сводка ходатайств», «Ответы на ходатайства», «Протест на ответ», «Дискриминация многодетных матерей», «Дискриминация верующих в праве на труд», «Разгоны богослужений с избиением, штрафы, обыски и другие преследования», «Положение узников», «Христиане в армии», «Разжигание вражды и ненависти против верующих».

Очень важным разделом «Бюллетеня» были ответы на ходатайства. Наличие установки на «обратную связь» в деятельности родственников узников, их стремление вступить в открытый диалог с органами власти и ее представителями свидетельствовали о принципиальной открытости их правозащитной парадигмы, стремлении сформировать не только горизонтальные, но и вертикальные структуры доверия.

Данная установка не была бесплодной, в поздний советский период верховная власть в СССР была небезнадёжна в плане влияния на нее снизу. В отдельных случаях родственникам узников удавалось добиться справедливости или хотя бы человеческого отношения со стороны официальных лиц. Например, кампания с отсылкой писем во властные структуры в 1964–1965 гг. имела своим следствием досрочное освобождение ряда верующих,

некоторых даже реабилитировали. Несколько раз баптистам удалось добиться встреч с представителями высшего руководства СССР и рассказать им о злоупотреблениях местных властей.

Поначалу лидеры движения считали СРУ удобным инструментом для обличения беззакония на местах и ходатайств о прекращении репрессий. Своей же основной задачей они видели организацию духовной работы и подготовку съезда. Однако со временем СЦ стал настороженно относиться к деятельности СРУ. С одной стороны, в изменении отношения свою роль сыграли возросшая самостоятельность СРУ, очевидный успех и известность за рубежом, с другой – нарастающий культурный консерватизм руководства инициативников не смог примириться с огромной ролью женщин в деятельности движения. С точки зрения церковных историков, «баптисты-реформаторы были даже более ревностными сторонниками субординации, чем члены ВСЕХБ, и чувствовали себя крайне неуютно, сознавая, что женщины де-факто являются лидерами их движения»⁴. По свидетельству очевидца событий, СРУ стал настаивать на том, чтобы их представительница всегда присутствовала на встречах и заседаниях СЦ, и бывало, что на этих встречах женщины пытались брать бразды правления в свои руки. Постепенно это вылилось в конфликт между Л. Винс и некоторыми членами СЦ, и последний был близок к тому, чтобы распустить СРУ, мотивируя свое стремление тем, что женщины занимаются политической, вместо того чтобы вести «духовную войну».

С установкой СРУ на открытую правозащиту вступали в противоречие и некоторые новые тенденции в жизни подпольного братства, которое, следуя логике выживания в условиях гонений, притеснений и конспирации, все больше и больше изолировалось от внешнего мира, «закрывалось». Структурные трансформации баптистского подполья напоминают аналогичные процессы, которые происходят в неформальных сферах, противостоящих закону, например в наркобизнесе: концентрация ресурсов и централизация управления, снижение уровня свободы и самоопределения игроков. Позиционная война с государством также предполагает определенные дисциплинарные практики, формы контроля и установления единомыслия.

Уже во второй половине 1960-х годов движение инициативников переживало серьезный кризис. Идея созыва съезда потеряла свою актуальность, репрессии усиливались, началось возвращение верующих в церкви официального Союза, многие общины уходили в разрешенную властями автономную регистрацию. В середине 1970-х СЦ почти полностью перешла на нелегальное положение, объявив регистрацию греховным делом. В его руководстве сфор-

мировалась жесткая иерархия с элементами административно-командной системы, все явственней стали проявляться авторитарные черты, противоречащие традиционному для протестантов принципу автономии поместных церквей, возник тотальный контроль за умонастроениями и поведением единомышленников, наблюдались явления отступления от моральных принципов, финансовые злоупотребления, возникла система «чисток», зародилось подобие «культ личности» Крючкова.

В 1970–1980-х годах Крючков скрывался на специально оборудованной квартире на берегу моря около Риги, окруженный узким кругом приближенных. Вокруг него была создана строгая конспиративная система с явочными квартирами и связными, которые не пользовались ни почтой, ни телефоном. Заседания Совета происходили 1–2 раза в год на квартире Крючкова, в остальное время общение с церквями осуществлялось через аудиозаписи. Связные Крючкова развозили по общинам магнитофонные записи с его посланиями, носившими директивный характер и «перенасыщенными поношениями»⁵. СЦ централизованно и неподконтрольно распоряжался финансами.

Власть председателя СЦ Крючкова стала носить отчетливо авторитарный характер. Многие вопросы, решение которых принадлежало СЦ или коллегии служителей, решались Крючковым единолично. Основные его соперники, пользовавшиеся авторитетом среди единоверцев, были морально дискредитированы или даже отлучены от церкви. «Культ личности» Крючкова был закреплен в официальной версии истории движения.

В начале 1970-х годов СЦ озаботился проблемой наличия в своих рядах диссидентов, которых «разоблачили» и исключили из братства. Практика исключения из общин, отстранения от служения и отлучения от церкви инакомыслящих без согласования с общиной (что является нарушением баптистского принципа независимости поместной церкви) стала чрезвычайно распространенной у подпольщиков. Подобные конфликты приводили к разделению общин СЦ, часть которых переходила на автономное существование. 1980-е годы наблюдались многочисленные конфликты среди верующих СЦ, отлучений и разделений, поводами к которым были в том числе и мелкие вероучительные вопросы, простые ссоры, элементарная борьба за власть. По воспоминаниям Куксенко, в этих историях прослеживалась единственная закономерность – грубое вмешательство «старших братьев» (!) из центрального руководства СЦ⁶.

Одним из средств борьбы с «оппозицией» стали массовые кампании по «очищению и освящению», в ходе которых служители и рядовые члены проверялись на лояльность по отношению к руко-

водству СЦ, что напоминало партийную чистку. Официально признавалось, что главная задача очищения – «проверить и обновить членство»⁷.

Многолетняя история выживания советских верующих под гнетом репрессивного атеистического государства, их опыт адаптации и противостояния ему в подполье наложили неизгладимый отпечаток на их социальную психологию и культуру, трансформировали не только структуру их социума, но и характер социальных связей между людьми, их ценностные ориентации и религиозно-общественные практики. У подпольщиков развились подозрительность, взаимное недоверие, чувство собственной исключительности. Все это было отягощено рядом других социально-психологических явлений, связанных с физическим старением руководства подполья.

Осуществляя свои правозащитные функции, члены СРУ намеренно создавали культ мучеников за веру, на примерах героического самопожертвования которых сплачивали движение и воспитывали молодежь. С какого-то времени масштабы реальных гонений стали намеренно преувеличиваться и даже искажаться. Подпольный синдром довел инициативников до настоящей мании преследования. Например, в 1989 г. в письме М.С. Горбачеву верующие не только списывали все неприятности, случившиеся с их единомышленниками, на происки КГБ, но и выражали уверенность, что за ними и их родственниками постоянно следят и прослушивают их разговоры. Они обвинили органы в применении против баптистов «новейших достижений науки и техники», например облучения «световыми лучами, сопровождающимися шипением»⁸.

Становятся заметными и явления сакрализации их собственной истории: утверждается идея Божьего промысла в истории СЦ, определяется актуальный событийный ряд этой истории, возникают собственные памятные даты и пантеон ее героев и мучеников за веру, начинается периодическое празднование начала движения, появляется строго определенное религиозно-идеологическое обоснование каждого шага и заявления членов СЦ. Такие напряженные отношения с историей, сверхзначимость прошлого были характерны как для официальных текстов руководителей СЦ, так и для интенсивного мемуарного творчества его рядовых членов.

Протестантский историк В. Заватски заметил, что постепенно психология подпольных баптистов стала сильно напоминать психологию членов коммунистической партии⁹. Подобное чувство есть и у бывших участников движения и членов других протестантских общин, причем дело дошло до того, что раскол советских баптистов и последующую историю подпольной церкви склонны

считать проектом КГБ. «Я же говорю, – писал один из участников христианского форума о движении инициативников, – что это странное явление (вовсе не христианское по сути) затеяло КГБ, чтобы обосрать баптистов на всю страну и за ее пределами... А Крючка наняли для этого позорного дела <...> А все это “подполье” – театр для лохов. Ленин в Разливе, ёкарныбабай! Методы – то все большевистские. И ведь поверили же»¹⁰.

Осуждение подпольных методов борьбы характерно и для части советских диссидентов, которые наблюдали негативные последствия нелегального существования оппозиционеров. Например, П. Григоренко, книга воспоминаний которого носит название «В подполье можно встретить только крыс...», считал, что «создание строго законспирированной нелегальной организации» является «типично большевистским решением», советская власть – это власть вышедших из подполья крыс, и оппозиция, которая остается в подполье, повторяя путь большевиков, может выродиться в «культуру еще более страшных грызунов»¹¹.

В 1980-е годы СЦ критически пересмотрел свой опыт организации правозащиты, отказался от многих применявшихся ранее форм протеста. Главной мишенью критики было использование светских методов борьбы вместо упования на Божью помощь. В 1987 г. вместо СРУ был образован подконтрольный СЦ Отдел заступничества, основным методом работы которого стала молитва. В целом в историческом итоге данное направление предпочло традиционные для России пассивные формы протеста: бегство (эскапизм), отказ от сотрудничества и культурный изоляционизм.

Отказ от регистрации и изоляционизм характерен для общин инициативников до сих пор. Официально объединение сменило свое название на Международный союз церквей (МСЦ) ЕХБ, который объединяет ранее находившиеся в подполье церкви на всем постсоветском пространстве и за рубежом. В короткий период перестройки и в самом начале 1990-х годов приверженцы СЦ активизировали свою религиозно-общественную жизнь, контакты с внешним миром и властями, но фактически остались в подполье, почти не участвуют в межконфессиональном общении, поддерживая связи в основном с братскими общинами в других городах. Подобное настроение питает и эсхатологизм инициативников, постоянное ожидание гонений.

В результате разочарования в новой жизни изоляционизм инициативников перерос в культурный консерватизм, усилил эсхатологические ожидания, породил антилиберальные и антизападнические настроения. Инициативники настаивают на заключении браков только с верующими, выступают против контроля рождае-

мости, телевидения, компьютерных игр, «губительных лабиринтов Интернета», вызывающей светской одежды, косметики и украшений, светских развлечений и увеселительного элемента в церковной жизни, светского образования, зарабатывания денег и работы на руководящих постах, считают богопротивными некоторые профессии, составляют списки запрещенных книг¹².

Гражданское общество может быть действенным механизмом общественной системы лишь в том случае, если оно не замкнуто само на себя, а постоянно и эффективно взаимодействует с институтами государственной власти. Культура отношения к политике и взаимодействия с государством у современных баптистов носит явственную печать советского подпольного наследия: они отказываются от каких-либо контактов с властями, культивируют в своих рядах аполитизм, равнодушны к выборам и другим общественно-политическим явлениям, сосредоточены на вопросах личного благочестия. Такую позицию они называют «узким путем», противопоставляя его «греховному» пути открытости миру. На съезде, посвященном 40-летию движения, в 2005 г. Крючков заявил, что репрессии 30-х годов были наказанием для верующих за «связь с миром» и попытки участия в политике, которые протестанты предпринимали с 1905 г.

Стереотипы мышления, социальные привычки и культурные модели поведения, идеологические и моральные установки, коренящиеся в подпольном советском прошлом, стали основой идентичности современных российских «отделенных» баптистов. В условиях подполья активные участники правозащитного движения приобрели ярко выраженные черты «простого советского человека» – «человека изолированного», «человека без выбора», «человека упрощенного» и «мобилизованного», для которого характерно «безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права»¹³. Представляется, что подобная трансформация была характерна и для многих других общественно-политических субкультур позднего советского времени, хотя и не носила столь ярких, модельных черт.

Примечания

- ¹ Впоследствии из названия союза исчез союз «и». Для краткости всех верующих евангельско-христианского и баптистского происхождения после объединения стали называть просто баптистами.
- ² *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. М., 2001 (URL:<http://www.memo.ru/history/diss/books/alexsewa/>).

Религиозное подполье как среда формирования гражданского общества

- ³ См.: Чудо наших дней // Вестник Истины. 1990. № 2. С. 23–29.
- ⁴ *Заватски В.* Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 284.
- ⁵ См.: *Куксенко Ю.Ф.* Наши беседы. [Б.м.], 2005. С. 172.
- ⁶ Там же. С. 92–110.
- ⁷ Об освящении. Вероучение. Устав МСЦ ЕХБ. Издание МСЦ ЕХБ, 2006. С. 45.
- ⁸ Бюллетень родственников узников ЕХБ. 1989. № 3. С. 3–5.
- ⁹ См.: *Заватски В.* Указ. соч. С. 153.
- ¹⁰ Реплики Деметриуса от 26 и 28 декабря 2005 г.
(URL: <http://old.baptist.org.ru/forums/showthread.php?t=89&page=5>).
- ¹¹ *Григоренко П.С.* В подполье можно встретить только крыс...
(URL: <http://www.memo.ru/history/diss/books/grightml/>).
- ¹² Бог призвал нас к святости // Братский листок. 2008. № 1. (URL: <http://iucecb.com/listok/20080121-1822>). Также см. обсуждение этой проблемы на форуме (URL: <http://old.baptist.org.ru/forums/showthread.php?t=89>), участники которого называют СЦ зоной и концлагерем и вспоминают при его описании Скотный двор Оруэлла и фильм «Матрица».
- ¹³ *Левада Ю.А.* От мнения к пониманию: Социологические очерки, 1993–2000. М., 2000 (URL: <http://www.levada.ru/levadaocherki.html>).

Г.М. Михалева

ЭКОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ПРАКТИКА

В статье рассматриваются, с одной стороны, основные особенности развития зеленого движения в России и политизации его части с начала перестройки до наших дней, и появление «зеленой» повестки в политических партиях – с другой.

В контексте трансформации политических институтов и характеристик гражданского общества анализируются основные характеристики новых форм гражданской активности в экологической сфере и алгоритмы взаимодействия партий с «зеленым» движением.

Ключевые слова: экологическое движение, «зеленые», политизация, партии, деэкологизация, гражданская активность, ужесточение режимных условий.

История экологического движения в России от начала перестройки до наших дней демонстрирует бег по кругу или повторение пройденного. Экологическое движение на начальном этапе трансформации было первым и самым эффективным направлением работы неформальных групп, быстро превратившихся в общественные протестные движения. В условиях отсутствия политических форм активности эти движения были по сути политическими, предъявляли требования к политике властей и использовали стратегии общественного давления.

Именно поэтому сейчас, на новом этапе развития экологического движения и появления в политическом спектре России партии с «зеленой составляющей» (РОДП «Яблоко»), важно проследить основные этапы развития экологического движения и траекторию политизации его части, с одной стороны, и предпосылки для

появления «зеленой» политики, естественно существующей сейчас в европейских (и не только европейских) странах – с другой. Динамика и характер этого процесса определяются особенностями трансформации политических институтов вообще и партий и некоммерческих организаций (НКО) в частности, а также характеристиками гражданского общества и гражданской активности в современной России.

Призыв Горбачева к демократизации на начальном этапе перестройки был услышан внизу. Сначала в Москве, а потом и на периферии начали проходить обсуждения нового политического курса, что, в свою очередь, ускорило появление первых политических организаций, становление и развитие самостоятельных политических групп, объединений и движений. Эти группы частично поощрялись партийным аппаратом в начальный период перестройки, чуть позже с ними начали вести борьбу. Быстрая дифференциация неформального движения привела к появлению организаций, отчетливо определявших себя как политические¹.

Природоохранные, экологические группы стали пионерами в проведении открытых протестов и консолидации общественных групп. Они возникли не на пустом месте. Их предшественниками были, с одной стороны, официальные, относительно подконтрольные партии организации Всесоюзного общества охраны природы и национально-патриотическое природоохранное движение – с другой. В самом начале перестройки природоохранные требования были первым шагом на пути к требованиям политическим – отмены 6-й статьи Конституции и реформы политической системы². Особенности этого периода, помимо высокого уровня динамики, являются хаотичность, мозаичный характер, появление будущих лидеров политических движений и групп. Для всего периода перестройки свойствен постоянно увеличивающийся разрыв между легитимностью и легальностью, между правом и реальным политическим развитием³.

Для этого периода характерна политизация общественных организаций, включая экологические, которые, для того чтобы существовать и иметь возможность деятельности, вынуждены выбирать между поддержкой власти или оппозиции. Весь период после смены режима и выбора демократических институтов как переходного решения общественные организации оставались на периферии внимания власти, использовались как дополнительный электоральный ресурс либо инструмент привлечения средств западных доноров⁴. Но одновременно происходило становление третьего сектора, при этом относительная слабость социальной, культурной и экономической базы деятельности гражданских орга-

низаций компенсировалась, по выражению Якобсона и Сановича, «импортом ресурсов, знаний, идей, навыков и организационных решений»⁵. Это сказалось на приоритетах деятельности и взаимосвязях внутри третьего сектора. Роль государства сводилась к доброжелательному невмешательству, иностранные доноры выступали в роли ключевых субъектов как предложения ресурсов, так и институтов третьего сектора. Организации финансировались исключительно западными – американскими и европейскими (в первую очередь – немецкими) – спонсорами. Кстати, эти же доноры работали до принятия закона о партиях, запретившего финансирование со стороны иностранных юридических и физических лиц, и с партиями, которые они оценивали как демократические. Одним из важнейших направлений поддержки иностранными донорами становления гражданского общества (с открытия возможности работы западных фондов в России) стала и остается до настоящего времени поддержка экологических организаций.

После первого цикла выборов началась дифференциация: часть организаций и активистов стала заниматься собственно политической деятельностью, а другая часть превратилась в экологические организации.

К каждому новому электоральному циклу появлялось избирательное объединение, претендовавшее на голоса экологически заинтересованных избирателей. За два года до очередных выборов по экологическим информационным сетям пробежала, по словам известнейшего активиста «зеленого» движения С. Забелина (Международный социально-экологический союз), «волна политического обострения, выразившаяся в призывах возродить зеленую партию»⁶.

Тем не менее создать экологическую партию, несмотря на все попытки, так и не удалось. В то же время продолжал действовать ряд экологических организаций, использовавших в основном ресурсы западных доноров. В последнее десятилетие одновременно с деэкологизацией российской политики изменялось и экологическое движение.

Наблюдателю, не являющемуся инсайдером, очень трудно проследить и оценить «броуновское движение» экологических лидеров и организаций, вереницу объединений и расколов и соответствие заявлений о намерениях реальным действиям. По свидетельству самого известного российского эколога, А.В. Яблокова, члена-корреспондента РАН и лидера фракции «Зеленая Россия» в партии «Яблоко», с 1994 до 2006 г. по крайней мере семь раз возникали политические движения, имеющие в своем названии слово «экология» или «зеленые»⁷. При этом необходимо учитывать, что субъек-

тами, участвовавшими в избирательных кампаниях до 2007 г., были избирательные объединения, а не партии. Партийный статус не был решающим для участия в выборах⁸. В относительно конкурентных выборах 1993 и 1995 гг. участвовало поддерживающее российское руководство конструктивно-экологическое движение «Кедр» (основанное предпринимателем Анатолием Панфиловым). В 1999 г. оно баллотировалось под названием Российская экологическая партия «Зеленые», а в 2003 г. вновь под названием «Кедр». Результаты были неутешительными: 0,76% в 1993 г., максимум в 1995 г. – 1,79, 0,41% – в 2003 г. Деятельность этого объединения подверглась жесткой критике экологических организаций.

Политически значимой конфликтной линией представляется поддержка или критика действий властей. При этом следует различать два периода: экологически ориентированный и антиэкологический.

В период перестройки и начальный период существования Российской Федерации экологическое движение могло влиять на решения властей, включая институциональные. В это время был принят ряд законов и учрежден ряд государственных институтов, связанных с охраной окружающей среды. Сами власти тоже стремились соблюдать европейски ориентированные «экологические приличия». Но уже к концу президентства Ельцина и особенно в период президентства Путина проводилась политика (по определению самих экологов) деэкологизации⁹.

Это проявлялось, по оценке ведущих экологов, в следующих действиях властей:

- ликвидации природоохранного ведомства (Госкомэкологии) (2000 г.);
- ослаблении природоохранного законодательства (с 1998 г.), в том числе лесного (2004–2006 гг.), водного (2006 г.), градостроительного (2006 г.);
- ослаблении государственного экологического контроля (с 2000 г.);
- сокращении сферы действия государственной экологической экспертизы (2004 г.);
- торможении развития системы особо охраняемых природных территорий (2000–2008 гг.);
- преследовании под надуманными предлогами активистов-экологов и создании препятствий в деятельности общественных экологических организаций (с 1998 г.);
- разрушении системы экологического образования (с 2000 г.);
- сокращении бюджетного финансирования экологических программ (с 1987 г.).

В первый срок президентства Владимира Путина попытки (на Гражданском форуме) упорядочить гражданские организации и использовать их для дополнительной легитимации власти не увенчались успехом. Гражданские организации, включая экологические, были финансово независимы от власти, использовали западные донорские средства и не были готовы встраиваться в институциональную вертикаль. В то же время в этот период власти было еще «не до них»: ей нужно было решать более важные задачи (рецентрализации, выстраивания управляемого парламента и партийной системы, подчинения бизнес-групп и т. д.).

Во второй срок президентства Владимира Путина эти задачи были уже решены. С другой стороны, «цветные» революции в ближнем зарубежье показали, что НКО становятся ядром организации массовых протестов, которые могут привести к потере элитами властных позиций. Поэтому начала активно и последовательно проводиться политика сегрегации по отношению к НКО. Элементами этого воздействия являются создание общественных палат при губернаторах, усложнение деятельности правозащитных организаций, шпионские и другие процессы¹⁰. Давление властей в полной мере испытали на себе экологи: снижение финансирования, публичное давление, обвинение в шпионаже и даже возбуждение уголовных дел.

В этот же период у западных доноров ослабевает интерес к инвестициям в укрепление демократических институтов и гражданского общества. Итоги их работы показали, что она была не вполне результативной, а созданная система стимулов породила у лидеров и активистов НКО скорее стремление к краткосрочной выгоде, чем к созданию устойчивых и укорененных структур¹¹. Получил распространение феномен «human rights business», когда НКО начали действовать по принципу фирм, получавших постоянное финансирование, а для активистов это были средства для неплохого существования. Но система распределения ресурсов между организациями стимулировала не развитие связей между ними, а конкуренцию и изоляционизм.

«Наступление по всему фронту» на общественные организации в этот период началось в нескольких направлениях.

Был принят закон об общественных организациях, существенно усложнивший условия их существования и ограничивший получение ресурсов из практически единственного источника – западных фондов. Закон ограничил автономию НКО и поставил их под государственный контроль¹². В результате регистрация в качестве коммерческой фирмы, как и отчетность, оказались значительно легче, чем для НКО.

Были созданы Общественная палата и региональные общественные палаты, получившие эксклюзивное право играть роль гражданского общества¹³.

Угроза потерять позиции заставила западных спонсоров действовать или с оглядкой на власть, или же отказываться от работы в России вообще (как Джордж Сорос, а затем Фонд Форда и ряд других небольших голландских, канадских фондов, выделявших гранты на поддержку НКО). С начала 2000 г. бюджет USAID (Американского агентства развития – крупнейшего спонсора из работающих в России донорских организаций) уменьшился вдвое¹⁴. В конце этого периода активизировалось открытое давление на организации-доноры. Закрылся Британский совет, обвиненный в шпионаже. Организации, работавшие по программам демократизации (фонды, аффилированные с американскими и немецкими политическими партиями, американские и европейские фонды, финансировавшие программы по поддержке демократии, чьи ресурсы преимущественно использовались правозащитными, экологическими, женскими и другими НКО), перестали выделять ресурсы. Последовательно продолжал поддерживать экологические организации только Фонд Белля, близкий к партии «Союз 90 – Зеленые». Правда, ресурсы этого фонда были весьма ограничены.

Переход к фазе «импортозамещения» означал, с одной стороны, появление располагавших значительными средствами благотворительных организаций российского бизнеса, стремившегося быть «социально ответственным», ориентируясь на требования властей. Помощь бизнеса НКО, в первую очередь на региональном и местном уровнях, мотивировалась стремлением улучшить отношения с органами власти, а нередко – и давлением с их стороны. Но чувствительные для власти сферы – защита политических и гражданских прав, экология – практически не включались в объекты финансирования¹⁵.

Работа значительной части организаций, в том числе экологических, была свернута или заморожена, начали рассыпаться выстраиваемые годами сети коммуникаций, стал теряться опыт работы. Голос НКО, независимых от власти, особенно в регионах, стал почти не слышен.

Стала активно проводиться кампания по дискредитации наиболее влиятельных правозащитных и экологических организаций, по старому советскому образцу обвиняемых в западном финансировании и шпионской деятельности.

Участилось преследование тех, кто занимался правозащитной деятельностью или писал о ней, борцов с произволом властей,

стали практиковаться внесудебные преследования и применение насилия в ответ на различные формы общественной активности.

Правозащитные и экологические организации, суть деятельности которых связана с влиянием на государство по инициативе самого общества, оказались в тяжелом положении. Ранее не оцениваемая как политическая, их деятельность в авторитарных условиях приобрела политические черты, а сами эти организации стали рассматриваться властью как политические оппоненты¹⁶. Усложнение условий существования принудило правозащитные организации изменить свое отношение к оппозиционным политическим партиям.

До начала периода давления на экологические организации они использовали две стратегии: пытались создать экологическую партию, с одной стороны, и заниматься природоохранной работой, не связанной с политической деятельностью, – с другой. Организации отказывались от сотрудничества с существующими политическими партиями из боязни, что их используют, и предпочитали хотя и тесные, но только личные контакты.

Но все-таки экологи работали с органами власти, входили в различные советы при органах власти разного уровня. В середине 2000-х власть практически подталкивала их к политической деятельности, которую они в силу своей природы и функций осуществлять не могли, поэтому нуждались в политических партнерах, обладающих вертикальной структурой и ресурсами разного типа. Призывы экологов к «озеленению» существующих партий не привели к значимым результатам. В то же время единственной партией с экологической повесткой дня, сотрудничавшей с зеленым движением (например, по запрету ввоза из-за рубежа отработанного ядерного топлива), оставалось «Яблоко».

В этот период активизировались усилия по созданию демократически ориентированной зеленой партии. В 2005 г. прошел учредительный съезд партии «Зеленая Россия» (ключевую роль в организации его играл А.В. Яблоков). Далеко не все зеленые были готовы вступить в такую партию: для традиционалистов, националистов, анархистов участие в демократической либеральной партии было неприемлемо. Этот опыт показал, что политизация экологического движения приводит к тому, что оно неизбежно раскалывается на два течения, каждое из которых имеет преданных адептов (левое – от социал-демократии до анархизма и правое – с выраженной традиционалистской направленностью)¹⁷. Некоторое время «Зеленая Россия» пыталась укрепить членскую базу и выстроить собственную структуру. Но ресурсов катастрофически не хватало. Обстоятельства складывались фатально для будущей партии: был

принят пакет законопроектов, ужесточивший закон о партиях и избирательное законодательство. Кремлевская администрация и обеспечивающее бесперебойное голосование большинство парламента последовательно создавали условия, максимально благоприятные для партии, призванной стать «доминирующей» в политической системе, и максимально неблагоприятные для всех остальных¹⁸. К партиям фактически начали предъявляться требования, которым могут соответствовать, пожалуй, только государственные учреждения с непрерывно работающими бюрократическими аппаратами.

В конце 2006 г. ЦИК официально объявил, что проверку прошли 19 партий, 16 партий были признаны не соответствующими требованиям законодательства, к 2007 г. таких осталось лишь 14, а к 2008 г. – только семь. С этого времени до начала 2010 г., несмотря на многочисленные попытки, не была зарегистрирована ни одна партия.

Во взаимодействии общественных организаций и оппозиционных партий существовало несколько разнонаправленных процессов.

1. Попытки правозащитных организаций в 2004–2006 гг. *создать собственные партии*, больше или меньше продвинувшихся на этом пути («Единая народная партия солдатских матерей», правозащитники, инициатива Л. Пономарева), завершившиеся неудачей и прекратившиеся после ужесточения законодательства. Значительная часть тех, кто хотел заниматься политической деятельностью, выбрали «свою» партию, но при сокращении числа партий к 2008 г. возможности политического выбора были еще больше ограничены. В этой же группе оказалась и «Зеленая Россия».

2. Создание широких коалиций, включавших не только правозащитные организации, но и партии, политические организации или известных политиков. В декабре 2004 г. был созван *Всероссийский Гражданский конгресс* (ВГК), А.В. Яблоков вошел в Комитет действий – орган оперативного руководства ВГК. После фактического развала и того и другого объединений были предприняты новые попытки создания объединений как либеральной, так и «право-левой» ориентации, но ни партии, ни известные экологические организации в них уже не участвовали.

3. Попытки представителей НКО (МХГ, движение «За права человека», «Голос» и др.) стать посредниками при объединении демократической оппозиции в рамках «*Комитета 2008*», а потом – «*Гражданского конгресса*», закончившиеся неудачей. Все эти объединения, включая и учрежденную в качестве «политической части» Гражданского конгресса «Другую Россию», развалились еще до 2007 г.

4. Поиск партиями союзников среди НКО и использование их сетей для организации массовых мероприятий (марши в защиту свободы слова, антифашистские марши, митинги, пикеты) в Москве и регионах. При этом КПРФ и «Яблоко» заявляют это направление как свою стратегическую задачу уже в 2004 г. «Яблоко», используя свои наработки, включая законопроекты и кампании (например, против ввоза отработанных ядерных отходов) в области экологии, начинает еще интенсивнее сотрудничать с экологами.

Перед вторым Гражданским конгрессом в 2005 г. представители «Зеленой России» вошли в список «Яблока» на выборах в Московскую городскую думу. Одновременно Промышленная партия (впоследствии ликвидированная) также предложила «Зеленой России» войти в ее состав. Часть активистов «Зеленой России» выступала за преобразование партии в надпартийную общественную организацию, большинство представителей регионов настаивали на создании самостоятельной партии зеленых. В итоге было принято решение, что часть участников неудавшегося партийного проекта вступят в «Яблоко», оговаривая условия, обеспечивающие значительную автономию, в то же время сохраняется более широкое зеленое движение, имеющее как стратегическую цель создание партии зеленых¹⁹.

Партия «Яблоко» на XIII съезде в июне 2006 г. поменяла название, став Объединенной демократической партией «Яблоко», и создала ряд фракций на основе вступивших членов общественных организаций, которым не удалось создать собственную партию. Среди них была и фракция «Зеленая Россия».

К 2010 г. фракция стала органичной частью партии, ряд ее представителей вошел в руководящие органы – Политический комитет и Бюро; трое были избраны председателями региональных отделений. Кандидаты партии – зеленые, несмотря на существенное ужесточение условий выборов для оппозиционных кандидатов, смогли стать депутатами местных и даже региональных законодательных собраний (например, Дмитрий Рыбаков – депутат Законодательного собрания в Карелии). Но главное – усилилась экологическая составляющая деятельности «Яблока» в принятии заявлений, в требованиях и решениях, в практической деятельности).

Усилилась и ключевая роль фракции во всем зеленом движении; экологические организации, которые не вошли в состав фракции, готовы не только взаимодействовать с партией, но и осуществлять совместные проекты.

Последовательное проведение политики, ущемляющей социальные, в том числе и экологические, права граждан, несмотря

на рост государственных доходов, приводит в этот период к росту массовых уличных протестов, которые начинают приобретать систематический характер. При этом главным вопросом становится рост цен на коммунальные услуги и ущемление прав отдельных групп граждан (жильцы общежитий, обманутые застройщики, жители, протестующие против уплотнительной застройки или вырубки зеленых насаждений, и т. д.).

Новая тенденция 2007–2008 гг. – самоорганизация так называемых инициативников, взаимопомощь в решении жизненно важных проблем и обмен информацией через сайты, а также акции солидарности, в том числе активизация групп, занимающихся экологической проблематикой. Спонтанные акции, похожие на протесты конца 1980-х годов, становятся реакцией граждан на локальные или национальные события: уплотнительную застройку рядом с конкретным домом, застройку природоохранных зон, вырубку реликтовых лесов и скверов, загрязнение озер и рек, незаконное участие чиновников в охоте на редких животных и конкретные действия региональной или местной власти – и мобилизуют активных граждан. Конечно, масштабы протестов и уровень мобилизации несравнимы с концом 80-х, однако постепенно они становятся заметны²⁰.

Власть же действует по старой схеме: ограничивает право граждан на протест, изменяя нормативную базу, и применяет административные методы борьбы и даже насилие. Появляются новые формы мобилизации и новые формы проведения акций: участники могут собираться с помощью блогов, все чаще используются короткие зрелищные акции (флэшмоб), рассчитанные не на вовлечение прохожих, как раньше, а на привлечение журналистов. Растет число молодежи, участвующей в таких акциях, и молодежных политизированных движений²¹.

Совместные действия инициативных групп и партии «Яблоко» в Москве позволили остановить запланированное строительство шести мусоросжигательных заводов в черте города. При этом взаимодействие инициативников с партиями носит прагматический характер: они готовы принять помощь всех, независимо от позиции, лишь бы был эффект в решении их проблемы – остановки застройки или вырубки. Объединяются усилия различных групп, которые в критических ситуациях помогают друг другу, передают друг другу опыт борьбы за свои права взаимодействия с органами власти. Случаи успеха, вызывая кумулятивный эффект, стимулируют других активных граждан. Партия (политическая организация) в этом случае выполняет ряд задач: помогает в формулировании требований гражданской инициативы, в продвижении и защите ее интере-

сов с использованием имеющихся политических ресурсов; предоставляет возможность консолидации, объединения этих гражданских групп на собственной площадке с привлечением коммуникационных ресурсов. Может ли такая работа быть конвертирована в электоральный ресурс – открытый вопрос.

Получают развитие следующие тенденции:

- интенсификация использования блогосферы для самоорганизации и установление горизонтальных связей между различными протестными группами;
- театрализация протестных акций;
- радикализация и политизация требований, затронувшая, правда, лишь небольшое число регионов;
- взаимодействие между правозащитными, экологическими и оппозиционными демократическими организациями;
- взаимодействие между оппозиционными партиями и инициативными группами, часть из активистов которых начала вести политическую деятельность уже напрямую, в том числе – баллотирясь на местных и региональных выборах;
- ужесточение нормативной базы и практик, пресекающих любые формы выражения протеста.

Сайт института «Коллективное действие» (ИКД)²², наиболее подробно фиксирующий гражданские акции, отмечает все шире распространяющуюся активность, связанную с городскими проблемами, в том числе с защитой экологической среды.

В 2009–2010 гг. самыми многочисленными были серии акций в защиту Утриша и Байкала, проведенные в течение нескольких месяцев в десятках регионов страны.

Приходится констатировать, что самостоятельное и влиятельное эколого-политическое движение в России создать не удалось. Существование и активность «Зеленой России» в партии «Яблоко» мало изменяют ситуацию, так как партия, живущая уже второй избирательный цикл без фракции в парламенте и без освещения ее деятельности в основных СМИ, переживает тяжелые времена и сама действует во многом как общественная организация.

Хотя в последнее время активность экологов несколько увеличилась, положение экологических НКО, подвергающихся давлению и не обладающих необходимыми ресурсами, остается сложным.

Особенности сегодняшних политических практик в России (в отличие от большинства развитых стран), несмотря на наличие зон экологических катастроф, отодвигают проблемы экологии на периферию общественной жизни. Это обуславливает и слабость экологического и эколого-политического движения в России.

- 1 Об этом периоде см.: *Delvin J.* The Rise of the Russian Democrats: the Causes and Consequences of the Elite Revolution. Vermont, 2000. P. 74–105; *Lukin A.* The Political Culture of the Russian ‘Democrats’. Oxford, 2000.
- 2 *Винер Д.* Урок свободы. Охрана природы в России: от Сталина до Горбачева // НЗ. 2006. № 2. С. 50–67.
- 3 Подробнее об этом периоде см.: *Михалева Г.* Романтический период формирования российской многопартийности // Двадцать лет перестройке: эволюция гуманитарного знания в России. М., 2005. С. 176–193.
- 4 См.: Граждане и власть: проблемы и подходы. М., 2001; *Шмидт Д.* Какое гражданское общество существует в России // Pro et Contra. 2006. № 1. С. 6–24.
- 5 *Якобсон Л., Санович С.* Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // ОНС. 2009. № 4. С. 21.
- 6 *Забелин С.* Особенности российских зеленых // НЗ. 2006. № 2. С. 135.
- 7 См.: *Яблоков А.* Время зеленых в России // Там же. С. 138.
- 8 Об этом см.: *Михалева Г.М.* Российские партии в контексте трансформации. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- 9 См.: Об антиэкологической политике руководства России: Политический комитет. Документы 2008–2009. М.: РОДП «Яблоко», 2009. С. 61–63.
- 10 *Петров Н.* Общественная палата: для власти или для общества? // Pro et Contra. 2006. № 1. С. 42–44.
- 11 *Якобсон Л., Санович С.* Указ. соч. С. 27.
- 12 См.: *Taylor D.* Low Enforcement an Civil Society in Russia // Europe-Asia Studies. Vol. 58. № 2. P. 193–213.
- 13 См.: *Fein E.* Potjomkinisches Parlament und Papiertiger: Russland Analysen. Bremen, 2006. № 87. S. 2–4.
- 14 *Якобсон Л., Санович С.* Указ. соч. С. 27.
- 15 См.: *Полищук Л.И.* Бизнесмены и филантропы // Pro et Contra. 2006. № 10.
- 16 См.: Правозащитное движение сегодня: проблемы и перспективы. М., 2005.
- 17 *Самовер Н.* Миссия невыполнима? // НЗ. 2006. № 2. С. 146.
- 18 Об этом см.: *Гельман В.* Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // Российские элиты в условиях консолидации власти. Пермь, 2006. С. 27–47.
- 19 См.: *Яблоков А.* Указ. соч. С. 142.
- 20 *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. 2008. № 2–3. С. 6–23.
- 21 *Siegert J.* Politische Jugendorganisationen und Jugendbewegungen in Russland: Russland Analysen. Bremen, 2005. № 83. S. 2–5.
- 22 <http://www.ikd.ru/>

Н.В. Шатина

РУНЕТ КАК ЭКОСРЕДА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Изменение социально-политической среды в обществе связано с трансформацией форм коммуникации власти и общества. В статье рассматриваются значимые изменения политической экосреды Рунета. В задачи статьи входит анализ различных коммуникативных инструментов Интернета, обеспечивающих прямой диалог власти и общества, современные практики их использования российскими политическими акторами. Новые формы интернет-коммуникаций (блоги, социальные сети, форумы и др.) обладают значительным потенциалом для формирования новой политической экосреды, что уже сегодня находит отражение в реальных политических практиках.

Ключевые слова: Рунет, трансформация, коммуникативная природа, сетевые ресурсы, блоги, президент, губернаторы, власть, общество.

Распространение политического в Интернете за прошедшие 20 лет привело к формированию новой экосреды российской политики: не просто вырос объем «присутствия» политических акторов в Сети, но и изменился характер этого присутствия. В 1990-е годы ресурсы Интернета использовали лишь отдельные политические акторы (персональные сайты и форумы лидеров партии СПС Б. Немцова и А. Чубайса, сайты политических партий и др.). К началу 2000-х годов в Интернете открылись сайты практически всех органов государственной власти и управления общественно-политических организаций. Однако в основном все эти ресурсы играли скорее информационную роль. С появлением технологий веб 2.0 политическое поле Интернета резко расширилось, а на первый план вышла именно коммуникативная функция. В связи с этим особый интерес для нас представляют сетевые

© Шатина Н.В., 2011

ресурсы, обеспечивающие различные коммуникативные форматы внутри властных структур и между властью и обществом.

Вал активности государственно-политических акторов в Сети произошел с приходом к власти Д.А. Медведева. Новый президент практически сразу заявил о важности информационного общества и перевел свое заявление в практическую плоскость, создав Совет при президенте по развитию информационного общества¹. К числу важнейших государственных задач он отнес обеспечение равного доступа к Интернету для всех граждан России и информационную открытость в отношении интернет-пространства².

Естественно, что, занимая пост главы государства, президент присутствует в информационном поле Интернета на официальных ресурсах. У него четыре официальных сайта: официальный сайт Президента России на kremlin.ru, его аналог на президент.рф, сайт «Президент России – гражданам школьного возраста», а также официальный сайт кандидата в Президенты РФ на выборах 2008 г. «Медведев-2008». Характерно, что и в официальные ресурсы Д.А. Медведев привнес личные элементы («личный» сайт Дмитрия Медведева, где можно ознакомиться с его биографией, написанной в «разговорном» жанре, авторские фотоработы, персональная страница его супруги)³.

Д.А. Медведев не ограничился «обязательным» набором ресурсов: 7 октября 2008 г. в рамках официального сайта Президента России на дочернем домене blog.kremlin.ru открылся его персональный видеоблог. На первом этапе блог президента был не столько коммуникативным, сколько имиджевым проектом (сервис предусматривал только возможность онлайн-просмотра и скачивания видео- и стенограмм записей). С 12 января 2009 г. коммуникативный аспект проекта был значительно усилен: пользователи получили возможность комментировать записи⁴. За первый год в видеоблоге Медведева появилось 33 видеозаписи. К концу 2009 г. количество посетителей блога достигло 45 тыс. чел., а комментарии оставили более 10 тыс. чел. К 1 июля 2010 г. количество посетителей составляло уже 80 441, из которых более 19 тыс. оставили комментарии⁵. За время работы блога его посетители высказались по 49 темам. Самыми популярными стали темы противодействия коррупции, военной службы и соцобеспечения военнослужащих и обсуждение статьи «Россия, вперед!».

К существенным качественным изменениям в работе ресурса можно отнести то, что если первые полгода работы блогов площадка использовалась для специальных видеообращений Д.А. Медведева по актуальным темам (все появления президента в блоге становились новостными поводами – борьба с коррупцией, отзыв

посла из Украины и др.), то сегодня таких уникальных записей специально для блога практически нет. Сегодня вместо специальных обращений президента в блоге раз в неделю выкладывается хроника – фрагменты выступлений главы государства на разных мероприятиях. Периодически пользователи обсуждают их достаточно активно⁶.

12 февраля 2009 г. на базе Живого журнала был создан блог-дублер, куда транслируются записи видеоблога Медведева⁷. К 10 сентября 2010 г. в блоге содержалось 185 записей автора, его читали более 14 тыс. чел., было получено более 128 тыс. комментариев. Лидерами по количеству комментариев (на июль 2010 г.) являются темы о развитии Интернета в России, об отношениях России и Украины. На втором месте остается тема коррупции.

27 августа 2009 г. был зарегистрирован канал «пользователя kremlin» на YouTube.com. В отличие от блога в ЖЖ, он не является двойником президентского видеоблога (в него перенесена лишь часть видеозаписей, но есть записи, отсутствующие в видеоблоге). На 20 октября 2009 г. на канале было размещено 13 видеороликов, а к 12 июля 2010 г. – 66. У канала 4885 подписчиков, а общее количество просмотров превысило 684 тыс. (на 12 июля 2010 г.).

В июне 2010 г. президент открыл микроблог в социальной сети Twitter⁸. Уже за первые сутки было зарегистрировано более 7900 подписчиков, к 12 июля 2010 г. их число достигло 47 033 в русскоязычной версии и 33 555 – в англоязычной⁹.

Интересно и мнение людей, определяющих цели и задачи работы президента в данном формате и занимающихся его содержательной и технической поддержкой. Так, пресс-секретарь главы государства Наталья Тимакова считает важнейшей задачей получение прямых комментариев по делу. «Мы не можем быть развлекательным ресурсом», – констатирует она¹⁰. У Кремля нет задачи «затащить всю страну в блог», – отмечает источник «Газеты.ру» в Администрации президента. По его словам, скорее «есть желание получать информацию из первых рук»¹¹.

Присутствие в Интернете Д.А. Медведева проявляется не только в формировании контента. Все активнее президент использует ресурсы Интернета для обратной связи с населением и с государственными чиновниками. Так, в интерактивной форме президент работал над текстом послания Федеральному собранию в 2010 г. Его статья о стратегических задачах страны «Россия, вперед!», содержащая ключевые идеи послания, была обнародована 10 сентября 2009 г. на сайте Gazeta.ru. Там же был указан специально созданный почтовый адрес для отправки сообщений. Часть комментариев к статье была получена и через блоги Медведева (в общей

сложности 18 657 комментариев). В послании Д.А. Медведев несколько раз упомянул отклики читателей¹².

Говорить о формировании в Интернете новой коммуникативной экосреды можно с 2009 г. Именно тогда Д.А. Медведев начал использовать свой блог для прямых и быстрых коммуникаций с региональными властями по поводу комментариев и обращений посетителей его ресурсов. Одним из первых интернет-поручение получил губернатор Краснодарского края Александр Ткачев. Оно стало ответом на жалобу, оставленную в президентском блоге пользователем под ником voda I губа. Последний в ответ на высказывание Д.А. Медведева о Великой Отечественной войне 10 мая обратился к нему с просьбой разобраться в ситуации с затягиванием ремонта памятника воинам в Краснодаре (в условиях участия региональной власти в ряде многомиллионных проектов). Уже 15 мая в блоге Медведева появился ответ – на отсканированном изображении памятника ручкой подписано: «А.Н. Ткачеву. Разберитесь. Накажите виновных. Доложите в трехдневный срок. (Подпись). 14.05.10»¹³.

26 августа 2010 г. в формате записи в блоге Медведев известил о приостановке строительства скоростной платной автомагистрали Москва – Санкт-Петербург. Формально президент обратился к активистам-экологам и сочувствующим гражданам. По сути же, это было поручение правительству и конкретно премьеру В.В. Путину. Запись в видеоблоге президента появилась около 8 ч. вечера. Премьер находился с визитом в Хабаровске, где в этот момент было уже утро. Первые комментарии пресс-секретаря Путина Д. Пескова свидетельствуют о том, что премьер и его аппарат ничего заранее не знали о решении президента. При этом еще днем 26 августа в пользу приостановки строительства высказались активисты «Единой России». Все это было осуществлено за спиной Путина¹⁴.

В целом, по словам пресс-секретаря президента, блог помогает в организации работы с ведомствами по обращениям граждан. Свое утверждение пресс-секретарь президента Н. Тимакова иллюстрирует примером: на обращение президента о нелегальных игровых заведениях вне определенных для этого зон пользователи стали присылать сообщения с адресами таких мест. В начале декабря 2009 г. Администрация президента передала в МВД для проверки 21 обращение. По ним быстро были приняты правовые решения.

Некоторые аналитики, правда, относятся к интернет-инструментам достаточно скептически. Так, по словам специалиста в сфере общественных связей и политических коммуникаций В. Майклсона, «никаких реальных изменений блог не принес – он работает как обычная общественная приемная. Кроме того,

стало очевидно, что президент блогом не занимается, а для этого есть специально обученные люди». Тем не менее он считает, что закрывать проект не будут, так как задачу создания имиджа Медведева как молодого прогрессивного политика он выполняет¹⁵.

Естественно, что современные блоги президента и ряда государственных деятелей не соответствуют привычному для посетителей данных ресурсов формату. Реального изменения и наращивания возможностей данного ресурса как инструмента диалога общества и власти стоит ожидать только в случае перевода этих ресурсов из официально-обязательного в личный формат.

Президент не только сам активно работает в Интернете, но требует этого и от всех представителей власти. Считая, что современная демократия развивается в направлении от традиционной (представительной, через депутатов) к виртуальной (прямой, непосредственный диалог граждан с властью), он предлагает депутатам не упускать «онлайн-инициативу». О важности именно прямых сетевых коммуникаций власти и общества свидетельствуют и слова президента о том, что «распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний, выявления и ликвидации очагов коррупции, прямого доступа к месту практически любых событий, для непосредственного обмена мнениями и знаниями людей всего мира. Общество становится открытым и прозрачным как никогда. Даже если это не нравится правящему классу»¹⁶. При этом особое внимание президент обращает на сетевые (коммуникативные) возможности Интернета. Об этом свидетельствует его активное участие в популярных сетевых ресурсах. Создавая блог, Медведев своим примером поощрял к аналогичной интернет-активности государственных чиновников и политиков разного уровня.

Первое появление «государственных людей» в блогосфере относится к 2006–2007 гг. Однако всплеск их активности связан с приходом в блогосферу президента. Действительно, вслед за блогом и Живым журналом Медведева аналогичные ресурсы очень быстро появились у большинства губернаторов и других государственных чиновников. Иными словами, государственные чиновники поняли намек Дмитрия Медведева: теперь активность в Сети обязательна и для них. Это негласное указание обрело чуть позже и вербальную форму. Медведев в октябре 2009 г. отметил: «Я надеюсь, мы подали абсолютно доходчивый, правильный пример для властей. Обращайте внимание власти на то, что происходит на местах, если она не в курсе того, что происходит, или если

она просто бездействует. А все тайное, как известно, рано или поздно становится явным. Причем, имея в виду интернет-возможности, это происходит, как правило, не “поздно”, а “рано”»¹⁷.

Массового появления «гослюдей» в Сети следовало ожидать в силу характера и природы российской власти. Природа политической культуры России предполагает демонстрацию лояльности всех уровней власти президенту. Пожелания президента государственные чиновники (а губернаторы в современной России де-факто являются государственными чиновниками) восприняли как руководство к действию. Их активность в блогосфере различна. Однако свое присутствие в Сети обозначили большинство губернаторов и чиновников. При этом лишь немногие губернаторы и чиновники (губернатор Пермского края О. Чиркунов и глава Кировской области Н. Белых, появившиеся в Сети раньше президентского блога) не стесняются открыто высказывать самостоятельную позицию по тем или иным вопросам.

Пионером массового прихода губернаторов в блогосферу, инициированного президентом, стал тверской губернатор Д. Зеленин. А к августу 2009 г. список пополнили еще 18 губернаторов¹⁸. Сегодня в нем уже 42 губернатора. В связи с таким беспрецедентным ростом активности государственных чиновников в Сети совершенно неслучайным видится появление в 2010 г. сайта «Гослюди.ру». (www.goslyudi.ru, проект специализированного ресурса сообщений из блогов политиков, экспертов и государственных чиновников), созданного по заказу Полит.ру. Ресурс предназначен для популяризации и наблюдения за блогами государственных чиновников и их участием в социальных онлайн-проектах.

По данным проекта «Гослюди.ру», о своей деятельности в Сети пишут председатель Совета Федерации С. Миронов, спикер Госдумы Б. Грызлов, а также ряд депутатов Государственной думы. Свои блоги есть и у региональных депутатов и членов региональных правительств. В общей сложности, по данным сайта, 46 блогов насчитывают органы федеральной власти, 11 проектов – у ведомств и госструктур, 9 – у руководителей госструктур, и 123 – у региональных властей. На сайте ведется рейтинговый подсчет «говорливости» блогеров (число публикаций), упоминаемости (число ссылок на автора), читаемости (число читателей). Все параметры объединяются в сводном рейтинге. Предусмотрена простая возможность копировать посты из блогов государственных чиновников в свой блог (в Twitter, Facebook, Friendfeed). Кроме этого, пользователь может группировать записи чиновников по регионам, компетенциям и должностям, следить за топом их записей на основе ежесуточно обновляемого Яндекс.топ’а.

Руководитель проекта И. Бегтин отмечает, что проект аналогичен американскому TweetCongress (<http://tweetcongress.org/>) и канадскому PoliTwitter (<http://www.politwitter.ca/>). Анализируя специфику «государственной блогосферы», он пишет, что до 30% блогов сделаны без возможности подписки на них через RSS, что делает невозможным их импорт стандартными средствами. Многие блоги не дают возможности комментировать сказанное, и даже те, которые такую возможность предусматривают, или жестко регламентируют саму процедуру (как в блоге губернатора Ставропольского края), или подвергают комментарии жесткой модерации, либо просто крайне неудобны для высказывания пользовательских комментариев. По его словам, одной из целей создаваемого сервиса было сделать сервис технологичным и удобным.

На сегодняшний день проект «Гослюди.ру» включает каталог блогов: общим списком (<http://www.goslyudi.ru/bloglist/>), по группам (<http://www.goslyudi.ru/bloggroups/>); четыре рейтинга («говорливости», упоминаемости, читаемости и сводный (<http://www.goslyudi.ru/ratings/full/>); топ записей государственных чиновников (<http://www.goslyudi.ru/top/>), рассчитываемый на основе данных API Яндекс.блогов и накопленных данных; сбор данных с блогов без RSS (сейчас таких блогов 10, около 40 в процессе добавления); возможность оставлять предложения (через <http://goslyudi.reformal.ru/>); интеграция с социальными сетями (рядом с каждым постом есть кнопки отправки поста в Twitter, Facebook, FriendFeed, а также код для вставки в блог); возможность комментировать посты. Все записи из блогов всегда транслируются с оригинальными ссылками. На главной странице есть колонка «Эксперты», куда транслируются посты на тему государства, но не от государственных чиновников. Правда, пока там дается трансляция только из блогов самого И. Бегтина (только того, что касается государства) и блога Катерины Аксеновой (www.gov-gov.ru).

Автор проекта считает, что это лишь начало работы, и призывает всех желающих писать ему по электронному адресу (ibegtin@gmail.com) или комментарием к посту, чтобы попасть в трансляцию в экспертную колонку. Обозначены только два обязательных условия. Все, кто хочет попасть в эксперты, должны назвать свои реальные фамилию, имя и отчество, должность, место работы, какой-либо проект, которым занимается автор высказывания. Кроме этого, от автора требуется соответствие текста тематике рубрики (необходимо, чтобы не менее 80% записей были на тему государства и взаимодействия с ним). Предполагается развитие проекта на основе пожеланий и предложений от пользователей.

Еще одна инициатива портала «Полит.ру» – так называемое «Электрическое общество» (<http://ruelectric.ru>). Эта инициатива направлена на создание проектов, сходных с «Гослюди.ру», и сбор их данных в едином каталоге.

Анализ материалов сайта показывает, что губернаторы и другие чиновники активно заявили о себе различными видами интернет-активности, заведя по примеру президента собственные блоги в ЖЖ, Твиттере и др. Характерно, что именно блоги губернаторов оказались в числе первой двадцатки антирейтинга. Многие губернаторы, заведя блог, никак не поддерживают его работу. Для некоторых губернаторов прямой выход в Интернет стал вынужденной мерой. Об этом свидетельствует то, что первый всплеск роста губернаторских блогов приходится на время появления блога Президента РФ, а второй – когда распространились слухи о словах Д.А. Медведева, что коммуникации в Интернете повлияют на оценку эффективности работы губернаторов. Раз мера вынужденная, то и задача создания из этих блогов эффективных площадок для коммуникаций не ставилась.

Минусом большинства блогов государственных чиновников является то, что иницилируемые на их площадках дискуссии не получают продолжения. Там мало посетителей. И даже если эти блоги читают, то доверяет им минимальное число посетителей. К числу основных «ошибок» губернаторов (или лиц, которым они поручили ведение собственных блогов) относится прежде всего то, что их блоги «выпадают» из формата, характерного для ЖЖ-аудитории. Они, как правило, больше похожи на официальные сайты (и по дизайну, и по темам записей, и по стилю). Так, например, блог губернатора Брянской области Н. Денина состоит практически из одних поздравлений (с Днем Победы, 8 Марта, 23 февраля, Новым годом). Естественно, что аудитория не стремится к участию в рамках такого формата блогов.

Практически все записи блога губернатора Пензенской области В. Бочкарева представляют собой цитаты из его выступлений. Несмотря на то что активность в комментариях к записям губернатора оказалась достаточно высокой и он не попал в формат блогосферы, свидетельством чему является отсутствие в друзьях губернатора других блогеров.

Еще одним недостатком блогов губернаторов является нежелание большинства из них участвовать в диалоге с аудиторией. Авторы часто ограничивают число комментариев, что делает использование формата блогов бесполезным. Таковы, например, блоги губернатора Белгородской области Е. Савченко (дает возможности просмотра и скачивания записей), губернатора Омской области

Л. Полежаева (связаться с ним можно, только отправив письмо по электронной почте). Естественно, что и комментарии к блогу губернатор так и не дождался. В блоге губернатора Калужской области А. Артамонова указано, что для вопросов губернатору существует раздел «письма». Сложно оставить комментарии и в блогах губернаторов Ставропольского края В. Гаевского, Курганской области О. Богомолова.

Проблемы с возможностью участия в дискуссии возникают еще и потому, что на блогах вводятся дополнительные ограничения для потенциальных комментаторов. Так, часто ограничивается число комментариев, возможности записи в круг «друзей» (собственно, и на президентском блоге круг друзей последнего уже давно переполнен и новым желающим в нем уже не находится места). Многих возможных комментаторов отпугивает и предупреждение о корректировке исходного комментария модератором (например, в блоге губернатора Воронежской области А. Гордеева).

Губернаторы, которые еще не завели свои блоги, и те, которые, заведя блоги, редко делают записи в них, поспешили объяснить свои позиции. Главным в их объяснении стала ссылка на отсутствие времени (об этом публично заявила, например, губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко). Так, не более одного раза в два-три месяца появляются в блогах омский губернатор Л. Полежаев, глава Кабардино-Балкарии А. Каноков, губернатор Удмуртии А. Волков, губернатор Вологодской области В. Позгалев, губернатор Калужской области А. Артамонов и многие другие.

Еще один значимый для формата блогосферы недостаток – блоги, являющиеся по определению авторскими ресурсами, чаще всего ведутся вместо губернаторов кем-то из их помощников¹⁹. На этом фоне скорее исключением из общей картины активности в губернаторской блогосфере выглядят блоги губернаторов Кировской области Н. Белых и Пермского края О. Чиркунова, ведущиеся ими персонально и демонстрирующие реальную работу в качестве интерактивных дискуссионных площадок.

Анализ экосреды политического Интернета свидетельствует о начале формирования новой коммуникативной площадки власти и общества. На первый план выходит активное включение граждан в формирование повестки дня, возможность прямого диалога граждан и власти. Основным препятствием в развитии этих возможностей является неумение и нежелание большей части чиновников работать в новом формате. Преодоление данного «разрыва» возможно с приходом во власть нового поколения политиков, которые свободно используют и блогосферу, и социальные сети, и другие коммуникативные инструменты Интернета. Сам приход

этой новой волны политиков во многом связан с растущей интернет-аудиторией, привыкающей не просто получать всю необходимую информацию с новостных лент, но и активно реагировать на нее.

Подтверждением последнего стал пример прихода во власть активного блогера и первого веб-депутата Екатеринбургской городской думы Л. Волкова, победившего на выборах в качестве независимого²⁰. О росте политической интернет-активности российских граждан (на фоне угасания оффлайновой активности) свидетельствует и появление общественно-политических интернет-проектов. Их смысл, назначение и практики различны – стремление решить наболевшую проблему, желание просто «приколотся», попытки выстраивания оппозиции власти. Примером оппозиционной интернет-активности является созданный объединенными усилиями сайт «Путина в отставку». Обращение «Путин должен уйти» к 31 мая 2010 г. подписали более 47 тыс. человек. Среди подписантов известные политики, правозащитники, деятели культуры и простые граждане. Более того, этот интернет-проект выходит уже и в оффлайн (прошла личная встреча, на которой присутствовало 70 человек). Участники договорились о проведении совместных акций в рамках проекта²¹.

Таким образом, можно говорить о серьезном характере изменений и эволюционных процессов политического в Рунете если не как о свершившемся факте, то как о характерной тенденции, выраженной на сегодняшний день достаточно четко. Эта медиасреда предоставляет возможности существенных изменений экосреды российской политики.

Примечания

- 1 Положение о Совете при Президенте по развитию информационного общества в Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: Президент России. Официальный сайт//<http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/11/208795.shtml>
- 2 Официальный блог Д.А. Медведева. Электронный ресурс. Режим доступа: http://community.livejournal.com/blog_medvedev/?skip=10
- 3 Дмитрий Медведев. Личный сайт. Электронный ресурс. Режим доступа: kremlin.ru.
- 4 Культура отдыха и развитие массового спорта в нашей стране. Запись в видеоблоге Дмитрия Медведева, 12 января 2009 г.
- 5 Сообщения модераторов видеоблога Дмитрия Медведева.
- 6 Там же.

- 7 Блог Дмитрия Медведева. Электронный ресурс. Режим доступа: http://community.livejournal.com/blog_medvedev/profile
- 8 В Интернете появился Twitter Президента России. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=142489>
- 9 Twitter Медведева стал мегапопулярным. Мировой политический форум 2010. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://actualcomment.ru/news/13100>
- 10 Цит. по: *Самигуллина А., Бочарова С.* Отпостились. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2010/03/22_a_3341418.shtml
- 11 Там же.
- 12 *Медведев Д.А.* Россия, вперед! Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
- 13 Официальный блог Д.А. Медведева. Электронный ресурс. Режим доступа: http://community.livejournal.com/blog_medvedev/?skip=10
- 14 *Лейбин В.* Дмитрий Медведев – санитар леса // Русский репортер. 2010. 2–9 сент. № 34. С. 28–29.
- 15 Цит. по: *Самигуллина А., Бочарова С.* Отпостились.
- 16 Независимая газета. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/columnist/2009-09-10/100_emerald.html
- 17 Официальный блог Д.А. Медведева. Электронный ресурс. Режим доступа: http://community.livejournal.com/blog_medvedev/?skip=10
- 18 Белых Никита, губернатор Кировской области – [belyh](#). Дудка Вячеслав, губернатор Тульской области – [blog_dudka](#). Жилкин Александр, губернатор Астраханской области – [alexandr_jilkin](#). Зеленин Дмитрий, губернатор Тверской области – [dzelenin](#). Косилов Андрей, первый вице-губернатор Челябинской области – [andrejkosilov](#). Морозов Сергей, губернатор Ульяновской области – [morofovsergey](#), [blog_morozov](#). Турчак Андрей, губернатор Псковской области – [turchak](#). Слюняев Игорь, губернатор Костромской области – [slunyaev](#). Чиркунов Олег, губернатор Пермского края – [chirkunovoleg](#). Артамонов Анатолий, губернатор Калужской области – <http://www.artamonovguber.ru/blog.php?blog=1>, <http://www.artamonovad.ru/blog.html>. Богомолов Олег, губернатор Курганской области – <http://www.admobl.kurgan.ru/6477.html>. Боос Георгий, губернатор Калининградской области http://test.gov39.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=45&Itemid=71. Бочкарев Василий, губернатор Пензенской области – <http://www.penza.ru/video>. Гаевский Валерий, губернатор Ставропольского края – <http://www.gubernator.stavkrai.ru/videoblog/index.htm>. Денин Николай, губернатор Брянской области – <http://www.bryanskobl.ru/news/videoblog>. Кожемяко Олег, губернатор Амурской области – <http://www.portamur.ru/blogs/kozhe-myako>. Позгалев Вячеслав, губернатор Вологодской области – <http://vologda-oblast.ru/photos.asp?lng=RUS&V=52>, Филиппенко Александр, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа – Югра – http://www3.admhmao.ru/governer/vopr_gub.aspx.

- 19 См.: *Замула А.* Блоги губернаторов: три принципиальные ошибки // Региональный PR-портал. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.region-pr.ru/page308.html>; *Замула А.* Губернаторы 2.0: авторский проект на ЖЖ // <http://a-zamula.livejournal.com/75521.html>
- 20 См.: *Антипин В.* Чудак на букву W // Русский репортер. 2010. 4 февр. № 4.
- 21 Путин должен уйти: Обращение // <http://www.putinavotstavku.ru/>

М.А. Штейнман

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

Статья посвящена взаимосвязи экологии и массовой культуры в рамках современного политического дискурса. Целью данной статьи является анализ одной из разновидностей политического высказывания, которое репрезентирует себя через массовую культуру посредством общекультурных мифологем. Особенно наглядно это проявляется в сфере экологии. Социокультурная традиция увязывает насилие над природой с насилием над личностью. Враждебное отношение к природе является для определенных сообществ доказательством наличия в обществе элементов тоталитаризма. Соответственно, движения, связанные с защитой окружающей среды, постепенно обретают собственную политическую мифологию.

Ключевые слова: политическая экология, политический миф, массовая культура, локальная идеология, идентичность.

Современная массовая культура неуклонно приобретает черты политической коммуникации. В свою очередь, ее политический потенциал во многом определяется доступом к целевой аудитории, т. е. коммуникативным потенциалом. Более того, в некоторых случаях довольно затруднительно провести границу между дискурсом массовой культуры и политическим высказыванием.

И особую роль в этом специфическом взаимодействии играет миф. При этом миф понимается как особого рода конструкт с мифологемой в качестве структурной единицы. Целью данной статьи является анализ одной из разновидностей политического высказывания, которое репрезентирует себя через массовую культуру посредством общекультурных мифологем.

© Штейнманн М.А., 2011

Между сферами экологии и политики существует гораздо более тесная взаимосвязь, чем это представляется на первый взгляд. И связующим звеном между ними служит именно миф.

Тема экологии изначально рассматривалась многими мыслителями в контексте иерархии – религиозной, философской, социальной или политической. Т. Адорно в «Негативной диалектике» подчеркивает: «Уже учение об идеях Платона – существенный шаг к демифологизации, воспроизводит миф: в качестве существностей оно увековечивает отношения господства, которые были перенесены с природы на человека и практически реализованы человеком. Если бы господство над природой действительно являлось условием и этапом демифологизации, то демифологизация обязательно вторглась бы и в эту сферу; господство над природой не должно стать жертвой мифа»¹.

Позиция Адорно здесь крайне значима. В одном абзаце он увязывает понятия «миф» и «господство над природой». Совершенно очевидно, что подчинение природы человеку (пусть даже ради благих целей) тесно связано в сознании с категориями насилия. В свою очередь, насилие над природой прочно закрепилось в массовом сознании как аналог насилия над гражданами, как показатель тоталитаризма. Причем тоталитаризм как таковой может иметь под собой не только сугубо идеологическую, но и экономическую основу. Примерами могут служить роман и Е. Замятина «Мы» (1920) и О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). У Замятина природа и лес равнозначны своего рода позитивному хаосу, сметающему на своем пути стерильный мир победившей идеологии. У Хаксли миром правит культ Форда, т. е. прибыли. Общественная система, изображенная в «Дивном новом мире», безусловно, тоталитарна по своей сути. Но идеология, на которой строится это общество, – идеология потребления. При этом окружающий мир становится не более чем средством получения бесконечной прибыли для бесконечного потребления. Детей с младенчества учат ненавидеть природу, поскольку в своем первозданном виде она не приносит выгоды: «У цветочков и пейзажей тот существенный изъян, что это блага даровые. Любовь к природе не загружает фабрики заказами. И решено было отменить любовь к природе... отменить, но так, чтобы загрузка транспорта не снизилась»².

Максимально четко и ярко зависимость между насилием над природой и насилием над личностью проявлена в трилогии Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» (1954). Имя Джона Рональда Руэла Толкиена редко звучит в контексте политологии. Однако англоязычные исследователи давно и прочно связали понятие фэнтези как жанра художественной литературы и политического

дискурса. Именно фантастические жанры являются тем мощнейшим каналом коммуникации, который, во-первых, обеспечивает доступ к максимально широкой аудитории и, во-вторых, позволяет изложить авторскую позицию максимально доступным языком, который, в свою очередь, может обладать самостоятельной художественной ценностью.

В восприятии Толкиена природа представляет собой часть божественного замысла³. Именно поэтому насилие над природой для писателя так или иначе оборачивается насилием над душой и, следовательно, преступлением против Создателя. С другой стороны, христианский аспект «Властелина колец» уравновешен вполне актуальным для того времени политическим компонентом. Все без исключения отрицательные персонажи трилогии стремятся к абсолютной власти, используя вполне современные (с точки зрения Толкиена) средства, от манипуляции сознанием до прямого захвата власти и установления тоталитарного режима. Отношение к природе того или иного героя становится своего рода духовным маркером. Во многом именно поэтому современные англоязычные исследователи его творчества считают возможным рассуждать об «эколого-политических» мотивах в трилогии⁴.

Применительно к политическому дискурсу гораздо важнее те изобразительные средства и смысловые единицы текста, к которым прибегают писатели. И здесь следует упомянуть о мифах и мифологемах. У Толкиена они являются основой выстраивания его собственного дискурса.

Особой значимостью, в частности, обладают образы дерева (в особенности магического древа, служащего жилищем для эльфов) и хранительницы этого дерева (эльфийской владычицы Галадриэли). Главная угроза лесам Средиземья – кольцо власти (Ring of Power). Именно с его помощью Саурон (Черный владыка) может подчинить себе не только жителей, но и саму природу. Его страна (Мордор) уже представляет собой выжженную пустыню и одновременно является воплощением абсолютного подчинения абсолютной власти.

Текст «Властелина колец» важен для нас еще и тем, что связанная с образом природы проблематика изначально выходит за рамки отдельных мифологем мирового древа или священной рощи. Трилогия Толкиена создана по законам не средневекового, а современного сознания: именно поэтому такое значение приобретает тема экологии как защита природы и – шире – защита духовной составляющей общества. Более того, ряд анахронизмов, сознательно допускаемых Толкиеном, свидетельствуют именно о наличии политически внятных аллюзий в рамках фэнтезийного дискурса.

И в первую очередь среди этих анахронизмов следует назвать враждебное отношение к природе со стороны «темных сил». Все без исключения персонажи, репрезентирующие зло (Черный владыка Саурон, падший маг Саруман, хоббит-предатель Пескунс), неизменно демонстрируют ненависть к природе как таковой. Более того, зло в понимании Толкиена обладает явственными чертами тоталитаризма. Саурону служат рабы-орки, одержимые одновременно страхом перед своим господином, ненавистью к свету и – что особенно важно – к природе. С одной стороны, природные ресурсы (древесина, железо, камень) используются ими в своих целях для постройки или изготовления оружия, но при этом уничтожается и сама природа. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание специфику отношения Толкиена к природе и в особенности к лесам. Природа для него – одновременно воплощение бога (в духе кельтско-медиєвистского восприятия христианства) и при этом воплощение свободы в ее высшем, почти религиозном понимании. Свобода природы – гармония с миром, лишенным первородного греха.

Именно поэтому власть над миром для Толкиена подразумевает одновременно насилие над природой. В стране Саурона, Мордоре, земля мертва. Вокруг Изенгарда, оплота Сарумана, вырублен лес. Даже максимально удаленная от битв Хоббитания оказывается поработанной. В ней устанавливается порядок, подозрительно напоминающий худшие проявления тоталитаризма в СССР: все распоряжаются «сборщики» и «раздельщики», а несогласных с ними помещают в «исправноры». Наконец, природа там уничтожается сознательно – так, чтобы нанести хоббитам максимальный нравственный ущерб. Более того, единственным представителем мифологемы мирового древа в трилогии можно назвать, как ни странно, «праздничное дерево» в центре сада, принадлежащего сначала Бильбо, а затем Фродо.

Природа у Толкиена напрямую связана с категорией идентичности. И здесь можно смело говорить о национальной идентичности, категории которой ярче всего были сформулированы в двух стихотворениях Р. Киплинга «Слава сада» («The Glory of the Garden») и «Гимн деревьям» («A Tree Song»). Но если первое стихотворение отсылает нас к известной мифологеме рая, то у Киплинга райский сад становится аналогом дома, а дом – государства.

Соответственно, реальность, о которой персонажи «Вишневого сада» Чехова только мечтают («Мы насадим новый сад», «Вся Россия – наш сад»), у Киплинга заявлена как уже существующая: «Подобна саду Англия. Не сыщется милей...» Но гораздо важнее для нас система образов, предложенная в «Гимне деревьям».

Терновник, дуб и ясень изображены как сакральные деревья англичан: «Дуба листва была жива / До бегства Энея из Трои. / Ясеня ствол в небеса ушел, / Когда Брут еще Лондон не строил».

Таким образом, лес репрезентирует собой не только природу, но и страну и мир.

Фильм Д. Кэмерона «Аватар» (2010), использующий буквально те же самые ключевые образы и сходный посыл, сконцентрирован вокруг власти денег, враждебной природе как таковой. Характерно, что отношение к природе у представителей обоих типов власти (у Толкиена и Кэмерона) совершенно идентично. Фильм вызвал интерес зрителей и критиков прежде всего своей технической, внешне выразительной составляющей, однако феномен «Аватара» заключается в другом.

Путем максимально увлекательной формы Кэмерон стремится донести до зрителя некое сообщение, которое не нуждается в осознанном восприятии. Более того, дискуссии, развернувшиеся вокруг «Аватара» в пространстве Интернета и в особенности Рунета, демонстрируют одновременно высочайшую степень вовлеченности в обсуждение фильма Кэмерона и одновременно неосведомленность аудитории о важнейшем его послыле. Спорили, в частности, о заимствовании сюжетных линий (сюжет «Аватара» сравнивали, например, с «Покахонтас», с «Неукротимой планетой» Г. Гаррисона, с повестью Урсулы Ле Гуин «Слово для леса и мира одно» и т. д.).

Фильм внятно и недвусмысленно заявляет о главенстве женского начала и о необходимости признать это. Любопытно, что Джейл Энн Херд, вторая жена Кэмерона и по совместительству продюсер ряда его фильмов, подчеркивает: «Он убежден, что кинематограф часто недооценивает важность женских образов – особенно в научно-фантастических и фэнтезийных жанрах»⁵.

Режиссер (он же автор сценария) использует ряд крайне значимых мифологем, чтобы донести свою мысль до зрителя. Можно сказать и иначе: новейшие достижения кинематографа нужны Кэмерону только для того, чтобы заставить зрителя понять простейшую мысль – мир, где доминирует мужское восприятие, является плоским, одномерным и недалеким. Речь идет не об отрицании мужского начала в пользу женского, но о попытке вернуть нарушенную гармонию.

Мир землян – мужской, технократический мир, мир Пандоры – женский, естественно-гармоничный. Распределение гендерных векторов землян соответствует ассоциативному ряду: война – оружие – металл – техника. Цивилизация землян – апофеоз военных технологий, агрессии и гротескной маскулинности. Полковник Куотрич называет ученых «импотентами», сам демонстрируя

максимальную брутальность. Планета Пандора вызывает другую цепочку ассоциаций: природа – гармония – общение. Это мир мягких очертаний, женственных изгибов. Даже в скалах отсутствуют острые пики, хотя сами горы вполне могут быть летающими.

Планета Пандора представляет собой идеально уравновешенную систему. Здесь нет места насилию, а есть лишь поддержание баланса. Даже убийство животных ради пропитания сопровождается произнесением ритуальных слов благодарности. Энергетическая гармония, царящая на Пандоре, существует благодаря Эйве. Эйва – это коллективная память обитателей планеты, своего рода коллективный разум, где синапсами служит в буквальном смысле все живое. Растения образуют единую информационную сеть, а разумные обитатели обладают физической возможностью в буквальном смысле подключаться к деревьям и животным, соприкасаясь с ними на уровне сознания. Согласитесь, что Пандора, где отсутствует агрессия и самоутверждение за счет слабых, – это мир женской ментальности. Здесь Кэмерону, пожалуй, удалось сравняться со Станиславом Лемом. Его «Солярис» также представляет собой сюжет о женском начале. Дело в том, что океан, который является у Лема объектом исследования земных ученых, во-первых, сам исследует их сознание, а во-вторых – воплощает в себе «инь», женскую сторону мироздания. В оригинале само имя «Солярис» – женского рода.

Аналогом Солярис в «Аватаре» выступает Эйва. По сути дела, Эйва – не просто божество, это «создательница всего сущего», как характеризует ее один из героев. Таким образом, на мифологическом уровне Эйва – это Великая Мать, женская ипостась Творца. Существующими аналогами Эйвы в античной мифологии являются Гея (мать-земля) и древний эллинско-азиатский образ Реи-Кибелы, объединяющей в себе функции рождения и смерти. В фильме этот аспект также представлен. Эйва объединяет в себе не только живых, но и умерших. Души ушедших обитателей планеты «находятся с Эйвой». Тем важнее тот факт, что по сюжету фильма планета Земля уже мало пригодна для жизни.

Образный ряд фильма представляет собой компиляцию из аллюзий на книги самых разных писателей. Характерно, что огромное дерево-дом, приютившее в своих ветвях целое племя, создано по образцу эльфийских деревьев-мэллорнов у Толкиена.

Гибель дерева-дома обусловлена наличием не абстрактного зла, а вполне конкретных деловых интересов персонажей-антагонистов. Деньги в фильме поставили себе на службу целую армию. Не обладая сами по себе никакой идеологией, кроме идеологии прибыли, корпорации, представленные сугубо отрицательными

персонажами (циничный клерк Паркер Селфридж, полковник Куотрич), используют устоявшиеся нравственные ценности (верность родине, верность расе, верность друзьям), чтобы заставить обычных людей действовать в своих интересах. Именно поэтому решение главного героя Джейка присоединиться к аборигенам расценивается большинством землян как предательство.

Характерно, что подобный этико-экологический посыл фильма привлек к себе внимание политической журналистики. В своей рецензии в журнале «The New Times» Ю. Гладильщиков отмечает: «Кэмерон, конечно же, снимал не развлекательную фантастическую картину о других мирах. Он делал актуальную картину про Землю и человечество»⁶.

Успех «Аватара», равно как и использование ключевых образов фильма в общественно-политическом дискурсе, свидетельствуют о том, что проблематика ленты выходит далеко за рамки современной индустрии развлечений. Более того, интерес к фильму становится своего рода базой для объединения людей на основе их убеждений. Иными словами, перед нами – первый этап самозарождения локальных сообществ.

Д. Шварцмантель в работе «Идеология и политика» фиксирует характерную тенденцию для начала XXI в.: при отсутствии так называемых глобальных идеологий (к которым, без сомнения, можно было отнести противостояние социализма и капитализма) все большее значение начинают приобретать так называемые локальные идеологии⁷. Они, в свою очередь, базируются на локальных сообществах, свободно появляющихся и исчезающих в зависимости от необходимости. Такого рода «локальные идеологии» тесно связаны с понятием идентичности. Граждане, не желающие занимать свое место в противостоянии левых/правых политических сил, все же испытывают потребность в объединении с теми, кто разделяет их убеждения. Необходимость решения насущных, сиюминутных задач, как утверждает Шварцмантель, способно, с одной стороны, восполнить лагуну идентичности, а с другой – стать основной для создания локальной платформы, объединяющей граждан вокруг себя лишь до тех пор, пока проблема не разрешена. Основная черта предложенной Шварцмантелем «политики идентичности» (identity politics) – наличие определенных ценностей, имеющих принципиальное значение для индивидуума. Они являются неким кодом, помогающим ему выстроить свое отношение к окружающей действительности и сформулировать четкую позицию.

Подобные объединения, в свою очередь, могут коррелировать с более серьезными конструкциями, которые, по мнению Шварцмантеля, обладают явными чертами и признаками идеологии.

К такому относится и так называемая зеленая политика (green politics), т. е. движение, связанное с защитой окружающей среды. Именно оно обладает особыми возможностями по мобилизации значительного числа людей как ответной реакции на тот или иной вопрос повестки дня, связанный с охраной окружающей среды⁸. Может ли «экологизм» считаться самостоятельной идеологией? На этот вопрос у автора нет однозначного ответа. Он лишь подчеркивает, что разнообразные направления в рамках движения по защите окружающей среды функционируют преимущественно в протестном формате. Они фокусируются на вопросах загрязнения природы, различного рода угроз экологическому равновесию. Адресатом их посланий при этом является правительство, а целью различных акций – заставить его внести вопросы, связанные с экологией, в повестку дня⁹.

Таким образом, вряд ли можно говорить об «экологизме» как самостоятельной идеологии. Этому движению суждено либо занять свое место в рамках «политики идентичности», либо стать частью более развернутой идеологической системы, обладающей несравненно большими коммуникативными и административными ресурсами.

В обоих случаях, однако, на первый план выходит инструмент и одновременно коммуникативная единица создания идеологической общности – миф.

Специфику политического мифа с позиции его вербального выражения подробно рассмотрела автор работы «Философия политического мифа» Ч. Боттичи. Она подчеркивает, во-первых, связь мифа с построением идентичности, а во-вторых, нарративную форму бытования мифа. С ее точки зрения, политический миф может быть «одним из способов реализации нарратива, который объединяет самые разнородные элементы, входящие в состав групповой идентичности»¹⁰. Более того, групповые идентичности, созданные с помощью политического мифа, как правило, подразумевают активные действия.

При всем многообразии формулировок данного понятия имеет смысл остановиться на рабочем определении политического мифа, подразумевающим следующие черты.

1. Политический миф – особый вид сообщения (послания), функционирующий в области политического дискурса.
2. Функция политического мифа напрямую связана как с идеологией в ее традиционном понимании, так и с «политикой идентичности», или локальными идеологическими конструктами.
3. Миф – это сообщение, апеллирующее не к разуму, а к эмоциям получателя.

4. Данное сообщение опирается на базовые архетипы (мифологемы), облегчающие преодоление коммуникативного барьера.

5. Миф может представлять собой как сконцентрированное, так и сюжетно развернутое сообщение.

6. Кодирование данного сообщения происходит с учетом доминирующих черт того или иного пространства коммуникации (политический дискурс, массовая культура, агора и т. д.).

7. Кодирование предполагает наличие как минимум двух семантических слоев: первый (оболочка) выполняет задачу привлечения внимания получателя, второй (содержание) доносит до сознания реципиента собственно смысл сообщения.

8. Поскольку миф представляет собой саморегулирующуюся коммуникативную систему, то, будучи раз инициированным, в дальнейшем он функционирует самостоятельно. Именно поэтому сложно однозначно определять «силы», стоящие за тем или иным конструктом.

Данные черты политического мифа проявляются не только (и не столько) в сфере государственной идеологии, но и в среде общественных движений, которые заявляют о своей аполитичности. Однако экологические аспекты их деятельности практически сразу активизируют именно политический дискурс.

Доказательством служит сложившаяся в 2008–2010 гг. ситуация с вырубкой Химкинского леса. Статьи, посвященные угрозе вырубки леса, высказывания рок-музыкантов, многочисленные акции – все это свидетельствует об укоренении конструкта в массовом сознании.

Проследим эволюцию сюжета о Химкинском лесу и его семиотическую трансформацию в политический миф. У этого мифа есть своя история, свои герои и свои сакральные события.

В 2008 г. в «Новой газете» была опубликована статья «Взбесившийся зверь выгрызает свои легкие»¹¹. И название статьи, и особый, «сказовый», стиль изложения создавали специфический настрой, основная задача которого – активизировать эмоциональные связи «лес» – «угроза лесу» – «власть как источник угрозы». При этом власть никак не персонифицировалась, оставаясь безликим началом: «О чиновниках и строителях, готовящих тотальную вырубку дубравы, в Химках говорят в третьем лице. Не конкретизируя. Не уточняя. Словно боясь навлечь беду».

По сути дела, данная статья может считаться точкой отсчета создания политического мифа о Химкинском лесу.

И ключевым образом этого мифа является именно священный лес, или, в единственном числе, – священное дерево. Фрезер в «Золотой ветви» проводит важную параллель между безопасным

функционированием общества и отправлением религиозных обрядов в священных рощах. Различного рода ритуалы, связанные с поклонением деревьям¹², были характерны практически для всех народов Европы. Иными словами, перед нами – глубоко укоренившийся архетип, связанный с почитанием деревьев.

Отдельно следует отметить сложившийся культ поклонения дубу¹³, также носящий кросскультурный характер. И совершенно закономерно выделит то внимание, которое автор очерка уделяет именно дубам, составляющим своего рода стержень, костяк Химкинского леса.

Текст сознательно насыщен знаковыми образами – «древние деревья», «родник Святого Георгия», «вороны и дубы». Сам лес прямо называется волшебным. Образ лесника, реального человека, наделяется чертами магического хранителя леса. Подразумевается, что его устами говорит сама природа. «И вот что я вам скажу, – говорит лесник зло. – Этот лес невосстановим. Срубите – и потом хоть об землю бейтесь, поздно будет. Озеленяй Москву, не озеленяй – задохнетесь вы все там, сдохнете».

Его высказывания практически повторяет рассуждение Фангорна – пастыря деревьев в трилогии Толкиена. «Деревья на опушках порубили видимо-невидимо – а хорошие были деревья... Да чтоб ему сгинуть от корня до последней веточки! Я с этими порубленными деревьями дружил, я их многих помнил с малого рощика... Где была звонкая чаща, там торчат пни и стелется кустарник»¹⁴.

Соответственно, защитница леса Евгения Чирикова в данной статье изображается матерью, готовой сражаться за своих детей. За детей не только в буквальном смысле, но и в переносном – за деревья, т. е. за тех, кто сам не может себя защитить.

Образ лидера народного движения «Экологическая оборона Московской области» («Экооборона») и незарегистрированного «Движения в защиту Химкинского леса» Евгении Чириковой, равно как и ее деятельность, первоначально вполне укладывался в рамки «политики идентичности». В своих интервью Е. Чирикова утверждает, что не являлась и не является политиком, а ее интерес к судьбе Химкинского леса обусловлен заботой о здоровье ее дочерей.

Действительно, лидер «Экообороны» постоянно подчеркивает социальный, а не политический характер своей деятельности. Этот образ активно поддерживают и журналисты. Так, журналистка «Радио Свободы» в интервью 2008 г. с Е. Чириковой дает следующую трактовку предыстории вопроса: «Молодую маму рассердило, что хотят вырубить лес, в котором она гуляет с ребенком (сейчас у нее уже двое)»¹⁵. Именно о такой мифологеме «социаль-

но состоявшейся матери» писал Ролан Барт в своих «Мифологиях». «Вы можете любить, трудиться, писать, заниматься бизнесом или литературой, но только не забывайте, что на свете есть мужчина и что вы ему не ровня», – иронизирует он в эссе «Писательницы и деторождение»¹⁶.

Чем дальше, тем очевиднее становится связь движения с другими объединениями, для которых характерны протестные настроения. Кульминационными точками можно называть столкновение между экологами и «людьми в масках» 23 июля 2010 г. и митинг «Мы все живем в Химкинском лесу», который состоялся 22 августа 2010 г. на Пушкинской площади с участием музыкантов, рок-групп и политиков.

В передаче «Полный альбац» на радиостанции «Эхо Москвы» (29.08.2010) Евгению Чирикову уже не представляют «молодой мамой», она на равных беседует с Б. Немцовым и А. Мельниковым. Здесь она говорит о своей аполитичности в прошедшем времени и утверждает необходимость активных гражданских действий – но вне рамок существующих партий: «Не надо рассчитывать, что кто-то добрый придет и тебе поможет, – из какой-то политической партии. Это задача гражданина – надо идти к своим соседям, как это сделала я, идти на улицу, вешать объявление: ребята, есть такая проблема, вот мой телефон, звоните, давайте объединяться. Мне кажется, что за такими гражданскими движениями будущее»¹⁷.

Итак, очевидно произошедшее за три года смещение акцента с социальной на политическую составляющую акций движения защитников Химкинского леса. Более того, поиск идентичности постепенно выводит Е. Чирикову на уровень значимых акторов политической реальности (ограниченной, впрочем, временными рамками июля–августа 2010 г.), а этическая мотивировка все больше приближается к идеологии в понимании Шварцмантеля: «Вообще же я считаю, что “зеленая” тема в России абсолютно не поднята, она очень важна, потому что объединяет абсолютно всех людей – с разным вероисповеданием, разными партийными взглядами, всех людей, у которых есть легкие, потому что это наша среда обитания, это ключевой момент, это то, что мы оставим детям».

Именно поэтому, хотя вряд ли можно утверждать наличие достаточных оснований для появления новой «идеологии защитников Химкинского леса», можно все же говорить об активизации (и дополнительной актуализации) идеологии «зеленых». В свою очередь, в основе столь активно набирающего обороты движения лежат не только объективные политические и социальные факторы, но и глубоко укорененные в сознании архетипы. Так рождается самостоятельно функционирующий политический миф, коммуни-

кативный потенциал которого усиливается трансляцией его основных компонентов в массовой культуре.

И доказательством этого является интервью Ю. Шевчука, опубликованное в еженедельнике «Аргументы и факты», где певец дает следующую характеристику феномену Химкинского леса: «Я говорил тогда на Пушкинской площади¹⁸, что Химкинский лес растет и под Владивостоком, под Воронежем, где сгорели тысячи гектаров. Он стал символом, метафорой происходящего в нас и окружающем мире. Как всегда, идет борьба добра и зла, и все ее понимают по-своему»¹⁹. Как видим, данное высказывание подтверждает гипотезу о самостоятельном функционировании единойжды созданного политического мифа.

Примечания

- 1 Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 165.
- 2 Хаксли О. О дивный новый мир // Хаксли О. Избранное. М.: Радуга, 2000. С. 425.
- 3 См.: *Siewers A.* Tolkien's Cosmic-Christian Ecology: the medieval underpinnings // Tolkien's modern Middle Ages. L.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 145.
- 4 См.: *Curry P.* Defending Middle-Earth. Tolkien: myth and modernity. L.: HarperCollins, 1997.
- 5 <http://jezebel.com/5428827/is-avatars-james-cameron-a-feminist-ally>
- 6 *Гладильщиков Ю.* Не будь человеком! // <http://newtimes.ru/articles/detail/12461/>
- 7 *Schwartzmantel J.* Ideology and politics. L.: SAGE, 2008. P. 132.
- 8 Там же. С. 156.
- 9 Там же. С. 160.
- 10 *Bottici C.* A philosophy of political myth. NY.: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 243.
- 11 *Костюченко Е.* Взбесившийся зверь выгрызает свои легкие // <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/08/21.html>
- 12 См.: *Фрезер Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Эксмо, 2006. С. 148.
- 13 Там же. С. 213.
- 14 *Толкиен Дж.Р.Р.* Две твердыни / Пер. с англ. В. Муравьева. М.: Радуга, 1990. С. 84.
- 15 *Лагунина И.* Рассказ о борьбе активистки движения в защиту Химкинского леса за пост главы администрации Химок // <http://origin.svobodanews.ru/Content/Transcript/1380883.html>
- 16 *Барт Р.* Писательницы и деторождение // Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 100.
- 17 *Альбац Е.* Уличные акции и кому они нужны? // <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/706566-echo/>

М.А. Штейнман

- 18 В своем интервью Ю. Шевчук апеллирует к состоявшемуся 22 августа 2010 г. митинге в защиту Химкинского леса, проходившего на Пушкинской площади в Москве. Это мероприятие можно считать точкой трансформации общественного движения в политическое.
- 19 Юрий Шевчук: «Страна у нас больна. Всем надо выздоравливать» // <http://www.aif.ru/culture/article/37606>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются различные аспекты репрезентации власти в ранний период советской истории. В задачи статьи входит анализ различных форм репрезентации власти, таких как праздники, парады и демонстрации, монументальная пропаганда и архитектура, революционные плакаты, кинематограф и т. д. Новые идеологемы власти конструировали социально-политическую среду, что нашло отражение во всех сферах повседневной жизни и проявилось в символических формах репрезентации власти.

Ключевые слова: репрезентация власти, символы, ритуалы, праздники, парады, демонстрации, монументальная пропаганда, плакат, кинематограф, документальные фильмы.

Всякое изменение социально-политической среды в любом обществе амбивалентно связано с изменением форм и символов репрезентации власти.

В современной науке существует огромное количество интерпретаций понятия «власть». Интересной для нас представляется трактовка этого понятия «как общение и говорение». Так, в списке генетически исходных смыслов власти, составленном Э. Бенвенистом на материале индоевропейских языков, приводится понимание термина *царь* (власть) как справедливость; власть – авторитет – сила – превосходство; власть – чудо – религия; власть – общение – говорение¹. Именно общение и составляет основу того, что политологи и историки называют диалогом власти и общества, который происходит по различным каналам и недостаток которого является провокатором социальных катаклизмов.

Субъект власти, будучи владельцем определенной информации, которая предназначается объекту власти, отправляя ее (информацию), осуществляет коммуникацию, которая в значительной мере конструирует социальную реальность. Н. Луман отмечает: «В конечном счете каждая коммуникация – как в том, что она вычленяет, так и в том, что она предает забвению, – способствует конструированию реальности»².

Характер отношений власти и общества обуславливает различные способы ее реализации в коммуникации. Н. Луман утверждает, что функция власти состоит именно в том, что она устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, основываясь при этом на каузальных связях³. Эта идея созвучна с представлением власти Р. Бартом: власть существует в форме дискурсивных стратегий, выражая себя через язык «идеологической природы»⁴.

Одним из свойств и механизмов осуществления коммуникации власти и общества является репрезентация власти.

Суть репрезентации в современных исследованиях определяется через представление одного в другом и посредством другого, создание некоего образа, представления. Репрезентировать кого-то или что-то означает не обладать собственным значением, а представлять нечто иное.

Репрезентация, представительство – черта, присущая любой власти. Образ власти является одним из способов выражения государственной идеологии, поскольку всякая государственная идеология должна быть соответствующим образом подана и адекватно воспринята населением.

Понятие *репрезентация* используется и для обозначения процесса производства значений и обмена ими между носителями определенной культуры, который включает в себя использование как языка, так и знаков и образов, которые символизируют или репрезентируют вещи⁵.

Восприятие власти и придаваемые этому понятию субъективные значения материализуются в ее предметных символах⁶. В то же время репрезентация верховной власти в различных символических образах на протяжении всей истории взаимодействовала с практикой государственного управления и решала задачу конструирования политической действительности. Таким образом, можно говорить о том, что взаимоотношения общества и власти конструируются символически, на основании символов и образов, создаваемых как самой властью для манипуляции общественным сознанием, так и обществом, которое воспринимает власть в виде образов и символов, основанных на традиционном, архаическом сознании⁷. В многочис-

ленных исследованиях репрезентация власти выступает главным условием для поддержания стабильности постархных структур⁸.

Эффективное существование политического режима, особенно в условиях трансформации политической системы, требует согласованности политических акторов в использовании власти. В целях легитимации политический актор должен решать задачу укрепления доверия граждан к осуществляемой им политике, договариваться с обществом, организовывать с ним конструктивный диалог. Позитивное отношение граждан к политической власти, ее решениям и действиям, ценностям, социальным ориентациям достигается путем определенных интеллектуальных и деятельностных решений политических акторов.

Проблема легитимности власти также решается с помощью репрезентации. И здесь важную роль играют символы власти и ритуальные практики.

Репрезентация как процесс коммуникативный конструирует политическую и социальную реальность разными способами и разными средствами, при этом субъект и объект власти должны владеть символическим языком коммуникации, их идентичности должны определенным образом совпадать.

После завоевания власти большевиками задачей повседневной советской публичной политики стала система мер по репрезентации государства посредством политической символики в коммуникативном процессе. После октябрьской революции 1917 г. у новой государственной власти наравне с репрессивной политикой по отношению к лицам, не испытывавшим лояльности к большевикам, возникла и одна из важнейших задач в идеологической сфере: формирование позитивного образа и его репрезентация среди широких слоев населения. Важно было не только информировать граждан о целях нового государства, разъяснять позиции по многим актуальным вопросам, но и пропагандировать коммунистические идеи, осуществлять агитацию за государственное устройство на новых основаниях, адаптировать массовое сознание к новым принципам функционирования общества и власти.

Используемая властью политическая символика как форма коммуникативного символического действия была направлена на эстетизацию власти и формирование политической идентичности; освещение и разъяснение политического процесса в соответствии с задачами власти; конституирование особого информационного пространства общества, в котором символически отображалась реальность. Советскому государству, так же как, впрочем, и любому другому государству, были свойственны драматургия и театральные эффекты.

Процесс репрезентации власти включал систему политических и государственных символов, советских праздников и обрядов, элементы монументальной пропаганды, архитектурные проекты.

Стратегия советской власти проявилась в попытке утвердиться путем стирания следов прошлой власти, выразившейся в уничтожении памятников, переименовании улиц, вытеснении религиозных праздников и т. п. Пространство города стало сценой репрезентации властных дискурсов.

В условиях неграмотности большей части населения плакат как доходчивое, выразительное и оперативное средство информации и агитации был востребован и государственной властью, и обществом.

Система революционных и политических символов формировалась постепенно, и символический ряд советского плаката прошел ряд трансформаций.

Плакаты первых лет советской власти отражают борьбу со старым государственным строем и со старой властной символикой. Сюжеты попраания обломков имперского герба, короны, скипетра и державы символизировали свержение монархии и возникновение в результате социалистической революции государства рабочих и крестьян. Российский триколор, двуглавый орел и портрет последнего императора создавали обобщенный образ дореволюционной России и ее государственное устройство. «Генерал», «чиновник», «поп», «капиталист», «кулак» изображали несправедливое социальное устройство прежнего общества. Красный флаг из символа свободы и разумного государственного устройства в послеоктябрьский период трансформировался в символ крови, пролитой за победу революции. После октябрьской революции красный флаг как самый употребляемый символ в репрезентации обозначал воплощение идеи создания государства рабочих и крестьян. Почти в каждом плакате основными элементами, символизирующими государственную власть, были красный флаг (часто с надписью РСФСР или «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), плуг (реже серп) и молот, красная пятиконечная звезда.

Наиболее распространенным сюжетом плаката того времени был Георгий Победоносец со змием на фоне Кремля или красного флага, а позднее в роли Георгия Победоносца выступал красноармеец, а змия – Антанта и Врангель.

Центральную идею государственной власти – «власть рабочих и крестьян» – представляли фигуры рабочего и крестьянина с орудиями труда в руках (молот у рабочего, серп и коса у крестьянина) и с характерными жестами удара или размаха⁹.

В 1924 г. самой популярной символической фигурой октябрьской революции становится В.И. Ленин (портрет или мавзолей, книга с надписью «Заветы Ильича»). «Ленин на броневике» был самым распространенным образом, где броневик символизировал революционную мощь большевистской партии.

С изменением политической обстановки в конце 20-х годов в символическом ряду репрезентации появляется новая политическая традиция, которая предлагает массам иное восприятие революции. По замыслу идеологов советского государства революция предстает уже не стихийным процессом, а тщательно спланированным политическим событием партии большевиков во главе с вождями Сталиным, Марксом и Энгельсом, которые изображаются наравне с Лениным.

Одним из способов воздействия власти на общество стало психологическое и нравственное воспитание населения с использованием праздничной культуры. Советский массовый праздник должен был консолидировать граждан на основе официального канона символов и риторических фигур. В этой связи празднику была отведена чрезвычайно важная роль в строительстве нового общества.

Репрезентация духовных ценностей социализма началась уже в 1917 г. с отмены многих старых государственных и церковных праздников. В 1918 г. советская власть объявила общегосударственными праздниками не только 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, но и 22 января (в память о «кровавом воскресенье»), 12 марта (день падения самодержавия), 17 января (день памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург), 22 декабря (день памяти московского вооруженного восстания), 16 апреля (день приезда Ленина в Петроград в 1917 г.). Эти праздники отмечались главным образом в городской среде. Идеологической основой разработанных новой властью праздничных мероприятий (парады, праздничные концерты, салюты, театрализованные массовые действия с торжественным сожжением чучела «буржуя») стало марксистское учение. Изложение российской истории в массовых театрализованных инсценировках (таких, как «Взятие Зимнего дворца» или «К мировой коммуне», «Всемирный Октябрь») неизбежно и безальтернативно завершалось социалистической революцией и так запечатлевалось в памяти участников празднеств. Режиссура праздников представляла пришедший к власти режим большевистской партии как логическое завершение длительной революционной традиции и подчеркивала значение октябрьского переворота для всех трудящихся масс¹⁰.

Обрядность в структуре советского образа жизни являлась одним из специфических способов выражения, закрепления и вос-

производства соответствующих социальных и духовных ценностей. Праздники, юбилеи, обряды, ритуалы, церемониалы составляли неотъемлемую часть, характерную черту, социально-культурную форму общения членов общества. Для советского общества это почти всегда была торжественная, необыденная, праздничная сторона самой жизнедеятельности¹¹. Различные репрезентационные механизмы формировали новое отношение к празднику как к труду: в праздник можно и нужно было работать, трудовые свершения стали называться праздником. Так, например, субботники просуществовали весь советский период, а слова из песни «На работу как на праздник» в 1970–1980-е годы каждое утро раздавались из радиоприемников советских граждан.

Революционные праздники меняли свою форму и эволюционировали под пристальным вниманием идеологических структур власти. Партийные и государственные деятели разрабатывали теоретические основы пропаганды в искусстве, праздниках, ритуалах: П.М. Керженцев – «Революция и театр» и «Искусство на улице», А.В. Луначарский – «О народных празднествах», Л.Д. Троцкий – «Водка, церковь и кино», Н.И. Подвойский – «Массовое действо: руководство к организации празднования десятилетия Октября и других революционных праздников» и др. Издавалась специальная методическая литература, анализировался опыт проведения праздничных мероприятий. Так, созданная в 1927 г. специальная комиссия при Президиуме ЦИК СССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции издавала собственный бюллетень, в котором местным партийным и государственным организациям предлагались символические образы, которые в тот исторический момент соответствовали реальным задачам и способствовали конструированию социальной действительности.

Внушение советским людям состояния постоянного праздника и эмоционального подъема было необходимо для снятия ощущения неустроенности и неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому для поддержания вновь созданного образа жизни демонстрации и митинги стали обрядоподобной формой.

Для утверждения нового образа жизни и новой культуры требовалось разрушить традиционную культуру, что и делалось государством: сознательно и планомерно искоренялись «пережитки прошлого», уничтожались религиозные обряды и традиции. Социалистическая обрядность, основанная на искусственно создаваемых массовых агитационных действиях и зрелищах, насильственно внедрялась в жизнь общества¹².

Власть становится зрелищной. Торжественные инсценировки (не только праздники, но и собрания, «активы», съезды советских

времен) служили средством представления власти и включения в коммуникационный процесс¹³ и со временем стали обычным способом самовыражения властной элиты¹⁴.

Звуковой и зрительный ряд революционных праздников довольно скоро оказался перенесенным на киноэкраны. Образ революции и легитимной власти репрезентировался в знаменитых в советское время картинах «Октябрь» (1927 г.), «Юность Максима» (1934 г.), «Ленин в Октябре» (1937 г.) и др., которые можно считать «классикой» жанра конструирования событий. Не случайно В.И. Ленин так высоко отзывался об искусстве кино, а Л.Д. Троцкий называл кинематограф самым демократическим орудием театральности. «Кинематограф развлечет, просветит, поразит воображение образом и освободит от потребности переступать церковный порог»¹⁵, – писал он.

Еще одной стороной репрезентации властных позиций стало создание новых ритуалов похорон. С похоронной проблемой большевики столкнулись сразу после захвата власти. Только в Москве «бескровная» революция унесла жизни нескольких сотен человек. Для создания героического образа вождей революции в 1925 г. вводится новый обряд погребения – «замурование урны с прахом в кремлевской стене».

Сложившийся в первые годы советской власти ритуал похорон менялся только в деталях. В 1920-е годы нередко гроб устанавливали в Кремле, но затем, по мере усиления мер по защите жизни вождей, прощание и гражданская панихида происходили в Доме Союзов. После этого товарищи по партии на руках несли гроб с усопшим на Красную площадь, где проходил митинг, были выстроены войска. Фоторепортажи с этих траурных событий публиковались в центральной печати. Так, например, на страницах популярного журнала «Огонек» освещались последний путь М.В. Фрунзе, похоронное шествие на площади Революции за гробом Наримана Нариманова, прощание с Ф.Э. Дзержинским в Доме Союзов¹⁶.

Новые праздники и обряды создавались в целях репрезентации советского образа жизни, оформляли советские ценности как эталоны общественной жизнедеятельности человека, пропагандировали нормы социалистического общежития, образа жизни, духовных ценностей.

Властный пропагандистский проект включал в себя, кроме праздников, еще целый ряд мероприятий. Ленинский «план монументальной пропаганды» предусматривал открытие памятников, мемориальных досок, произнесение по этому поводу торжественных речей и должен был доводить до народных масс символику и ключевые понятия новой власти. Первым мероприятием ленинского

плана стало открытие мемориальной доски в честь павших участников революции и выступление на нем В.И. Ленина.

Архитектура играет важную роль в системе репрезентации власти: она демонстрирует, с одной стороны, заботу власти о благе общества, с другой – ее мощь и волю. При материально-технической и организационно-плановой поддержке властей деятели архитектуры работали на репрезентацию устремлений и социальной политики власти (и тоталитарной, и демократической). Строились новые города, радикально реконструировались старые жилые массивы, появлялись общественные здания и комплексы, высотные ансамбли и т. п.¹⁷

Общим направлением деятельности тоталитарных режимов в 1930-е годы была коренная реконструкция столиц (Рима, Берлина, Москвы) и их центров с прокладкой через районы исторической застройки широких парадных магистралей и строительством крупных общественных зданий и комплексов. Сверхмонументальность архитектурных замыслов была характерной для тоталитарных режимов.

Новые идеологемы власти конструировали социально-политическую среду, что нашло отражение во всех сферах советской повседневной жизни и проявилось в символических формах репрезентации власти. Символика властной репрезентации моделировала восприятие и оценку нового советского государства. Репрезентация власти посредством государственных символов служила средством развития гражданского сознания, легитимировала и делала узнаваемой новую власть. Изменение парадигмы репрезентации власти при смене режима (Французская революция, Октябрьская революция, приход фашизма в Италии и нацизма в Германии) свидетельствует и о типологической общности символической репрезентации, и об определенной закономерности ее эволюции.

Примечания

- 1 *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 249–292. См. об этом: *Бессонова Л.Е.* Концептуальная и семантическая природа лексемы «власть» в лексикографическом дискурсе // <http://workinggroup.org.ua/publbesson.shtml>.
- 2 *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2005. С. 160.
- 3 *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 23, 25.
- 4 *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

- 5 *Hall S.* The work of representation // Representation: Cultural representation and signifying practices / Ed. by Stuart Hall. L.: Sage publ. the Open univ., 1997. P. 15.
- 6 *Щепанская Т.Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 313–326.
- 7 См.: *O'Malley J.B.* Sociology of Meaning. L.: Human Context Books. (N.d.). P. 110–187; *Thompson E.P.* The making of the English working class. L., 1963.
- 8 См. об этом: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. С. 24.
- 9 См.: *Ельшина М.А.* Революционная и государственная символика в раннем советском плакате (1917–1926) // Геральдика: Материалы конф. «10 лет восстановления Геральдической службы России». СПб., 2002. С. 49–56.
- 10 См.: *Рольф М.* Указ. соч. М., 2009. С. 73, 75.
- 11 См.: *Закович Н.М., Зоц В.А.* Праздники и обряды как элемент советской культуры // Вопросы научного атеизма. 1980. Вып. 26. С. 165–177.
- 12 См.: *Алексеевский М.Д.* Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2. Материалы VI Международной школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2004 г.) Архангельск, 2004. С. 162–169.
- 13 См.: *Рольф М.* Указ. соч. С. 23.
- 14 См.: *Муратова А.С.* Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76.
- 15 *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // Правда. 1923. № 154. 12 июля.
- 16 См.: Огонек. 1925. № 15 (106). 5 апр.; № 47 (138). 15 нояб.; 1926. № 31 (175). 1 авг.
- 17 *Хайт В.Л.* Архитектура XX века и проблема власти // emsu.ru/um/view.asp.

С.П. Донцев, Е.С. Чимерис

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАН И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В статье показано, что религиозные организации в настоящее время имеют возможность участвовать в процессе политической социализации граждан РФ и, соответственно, могут рассматриваться в качестве агентов политической социализации. Наличие таких агентов приводит к формированию новой социальной реальности. Религиозные организации для трансляции ценностей активно задействуют ресурсы других агентов политической социализации, представленных государственными институтами. В статье рассмотрены каналы взаимодействия РПО с системой государственного образования и вооруженными силами, как с институционально оформленными акторами политической социализации.

Ключевые слова: политическая социализация, агенты политической социализации, государственно-конфессиональные отношения, религиозные организации, система государственного образования, вооруженные силы, социальная среда.

Конец XX в. ознаменовался разрушением советской модели государственно-конфессиональных взаимодействий, коренным пересмотром роли и места религиозных организаций в российском обществе¹. Перед религиозными организациями, государством и обществом встала проблема поиска новой модели отношений, отвечающей современной политической и социальной реальности. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о влиянии религиозных организаций на процесс политической социализации российских граждан и о том, как он может повлиять на процесс формирования новой российской социальной реальности.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-2205.2009.6

© Донцев С.П., 2011
© Чимерис Е.С., 2011

Уже сама постановка этого вопроса является в нашей стране предельно политизированной. Может ли религиозная организация участвовать в процессе не только неполитической, но и политической социализации, и если да, то в какой форме? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, что в данном случае понимается под политикой, политическим процессом и политической социализацией, какие смыслы и ограничения подразумеваются при оперировании этими политологическими категориями. А от ответа зависят и представления о сегодняшней социальной реальности. Простая констатация факта, что усложнение или упрощение социальных процессов, в которых участвуют религиозные организации, ведет к появлению новой социальной реальности, явно недостаточна. Необходимо понять, можем ли мы рассматривать религиозные организации в качестве нового актора политической социализации, или их участие в социализации ограничится исключительно неполитической плоскостью. И в том и в другом случае, если будут зафиксированы тенденции увеличения или уменьшения активности религиозных организаций в социальном пространстве, можно фиксировать и появление новой социальной реальности. Однако если мы фиксируем участие религиозной организации именно в политической социализации, то эта реальность становится не просто новой, а качественно новой, в которой религиозное входит не только в социальное, но и в политическое пространство. Настоящая статья и представляет собой попытку дать ответ на эти вопросы.

Политическая социализация обычно интерпретируется как формирование у граждан политических ценностей и как процесс передачи политической культуры от одного поколения к другому². Начиная с 90-х годов прошлого века процесс политической социализации в нашей стране претерпел кардинальные изменения. Он стал более вариативным, появилось множество новых игроков, в том числе и неполитических, которые могли как реализовывать собственные, альтернативные стратегии социализации, так и действовать совместно с государственными институтами³.

Принципиальное отрицание возможности участия религиозных организаций в политической социализации является следствием сужения политического пространства и редукции всего многообразия политических отношений к борьбе за политическую власть, преимущественно в рамках электорального процесса (предвыборная агитация и кампании в поддержку тех или иных политических партий). В этих процессах религиозные организации не участвуют. Более того, государство само ограничивает для них возможности участвовать в электоральном процессе и в деятельности политических партий и политических движений⁴. Однако иные

возможности косвенной инфильтрации религиозных организаций в политическое пространство остаются и законодательством не всегда регламентируются.

Религиозная организация как добровольное объединение граждан на основе общности интересов⁵ как классический неполитический институт (т. е. не участвующий в борьбе за политическую власть и распределение политических ресурсов) тем не менее может иметь определенные неполитические интересы (экономические, связанные с возвращением экспроприруемого имущества, направленные на расширение возможности ведения прозелетической деятельности и т. п.), реализация которых может требовать принятия политических решений. Соответственно, чтобы добиваться принятия таких политических решений, ей, как и любому другому социальному институту, необходимо взаимодействовать с политическими институтами. Как таковое участие в политике (как борьбе за политическую власть) в данном случае не происходит. Скорее, в терминах классической теории систем, происходит влияние с помощью «требований» и «поддержек» на политические институты, которые уже и принимают политическое решение. Другими словами, инфильтрация в политическое пространство происходит опосредованно. Упоминание о такой инфильтрации необходимо, так как эту же модель можно экстраполировать на процесс распространения ценностей, имеющих отношение к миру политического, а здесь мы уже вплотную приближаемся к политической социализации. Такими ценностями могут быть концепции об идеальном государстве и идеальном политическом режиме (они присутствуют в том или ином виде в большинстве религиозных традиций и даже находят отражение в официальных документах религиозных организаций, призванных показать их самоидентификацию в государстве и социальной системе⁶. Понятия власти, государства, патриотизма и т. п. также раскрываются в религиозных) учениях и при этом наделяются ценностной составляющей. Если религиозная организация ставит своей задачей максимально широко распространить свое вероучение (а таких организаций большинство) и вовлечь в свою религиозную традицию новых членов, то она, естественно, заинтересована в максимально широкой трансляции своих ценностей, среди которых, как мы видим, есть и те, которые относятся к миру политического. Таким образом, она вовлекается в процесс политической социализации. Степень же этой вовлеченности зависит от того, насколько сильно делается акцент на ценностях, связанных с миром политического. Государство, в свою очередь, может поддерживать это стремление религиозной организации транслировать не только сугубо религиозные

ценности, либо, наоборот, не поощрять, или даже препятствовать их трансляции. Очевидно, что первый вариант будет реализовываться, когда интерпретация политических ценностей у государства и религиозной организации будет сходная. В этом случае государство будет формировать взаимодействие всех агентов политической социализации (в том числе и религиозных организаций) в рамках генерализированного потока социализации, ориентированного на поддержание стабильности политической системы. Здесь религиозные организации не находятся в состоянии конкуренции с государственными институтами, которые ведут социализирующую деятельность. Скорее, наоборот, они формируют с государственными институтами не столько состязательные, сколько взаимодополняющие потоки политической социализации. Вторая стратегия, связанная с воспрепятствованием государства трансляции религиозными организациями политических ценностей, реализуется, когда эти ценности потенциально могут способствовать появлению нестабильности в политической системе. В России подобные политические ценности могут интерпретироваться как экстремистские, что влечет за собой ликвидацию организации, которая их транслирует, в судебном порядке⁷.

Если мы принимаем тезис о том, что религиозные институты теоретически могут участвовать в процессе политической социализации, то необходимо очертить их круг применительно к современной России. Очевидно, что для нашей страны из всех религиозных объединений особый интерес будут представлять те, которые обладают статусом централизованной религиозной организации⁸. Именно они могут транслировать ценности в масштабе всей политической системы и таким образом становиться значимым актором в процессе построения новой социальной реальности. По указанным выше причинам такие акторы вынуждены наиболее интенсивно взаимодействовать с государственными институтами. Для вычленения таких религиозных организаций можно воспользоваться составом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. Упомянутый Совет де-факто является своеобразным фильтром, выделяющим из почти 50 централизованных религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, те, которые имеют возможность более тесно сотрудничать с государством. С момента своего создания в 1995 г. и по настоящее время в состав Совета, помимо представителей наиболее крупных религиозных объединений, входили и представители различных институтов исполнительной власти⁹. Таким образом, Совет выполнял не только консультативные функции, но и служил площадкой межинституциональных коммуникаций.

Фактически другие государственные институты взаимодействуют преимущественно с теми организациями, которые представлены в Совете.

Среди наиболее активно участвующих в политической социализации религиозных организаций лидирующее положение, безусловно, занимает Русская православная церковь (РПЦ) Московского патриархата – основной актор государственно-конфессиональных взаимодействий в России. Именно она во многом формирует те стандарты, по которым другие религиозные организации взаимодействуют с государственными институтами¹⁰.

С исламом картина не столь однозначна. В России действует множество муфтиятов (духовных управлений мусульман), которые являются самостоятельными региональными религиозными организациями. При этом существуют три отчасти конкурирующие организации, объединяющие региональные муфтияты (Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман и не являющийся формально религиозной организацией Координационный центр мусульман Северного Кавказа)¹¹. Главы этих организаций входят в состав президентского Совета, однако анализ интенсивности институциональных взаимодействий с государственными институтами все же демонстрирует приоритет Совета муфтиев России. Именно эта организация в совместных государственно-конфессиональных инициативах в области политической социализации нередко пытается выступать от лица всего исламского сообщества России. В настоящее время начался, очевидно, длительный процесс объединения крупных исламских организаций в единую централизованную структуру, представляющую все исламское сообщество России¹². Безусловно, социализирующий потенциал нового объединения будет значительно более высоким по сравнению с тем, который сейчас имеется у отдельных организаций.

Специфика социализирующей деятельности иудейских религиозных организаций (ФЕОР и КЕРООР) заключается в том, что она направлена преимущественно на еврейское население России¹³. Исключением могут быть только программы, связанные с повышением уровня толерантности российского населения, борьбой с ксенофобией, шовинизмом и т. п.

Буддийская Традиционная сангха России взаимодействует с федеральными институтами государственной власти по вопросам политической социализации значительно в меньшей степени, чем вышеупомянутые религиозные организации. Высокая интенсивность таких взаимодействий отмечается только на региональном уровне – в республиках Бурятия, Тува и Калмыкия, т. е. регионах традиционного распространения буддизма.

Оставшиеся религиозные организации, члены которых присутствуют в президентском Совете, представлены различными христианскими конфессиями. Их взаимодействие с государством очень редко связано с проблемой политической социализации – основные коммуникации ведутся по вопросам расширения возможностей ведения прозелетической деятельности.

Указанные крупнейшие российские религиозные организации и государственные институты формируют сегодня не столько состязательные, сколько взаимодополняющие потоки политической социализации. При этом социализирующая деятельность религиозной организации может происходить в тесном взаимодействии с государственными институтами. Проведенный анализ институциональных взаимодействий между государством и крупнейшими религиозными организациями показал, что при трансляции политических ценностей наиболее активное сотрудничество наблюдается при взаимодействии религиозных институтов со структурами государственного образования и Вооруженными силами РФ.

Взаимодействие с системой государственного образования позволяет религиозным организациям получить дополнительный канал для трансляции и закрепления как исключительно гуманитарных ценностей¹⁴ с акцентом на положительной роли определенной конфессии в формировании российской культуры и государственности, так и общественно-политических, отражающих позицию религиозной организации по отношению к таким феноменам, как «государство», «права человека», «патриотизм» и т. п. Если на уровне отдельных религиозных групп расхождение с предпочтительными для государства интерпретациями указанных ценностей и происходит (как, например, в случае с «истинно православными» христианами, оценивающими любое сотрудничество с властями как «ересь сергианства», или воинствующими салафитами, признающими только шариатское исламское государство под управлением «праведного халифа», или крайними сионистами, отрицающими патриотизм евреев по отношению к любому государству, кроме еврейского), то подобные взгляды всегда осуждаются крупными религиозными организациями. Наличие подобных альтернативных интерпретаций несет угрозу стабильности политической системы. Нейтрализация таких интерпретаций от лица авторитетной религиозной организации соответствующей духовной традиции будет наиболее эффективной. Следовательно, такой организации можно предоставить возможность взаимодействовать с эффективными агентами политической социализации, контролируемые государством, и, в частности, с системой образования. Таким образом, предоставляя религиозной организации возмож-

ность транслировать с помощью системы государственного образования свои общественно-политические ценности, государство может решать и проблему укрепления стабильности политической системы. Сегодня такое взаимодействие идет по пути интеграции религиозного образования и культурологического блока дисциплин, акцентирующих внимание на определенном вероучении, в систему государственного образования¹⁵. При этом характерно, что Министерство образования и науки РФ видит значение подобных предметов для нравственного образования детей и молодежи, в воспитании у них качеств гражданственности, патриотизма, культуры межэтнического и межконфессионального общения¹⁶, т. е. фактически мыслит в терминах политической социализации. Привлеченные к разработке курса и учебных материалов крупнейшие религиозные организации православной, исламской, буддийской и иудейской конфессий таким образом напрямую включаются в процесс социализации, в том числе и политической, а взаимодействие с государственными институтами в лице Министерства образования и науки РФ создает предпосылки для формирования государственно-конфессионального социализирующего вектора.

Второе направление совместной социализирующей деятельности государства и религиозных организаций – армия. Государство в настоящее время допускает взаимодействие религиозных и армейских институтов в рамках деятельности, связанной с удовлетворением религиозных потребностей верующих военнослужащих¹⁷. При этом крупнейшие религиозные организации регулярно подчеркивают, что армейские коллективы не должны становиться полем для прозелитизма¹⁸. Однако возможен вариант взаимодействия религиозных и армейских институтов, связанный с трансляцией военнослужащим определенных ценностей и мировоззренческих установок. При таком варианте государство может решать задачи нравственного обоснования необходимости службы в Вооруженных силах, психологической адаптации призывника к новой для него реальности и т. п. Однако трансляция ценностей религиозными организациями одновременно служит формированию у призывников чувства гражданственности, патриотизма, преданности своей Родине, а это уже может рассматриваться в рамках процесса политической социализации¹⁹. Сегодня в этом варианте конфессионально-армейских взаимодействий лидирующие позиции принадлежат РПЦ. Именно она совместно с армейскими институтами во многом определяет стандарты взаимодействий, которые потом распространяются и на другие религиозные организации²⁰.

Взаимодействие крупнейших религиозных организаций с образовательными и армейскими институтами и наблюдаемая с 2000 г.

тенденция их интенсификации приводят к предпосылкам для формирования новой социальной реальности, в которой религиозные институты становятся все более значимыми акторами процесса политической социализации. Религиозные институты в этом процессе дополняют деятельность государственных агентов политической социализации и сами, в свою очередь, получают дополнительный канал для трансляции собственных ценностей. Подобный дуализм в настоящее время является неустойчивым, хрупкий баланс государственных и конфессиональных интересов может быть легко нарушен любой из сторон. Этому способствует слабая формализация государственно-конфессиональных отношений, допускающая различные трактовки степени возможного сотрудничества государственных и религиозных институтов. Соответственно, и те контуры новой социальной реальности, которая возникает в результате социализирующих усилий религиозных организаций, пока нельзя назвать стабильными. Это, скорее, проект, успешная реализация которого зависит как от политической воли руководителей страны, так и от желания религиозных организаций увеличивать свое присутствие в социуме.

Примечания

- 1 *Филатов Л., Лункин Р.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
- 2 *Almond G.A., Verba S.* The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. Ch. 12.
- 3 *Самсонова Т.* Проблемы политической социализации в современной России // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 3. М.: Янус-К, 1999. С. 23–31.
- 4 Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сент. 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
- 5 Там же.
- 6 Основы социальной концепции Русской православной церкви: Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, 13–16 авг. 2000 г. Н. Новгород: Братство во имя св. Кн. Александра Невского, 2000. С. 176–199.
- 7 Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 39. Ст. 3031.
- 8 Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сент. 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Там же. 1997. № 39. Ст. 4465.

С.П. Донцев, Е.С. Чимерис

- 9 Распоряжение Президента Российской Федерации № 47-рп от 7 февр. 2004 г. «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России» // Там же. 2004. № 7. Ст. 512.
- 10 Основы социальной концепции Русской православной церкви.
- 11 *Силантьев Р.* Новейшая история исламского сообщества России. М.: Ихтиос, 2006. С. 39–87.
- 12 *Малашенко А.* Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 96–103.
- 13 Наша организация // Официальный сайт Главного раввината России [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2010. Режим доступа: http://ravvinat.ru/ru/about_us/, свободный.
- 14 См. подробнее: *Козырев Ф.Н.* Религиозное образование в светской школе: Теория и международный опыт в отечественной перспективе. СПб.: Апостольский город, 2005.
- 15 Православная культура: Нормативно-правовые акты, документы, обоснование введения курса в учебную программу образовательных учреждений. М.: Покров, 2004. С. 128–131.
- 16 Примерное содержание образования по предмету «Православная культура»: Приложение к письму Министерства образования и науки РФ от 22 окт. 2002 г. № 14-52-876 ин/16 // Сайт «Образование и Православие» [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2002. 22 окт. Режим доступа: http://www.orthedu.ru/documents/letter_22_19_02.htm, свободный.
- 17 Федеральный закон № 76-ФЗ от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.
- 18 См., например: Заявление Священного синода Русской православной церкви о восстановлении института военного духовенства в российской армии // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5. С. 4.
- 19 *Самсонова Т.* Указ. соч. С. 23–31.
- 20 См., например: Отчетный доклад правления Федерации еврейских общин России IV съезду ФЕОР «О состоянии дел и перспективах развития ФЕОР на 2007–2016 гг.» // Официальный сайт Федерации еврейских общин России [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2007. Режим доступа: <http://feor.ru/about/reportnew.php>, свободный.

А.К. Межиева

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Объектом рассмотрения в данной статье является специфика деятельности государственных органов власти по связям с общественностью, а также процесс инициирования и трансляции осуществляемых коммуникативных стратегий в политической сфере в условиях современной России. Вопросы, затронутые в статье, являются актуальными для современной коммуникативной науки в плане выработки теоретических представлений о современных политических коммуникациях и практиках их функционирования в деятельности государственных органов управления. Каким образом политические технологии, в том числе технологии политического PR, основательно вошли в практику различных политических акторов в России? Почему они оказались востребованы политическими партиями и общественными движениями, а позднее необходимость использования PR-технологий была осознана государственно-политическими институтами?

Ключевые слова: деятельность PR-служб органов государственной власти, государственная информационная политика, взаимодействие органов власти с общественностью, система коммуникаций, гражданское общество, PR-технологии, общественно-государственное партнерство, Администрация Президента РФ.

На сегодняшний день многочисленные дискуссии о гражданском обществе в нашей стране демонстрируют высокий интерес к проблеме построения диалога между властью и обществом, а также его информационной составляющей. Государственная коммуникация является регулирующим и координирующим механизмом во взаимоотношениях государства и общества, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования общественного уклада в целом.

© Межиева А.К., 2011

Развитие политико-коммуникативной деятельности на государственном уровне напрямую зависит от формирования определенной государственной политики в области управления связями с общественностью, выработки приоритетных направлений в этой сфере¹.

Необходимо отметить, что государственная информационная политика должна определять цели, задачи, методы и способы реализации коммуникационных практик, проводимых PR-службами системы органов государственной власти как единые, быть основой для координации деятельности таких служб. Существенным является условие, что деятельность PR-служб должна способствовать развитию открытости деятельности власти и расширению информированности общества, а не быть на службе интересов отдельных чиновников и политических партий².

В основе прямого взаимодействия органов власти и общественности лежит предоставление должностными лицами этих органов определенной информации. Поэтому не только эффективность такого взаимодействия, но и принципиальная возможность его реализации целиком и полностью зависят от осознания государственной властью необходимости обеспечивать информационную прозрачность своей деятельности и активно вести открытый диалог с обществом и его структурами.

Опираясь на существующую в России трехуровневую организацию государственного управления, можно выделить три уровня политико-коммуникативной деятельности, каждый из которых обладает собственной спецификой, связанной с преобладанием тех или иных ресурсов, – это федеральный, региональный и местный уровни. Каждый из них имеет собственную законодательную базу, которая определяет способы взаимодействия государственных структур, находящихся на определенном уровне, и общественности³.

По мнению исследователя государственного PR Е. Тарашвили, в современной российской действительности формируются отношения государства и общества как управляющих и управляемых. Связи с общественностью приобретают в этих условиях иное качество, прежде всего под воздействием того, что государство выступает как структура, имеющая своей главной целью не власть, а управление – регулирование, упорядочение социальных, экономических и прочих взаимоотношений людей. Поэтому стратегия коммуникации общества и государства основывается на принципиально новом понятии – взаимодействии. И здесь одной из главных задач государственных связей с общественностью является участие в демократизации государственного управления и содей-

ствие становлению гражданского общества. Созданная в 2005 г. Общественная палата Российской Федерации является ярким примером такого рода деятельности, представляя собой связующее звено между властью и обществом.

М.А. Шишкина в своей работе указывает на системные недостатки российских государственных связей с общественностью: непрозрачность, закрытость государственной системы и, как следствие, отсутствие реальной управляемой связи между общественным мнением и приоритетами государственной политики в области PR; неэффективное управление ресурсами, выделяемыми на государственную PR-деятельность⁴.

Более того, по мнению М.А. Шишкиной, к недостаткам можно отнести сверхцентрализацию управления государственными связями с общественностью и достаточно слабую гибкость и мобильность системы, «нетехнологичность» PR-продукции (государственная система не обеспечивает массовую реализацию PR-программ), а также нерешенность проблем интеллектуальной собственности в сфере разработки программ управления общественным мнением.

Как считает исследователь Е.И. Корнеева, в государственной PR-деятельности существует подход, указывающий на необходимость усиления роли государства в управлении общественными коммуникациями⁵. При этом развитие отечественных связей с общественностью со стороны государства строится в основном на увеличении бюджетного финансирования, предоставлении различного рода налоговых льгот⁶.

Государственная политика в области управления связями с общественностью за последнее десятилетие, по мнению Е.И. Корнеевой, представляла собой компромисс патерналистского (больше законодательного регулирования сферы коммуникаций со стороны государства) и либерального (саморегулирование) подходов, реализуемых ее субъектами – администрациями главы государства, глав субъектов Федерации, министерствами, профессиональными ассоциациями и профильными PR-агентствами⁷.

Ближайшей целью государственной политики России в области связей с общественностью, как отмечает И. Богатырев, является преодоление социально-технологического кризиса⁸. Многие государственные программы выделяют государственную политику в области связей с общественностью как составную часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к социально-коммуникационной и PR-деятельности, определяет цели, задачи, направления и формы деятельности органов государственной власти в области управления массовыми

коммуникациями и реализации достижений современных PR-технологий⁹.

Для государственного управления характерен особый стиль отношений с общественностью и средствами массовой информации, определяемый обоснованным стремлением общественности знать через СМИ все, что происходит в государственных учреждениях.

Значимым средством государственной коммуникации с общественностью Д.М. Чегин считает коммуникации через организации¹⁰. Связующим звеном здесь служат политические партии, инициативные группы, некоммерческие организации, которые опосредуют взаимоотношения между политической системой и обществом.

Большое влияние на государственную деятельность оказывает взаимодействие государства и общественных организаций и осуществление лоббистской деятельности. Как отмечают в своей работе А. Зверев и А. Юдельсон, государству и общественным организациям необходимо поддерживать систему постоянных сложившихся коммуникаций, пространство диалога между своими представителями в социальных коммуникациях страны¹¹. Снижение значения такой переговорной площадки, которую на Западе принято обозначать аббревиатурой GR (Government Relations – взаимодействие с органами государственной власти), может привести к нарастанию проблем в социальной и политической сферах. Особенно опасна подмена такой коммуникативной площадки системой взяток и директив, ведущей к разрастанию коррумпированности политической власти и общества.

Современный GR оперирует значительным числом технологий и приемов – от лоббирования и организации GR-кампаний до индивидуальной поддержки чиновников и членов их семей – и регулирует весь комплекс жизненно важных для государства и общественности взаимоотношений. Научный подход к систематизации и описанию этих технологий уже имеет свою историю, однако в России, несмотря на высокую востребованность, он остается практически неизвестным. Поэтому GR-технологии только начинают набирать обороты, чтобы позднее выстроиться в четкую структуру нормальных цивилизованных отношений между властью и обществом¹².

Генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлов в докладе «Проблемы государственного PR в России» отмечает, что государственный PR качественно изменился в результате массового использования интернет-технологий¹³. Значительная часть крупных сетевых СМИ, появившихся на медиарынке в 1999–2000 гг. («vesti.ru», «lenta.ru», «smi.ru», «strana.ru», «grani.ru» и др.), создана либо модернизирована и под-

держивается близкими к Администрации президента организациями, в частности Фондом эффективной политики.

Цель создания «государственных» сетевых СМИ, по мнению Д. Орлова, очевидна: удешевить и сделать более эффективным процесс продвижения информации, в которой заинтересована власть. Для решения этой проблемы «посредством традиционных медийных и PR-технологий необходим либо мощный информационный повод, либо массированное информационное давление на аудиторию»¹⁴. Интернет в данном случае проще, эффективнее, дешевле. На финансирование долгосрочных «государственных» интернет-проектов, отмечает Д. Орлов, направляются средства федерального бюджета страны. Указанные сетевые СМИ служат инструментом влияния структур государственного PR на наиболее активную часть населения – пользователей Интернета.

Таким образом, универсальная схема влияния информации сетевых СМИ на общественное мнение выглядит так: интернет-проект (интернет-событие) как импульс – отклик в традиционной медийной сфере – привлечение внимания целевой аудитории к продвигаемой информации. Д. Орлов приходит к выводу, что создание властью собственного информационного потока и обеспечение контроля над остальными потоками информации рассматриваются как главные задачи государственного PR. При этом ради достижения поставленных технологических задач, если основываться на рекомендациях Фонда эффективной политики, допускается использование методов, граничащих с нарушением действующего законодательства, и технологий подавления не контролируемого властью информационного потока.

В таком случае можно сказать, что государственный PR из-за усилий указанных технологий давления оказался заложником «политики ходов»¹⁵. Политическая власть вынуждена постоянно выступать с более или менее краткосрочными инициативами, которые при соответствующем PR-сопровождении в целом благоприятно воспринимаются населением и поддерживают рейтинг доверия Президенту РФ. Решение реальных и долгосрочных проблем в других сферах, например в российской экономике, не будет при таком подходе к информационной политике актуальным, поскольку в таких сферах, как экономика, социальная политика, необходимо стратегическое развитие.

К сожалению, в органах государственной власти России PR-службы приживаются непросто, поскольку слишком велик соблазн опереться на чисто административные средства управления – распоряжения, приказы, указания¹⁶, хотя деятельность PR-служб государственной власти должна быть связана с представлением

интересов различных сторон. В органах власти и управления, как полагает заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ профессор В.С. Комаровский¹⁷, зачастую под связями с общественностью понимается пропаганда успехов администрации, где сама программа деятельности строится, исходя из личных пристрастий и предложений главы администрации. В таком случае фундаментальные принципы связей с общественностью – согласование интересов, паритетное управление, солидарное разрешение конфликтов – трансформируются в правила пропаганды, не позволяющие реализоваться целям «публик рилейшнз» в полном объеме.

По оценке исследователя государственного PR Е. Тарашвили, тенденция ближайшего будущего – повышение активности государства в области связей с общественностью, приобретение им статуса основного заказчика PR-услуг. Это ожидание он связывает с увеличением количества предложений по PR-поддержке экономической деятельности государства. Правительственным структурам будут нужны информационные кампании по пропаганде принимаемых решений, чтобы граждане страны понимали логику дальнейших мер, которые государственные чиновники планируют проводить в жизнь.

Д.М. Чегин заключает, что в нашей стране стратегическое и долгосрочное планирование связей с общественностью пока не получило широкого распространения в силу целого ряда причин¹⁸. Это и объективные по отношению к субъектам государственной коммуникации причины (нестабильность политической и экономической ситуации не способствует развитию таких форм коммуницирования), и субъективные, внутренние противоречия в развитии самой системы государственного управления, к которым можно отнести отсутствие опыта, знаний методик коммуницирования, а также нежелание чиновников строить общение с населением на новых, открытых, демократических основах.

К аналогичному выводу приходит исследователь Е.В. Галкина¹⁹. Она отмечает, что в целом в России еще предстоит сформировать и отладить механизм повседневной коммуникативной деятельности в органах государственной власти и в сфере гражданского общества, где работа специалистов станет эффективной лишь тогда, когда органы государственной службы или гражданские инициативные группы, получая полную информацию об общественном мнении, используют ее в качестве органически встроенной части как в процесс принятия государственного решения, так и в деятельность органов государственной власти.

Пессимистичным можно назвать вывод Д. Орлова, который считает, что неэффективность «госпиара» в России за последнее десятилетие была настолько очевидна, что поначалу даже для обеспечения крупных внутрироссийских PR-кампаний, в которых была заинтересована власть, пришлось привлекать западных консультантов²⁰. Поэтому России необходимо создать систему не только внутреннего, но и внешнего государственного PR. Речь идет о системе, способной последовательно и методично укреплять позитивный имидж России за рубежом, а также оперативно и комплексно реагировать на направленные против России информационные инициативы.

Е. Тарашвили один из способов решения проблемы государственного PR видит в создании крупных акционерных PR-агентств, где учредителями (50/50%) будут государство и частные лица, высокопрофессиональные специалисты по связям с общественностью (такая система организации и использования капиталов успешно была апробирована в случае с Первым каналом). Аккумулировав финансовые ресурсы частных лиц и информационные ресурсы государства, подобное агентство будет в состоянии реализовывать проекты и программы в масштабах страны.

Государственные и политические институты всегда функционируют посредством деятельности людей, поэтому от того, насколько ответственно к делу подходит каждый государственный чиновник или политик, занимающийся связями с общественностью, зависит уровень развития политико-коммуникативной деятельности в целом в современной России.

Примечания

- 1 См.: *Корнеева Е.И.* Формирование государственной политики в области управления связями с общественностью: ключевые подходы и приоритетные направления // Социология власти. 2007. № 5. С. 91.
- 2 См.: Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: РАГС, 2001. С. 106.
- 3 См.: *Тарашвили Е.* Связи с общественностью в государственных структурах // [Электронный ресурс]: Сайт Международного пресс-клуба. URL: http://pr-club.com/techn_15.htm (дата обращения: 30.03.2009).
- 4 См.: *Шишкина М.А.* Паблик рилейнз в системе социального управления. СПб., 2003.
- 5 См.: *Корнеева Е.И.* Указ. соч. С. 91.
- 6 См.: Связи с общественностью в России: Законодательное регулирование, нормативные документы, практика / Сост. и науч. ред. С.А. Большева. М., 1998.

А.К. Межиева

- 7 См.: *Корнеева Е.И.* Указ. соч. С. 91.
- 8 См.: *Богатырев И.* Рынок ждет эксклюзива // Советник. 2005. № 5. С. 10–12.
- 9 См.: Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг. от 24 июля 1998 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.extech.ru/s_e/innov/of_inf7kn90-00/ (дата обращения: 25.03.2009); Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. 1996. 9 апр.
- 10 См.: *Чегин Д.М.* Теоретические и прикладные аспекты государственной коммуникации // PR-технологии в информационном обществе: Материалы IV Всероссий. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 30–31 марта 2007 г. СПб.: СПбГУ, 2007.
- 11 См.: *Зверев А.Л., Юдельсон А.В.* Обеспечение связей с общественностью и органами государственной власти: Конспект лекций / Высшая школа управления. М., 2007. С. 107.
- 12 Там же. С. 108.
- 13 См.: *Орлов Д.* Проблемы государственного PR в России: Материалы конф. «Маркетинг, реклама и PR». 2002 [Электронный ресурс]: Сайт Энциклопедии маркетинга. URL: <http://www.marketing.spb.ru/conf/2002-02-lbs/tspt.htm> (дата обращения: 30.03.2009).
- 14 См.: Использование интернет-технологий в решении коммуникативных проблем в сфере политики и бизнеса: теория и практика. М.: ФЭП, 2001. С. 2.
- 15 См.: *Орлов Д.* Указ. соч.
- 16 См.: Связи с общественностью в политике и государственном управлении. С. 62.
- 17 См.: Управление общественными отношениями. М.: РАГС, 2003.
- 18 См.: *Чегин Д.М.* Указ. соч.
- 19 См.: *Галкина Е.В.* Public Relations в сфере гражданского общества: опыт взаимопроникновения // PR-технологии в информационном обществе: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 30–31 марта 2007 г. СПб.: СПбГУ, 2007.
- 20 См.: *Орлов Д.* Указ. соч.

И.М. Шатин

СОЦИАЛЬНЫЕ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: БЛОГОСФЕРА

Специфика современного информационного общества заключается в том, что подавляющее количество свободного и рабочего времени затрачивается на производство и потребление знаний и информации. Одним из важнейших источников информации сегодня является Интернет, а в рамках интернет-пространства – блогосфера. Выполняя функцию источника информации, блогосфера является определенной субкультурой и социальной сетью, представляя собой важную социальную среду. Взаимодействие персональных связей между субъектами, а также другими медиаканалами вкпе с возможностью быстрого размещения и распространения информации наделяют блогосферу инициативным преимуществом в социальном конструировании фреймов для анализа текущих событий. Специфика блогосферы как сетевого феномена и социальной среды, а также следствия этого факта важны не только с точки зрения ее значимости для политических акторов, но и с позиций ее научного изучения. Возникает целый ряд вопросов о том, какие правила действуют в этой среде, каким образом эта социальная среда вписывается в современное политическое пространство, какое влияние оказывает на него. Наше внимание сосредоточивается на вопросе о специфике блогосферы как социальной среды современной российской политики.

Ключевые понятия: блог, блогосфера, современная российская политика, Интернет, Всемирная глобальная сеть, социальная среда.

Наблюдаемый сегодня стремительный рост скорости и объемов коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в современном информационном обществе с помощью Интернета¹ и социальных медиа², ставит перед нами вопрос о комплексном изучении Интернета и его функциональных сегментов в области

социально-политического знания. В отечественной исследовательской литературе все чаще появляются работы, посвященные различным аспектам взаимосвязи блогосферы, Интернета и политики³, однако попытка их четкой систематизации затруднена из-за разнообразия теоретико-методологических подходов, используемых авторами, а также сложности применения таковых к исследуемой области. Это обстоятельство актуализирует проблемы системного, научного изучения коммуникативных феноменов Интернета и блогосферы как социальных явлений в контексте современной политики.

В данной статье предпринимается попытка осветить ряд насущных вопросов, связанных с исследованием социальных сред в современной политике и общественных процессах, в частности блогосферы, которую автор понимает как специфическую информационную, коммуникативную, социальную среду, обладающую сетевой структурой, интегрированную в сложную систему современного общества. Мы подойдем к проблеме научного анализа блогосферы в политике через понятия информации, социальной среды и структуры сетевых связей.

Интернет и блогосфера играют значимую роль в коммуникативных процессах современного общества, в котором информация давно выступает в качестве основного ресурса, выполняя вместе с тем социобразующую функцию. Сложность, разнородность и полиморфизм информации порождают насущную необходимость в активном расширении арсенала практик ее получения и освоения. Известный немецкий социолог Н. Луман предлагает понимать информацию как «различение между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит или сообщается». Он настаивает на том, что последняя обладает событийной сущностью, и, «хотя информацию [и] производит знание, ее необходимо отличать от (переносимого) знания». Н. Луман делает акцент на том, что информация по сути своей является парадоксальной коммуникацией, обладающей способностью порождать одновременно уверенность и неуверенность. «Во многом это объясняется двойственной природой информации и контингентностью ее предмета», – поясняет Н. Луман. Для иллюстрации подобных свойств информации немецкий ученый приводит в качестве примера сообщение о том, что поезд задерживается на 20 минут. Пассажир, получая такую информацию, может принять решение выпить чашку кофе, но всегда остается шанс, что поезд прибудет раньше. Иными словами, Н. Луман утверждает, что любое решение (в том числе *политическое*) окружает себя информацией. Тем не менее он не относит развитые информационные системы к прерогативе исключительно современного общества.

Специфику последнего Н. Луман видит в том, что сегодня все больше общественных структур создаются и изменяются благодаря принятию решений. Информация и современное общество связаны через процесс принятия решений, а именно посредством неожиданности последних. «Решения должны зависеть от неожиданности, потому что сами являются неожиданностью. <...> Сегодня это верно в отношении почти всех областей коммуникации: политических выборов, позитивного права, определения направления дальнейших исследований в науке, инвестиций капитала в стране или за рубежом, выбора профессионального образования – всего, что воспринимается как реальность, поскольку об этом сообщается в средствах массовой информации», – говорит Н. Луман.

Характеристика информации, выделяемая Н. Луманом, очень важна в свете научного изучения Интернета и блогосферы. Миллиарды гигабайт данных, составляющих знания в различных областях науки и человеческой деятельности, становятся актуальной информацией только при наличии их запроса. Интернет и блогосфера актуализируют знание, превращая его в информацию, а также дают возможность проследить этот процесс внешнему наблюдателю, помогая составить представление о том, что в данный момент интересует общество.

Признавая важную роль информации в процессе принятия общественных и политических решений, в рамках изучения блогосферы следует обратить внимание на важное для ее анализа понятие социальной среды. Вслед за соображениями Н. Лумана мы склонны считать, что, поскольку «информация всегда является неожиданностью, следовательно, она не может быть внесена в систему из окружающей среды. Она должна быть произведена в самой системе, так как неожиданность становится явной посредством внутренних ожиданий системы»⁴. Если коммуникация, возникающая в процессе информационного запроса, разворачивается в социальной среде, то последняя задает те рамки, в которых запрос может быть удовлетворен. Тем самым сама среда оказывает влияние на решения, принятые на основе полученной информации, и, как следствие, нуждается в отдельном уровне анализа. Интернет и блогосфера образуют специфическую социальную среду, окружающую человека как в общем информационном поле, так и при взаимодействиях внутри ее рамок.

Само же понятие социальной среды является довольно широким и включает в свою структуру значительное множество смыслов. Оно берет начало в социобиологии⁵ и социальной экологии и выделяется в качестве культурно-психологического компонента

среды человека, основывающегося в том числе и на средствах информационного воздействия⁶.

Распространено также понимание социальной среды как культуры, в которой воспитывался или существует тот или иной индивид, совокупности людей и социальных институтов, с которыми ему приходится взаимодействовать. Согласно этому подходу социальная среда может формировать чувство солидарности между ее членами. Представители одной социальной среды часто выражают свои мысли в сходной форме и стилистике, пользуясь сходными структурами, даже если их умозаключения различаются. Более подробно такое сходство членов одной социальной среды рассматривается в рамках изучения проблемы «знакомых незнакомцев». Н. Агаруол, сотрудник исследовательской лаборатории в Принстоне (штат Нью-Джерси, США), и его коллеги в своем исследовании описывают проблему, связанную с поиском «знакомых незнакомцев» в блогосфере, т. е. тех членов социальной сети, которые не связаны друг с другом непосредственно, но обнаруживают между собой некое сходство. Исследователи приходят к довольно интересным выводам относительно ключевых свойств социальных сетей. «Большинство участников социальных сетей связано лишь с небольшим числом таких же рядовых участников, – утверждают они. – Таким образом, индивиды, демонстрирующие общие черты, чаще всего не известны друг другу. Более того, большинство среднестатистических членов социальной сети имеют очень ограниченный взгляд на нее, что создает дополнительные сложности в объединении этих “знакомых незнакомцев”»⁷.

В свете этого нам представляется эффективным использовать в исследовании коммуникативного потенциала блогосферы в политике понятие социальной среды, принимая во внимание динамический характер и непрерывную трансформацию последней в социальном континууме при сохранении определенного набора специфических качеств.

Помимо особенностей, заключающихся в феноменах информации и социальной среды, значительный интерес для научного изучения блогосферы в политической коммуникации представляет ее сетевая структура. Американские исследователи Х. Фаррел и Д.В. Дрезнер в статье «Власть и политика блогов» анализируют влияние блогеров и блогосферы на политику в США. Обращая внимание на специфику блогосферы как сетевой структуры, они предлагают рассматривать последнюю, сосредоточиваясь на двух взаимосвязанных аспектах: неравномерном распределении читателей во всей совокупности блогов и все возрастающем взаимодействии между блогами и основными СМИ⁸.

Наиболее важное отличие между блогами и более традиционными СМИ состоит в том, что блоги представляют собой сетевое явление. Сетевые связи, в основе которых лежит система гиперссылок, являются специфической характеристикой блогосферы: блогеры постоянно взаимодействуют друг с другом, распространяя интересные истории, аргументы и точки зрения. Х. Фаррел и Д.В. Дрезнер утверждают, что, даже несмотря на то что десяток миллионов блогеров создают около сотни тысяч новых сообщений и тем ежедневно, среднестатистический блогер практически не имеет политического влияния, хотя в целом нельзя отрицать факт влияния блогосферы на политику. Исследователи поясняют, что распределение ссылок и трафика в блогосфере сильно смещается за счет небольшого числа блогеров, которые овладевают всеобщим вниманием. Благодаря этому горстка «избранных» блогов может выступать как в качестве собирателей информации, так и в роли «суммарной статистики» по блогосфере⁹.

Вместе с тем американские ученые приводят данные, подтверждающие тот факт, что за счет логарифмически нормального распределения связей в блогосфере популярные блоги склонны становиться со временем еще популярнее¹⁰. Новые блогеры могут включать себя в сеть, создавая ссылки на другие, уже существующие блоги, используя их как способ заявить о своем присутствии в блогосфере. Можно резонно предположить, что они будут склонны делать ссылки на тех хорошо известных блогеров, которые уже имеют множество входящих ссылок, нежели на других, неизвестных. Это утверждение справедливо с точки зрения специфики сетевой структуры блогосферы и подтверждается также исследованиями феномена «знакомых незнакомцев» в социальных сетях, о чем мы говорили выше. Итак, наряду с тем, что авторитетные и популярные блогеры склонны становиться еще авторитетнее и влиятельнее, привлекая новых читателей, малоизвестные блоги также сохраняют определенные шансы обрести популярность и влияние при удачных условиях.

Основную причину влияния блогосферы на политику Х. Фаррел и Д.В. Дрезнер видят в том, что журналисты и лидеры общественного мнения регулярно читают блоги. Это объясняется связью между СМИ и блогами, а также специфическими, «локальными» знаниями и политическим опытом, которыми располагают некоторые блогеры. Американские ученые отмечают, что блоги обладают преимуществом быстрой публикации, а следовательно, имеют инициативное преимущество в социальном конструировании фреймов для понимания текущих политических событий. В результате политические комментаторы будут полагаться на блоги как на источники, в частности тогда, когда «элитные» блоги сосредоточивают

свое внимание на определенных сюжетах и событиях. Распределение сетевых связей между отдельно взятыми блогами по степенному закону¹¹ будет соответствовать различным формам и уровням политического влияния и эффективности. Иными словами, известные и авторитетные блогеры будут оказывать большее влияние на формирование тем политической повестки дня, и их мнения будут иметь большие последствия во влиянии блогосферы на СМИ и в конечном счете на политику. Мы имеем возможность проиллюстрировать это обстоятельство на примере отечественной общественно-политической повестки дня.

В последнее время обсуждение многих резонансных тем, повлекших за собой реакцию общественности и решения со стороны власти, было инициировано блогерами. Широкую известность получила история о ДТП, произошедшем весной 2010 г. в Москве с участием машины вице-президента «Лукойла» А. Баркова, в котором погибли две женщины. Блогеры самостоятельно занялись поиском очевидцев и документальных свидетельств инцидента, а центральные каналы СМИ развернули в связи с происшествием широкую дискуссию¹². В результате было составлено обращение к Президенту РФ Д. Медведеву с просьбой посодействовать в раскрытии обстоятельств аварии и привлечь виновных к ответственности, подпись под которым поставили многие деятели культуры. Президент, ознакомившись с обращением, поручил главе МВД взять это дело под личный контроль и отчитаться перед ним¹³.

Не меньший резонанс получили события, связанные с организацией сотрудниками ДПС на МКАД в марте 2010 г. «живого щита» из автомобилей граждан, призванного заблокировать путь преступникам. Происшествие стало предметом общественной дискуссии после того, как один из участников событий разместил в Интернете видеобращение, воспроизведенное впоследствии многими известными блогерами. Инцидент вызвал бурную реакцию граждан и привлек к себе внимание Генпрокуратуры и Госдумы, по факту происшествия было возбуждено уголовное дело, последовали увольнения в рядах начальства московского ГИБДД, вышестоящие руководители ведомства получили выговор, в общественно-политической повестке дня вновь возникла дискуссия о реформе системы правоохранительных органов¹⁴.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что вслед за президентом Д. Медведевым блогеры в Интернете стали вести многие высокопоставленные чиновники, представители государственной власти разных уровней. Увеличилось число политических деятелей, обозначивших свое присутствие в блогосфере, что привело к появлению специальных сервисов в Интернете, призванных оценивать

активность и рейтинги популярности блогов чиновников, политиков и общественных деятелей. Можно отметить проект сайта «Полит.ру» «Гослюди»¹⁵, и проект «Госблоги»¹⁶. Этот факт свидетельствует о том, что влияние блогосферы на политику признается экспертами, а ее изучение становится одной из насущных задач при анализе современной российской политики.

Подводя итоги, еще раз остановимся на аналитических конструктах, посредством которых представляется эффективным исследовать блогосферу в комплексе явлений социально-политической коммуникации. Анализ с точки зрения феномена информации позволит исследователю рассматривать блогосферу как систему, переводящую знание в информацию, оказывающую влияние на характер политической коммуникации через процесс и результаты информационного запроса. Вместе с тем политическое изучение блогосферы должно строиться на ее понимании с позиций социальной среды как аналитической категории. Это позволит рассматривать блогосферу в качестве специфической, динамической, культурно-психологической, социальной общности, члены которой демонстрируют определенную иерархию. Их взаимодействия на информационном, материальном и психологическом уровнях будут влиять не только на внутреннее состояние этой среды, но и на среды, ее окружающие, в том числе политику, что вполне подтверждается практическим опытом. Специфика блогосферы как сетевого феномена важна и с точки зрения ее влияния на политическую коммуникацию, и с позиций научного изучения. Не вполне верно понимать блогосферу как пример эгалитарной социальной среды. Как следует из анализа, приведенного в статье, влияние отдельных участников блогосферы на политическую сферу зависит от их персонального авторитета.

Примечания

- ¹ В 2009 г. количество интернет-пользователей по всему миру превысило 1 млрд человек. Для России этот показатель составляет около 30 млн. По данным исследовательской компании «comScore», в Интернете больше миллиарда пользователей [Электронный ресурс] // NEWSru.com. URL: <http://hitech.newsru.com/article/26Jan2009/netststs> (дата обращения: 15.03.2010).
- ² Число активных пользователей блогов в российском сегменте Интернета составляет около полумиллиона человек. См.: *Бройнлайн А.* Феномен российской блогосферы [Электронный ресурс] // Berliner Zeitung, InoPressa. URL: <http://www.inopressa.ru/article/08Jan2010/berlinonline/blog.html> (дата обращения: 15.03.2010).

- 3 В числе авторов, обращающихся к данной тематике, можно назвать И.А. Быкова, Е. Горного, Д.В. Иванова, Д.Г. Иванова, К.А. Каложного, А. Лебедева, Д.Н. Пескова, Ю.Г. Чернышева, А.В. Чугунова и др.
- 4 *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» / Пер. с нем. А.М. Ложе-ницина; Под ред. Н.А. Головина [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии [СПб., 2006]. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_i.shtml (дата обращения: 25.03.2010).
- 5 См.: Социобиология // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т. 7: Народы и культуры. Оксфорд; М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2002. С. 274.
- 6 См.: *Реймерс Н.Ф.* Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 286.
- 7 *Agarwal N. et. al.* A Social Identity Approach to Identify Familiar Strangers in a Social Network // The International Conference on Weblogs and Social Media, May 17–20, 2009. San Jose, California, cop. 2009, Association for the Advancement of Artificial. Intelligence (www.aaai.org). P. 1.
- 8 *Farrell H., Drezner D.W.* The Power and Politics of Blogs // Public Choice. 2007. № 134. 12 Sept. P. 16.
- 9 Ibid. P. 17.
- 10 Ibid. P. 19.
- 11 Распределение согласно степенному закону противостоит распределению по экспоненте. В 1897 г. итальянский экономист В. Парето опубликовал количественные данные о распределении числа граждан и предприятий наиболее развитых государств Европы по величине их доходов. Оказалось, что это распределение имеет степенной вид. Бытует мнение, что элементы любых систем для любых ресурсов, порожденных человеком и человеческим обществом, распределены не по экспоненциальному, а по степенному закону.
- 12 *Донат К.-Х.* Блогеры встряхнули Россию [Электронный ресурс] // Neue Zürcher Zeitung, InoPressa. URL: <http://inopressa.ru/article/15Mar2010/nzz/bloggers.html> (дата обращения: 24.03.2010).
- 13 Глава МВД отчитается перед Медведевым об обстоятельствах ДТП на Ленинском проспекте [Электронный ресурс] // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/russia/10mar2010/dtp.html> (дата обращения 25.03.2010); По результатам расследования ДТП водитель машины А. Барков был признан невиновным. Глава столичного ГУВД В. Колокольцев отметил, что расследование данного дела происходило в условиях беспрецедентной открытости, под непосредственным контролем Президента РФ. По словам начальника ГУВД, все материалы дела (за исключением персональных данных свидетелей и участников ДТП) будут опубликованы в Интернете; Милиция оправдала водителя вице-президента «Лукойла», в столкновении с машиной которого погибли две женщины [Электронный ресурс] // NEWSru.com. URL: <http://newsru.com/russia/07sep2010/medcedes.html> (дата обращения: 07.09.2010).

Социальные среды современной политики: блогосфера

- 14 Против сотрудников ДПС, выставивших на пути преступников «живой щит» из автомобилистов, возбудили уголовное дело [Электронный ресурс] // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/russia/10mar2010/liveshield.html> (дата обращения: 26.03.2010).
- 15 Гослюди.ру [Электронный ресурс] // Гослюди.ру, проект Полит.ру. URL: <http://www.goslyudi.ru/> (дата обращения: 1.04.2010).
- 16 Госблоги.ру: Рейтинг записей из блогов чиновников за последние два дня [Электронный ресурс] // Госблоги.ру. URL: <http://gosblogi.ru/> (дата обращения: 01.04.2010).

Г.Б. Гавриш

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В 1985–1989 гг.

В статье рассматривается, как власть использует культурные институты для реализации своих политических задач, а также предпринимается попытка анализа сферы культуры в контексте политического процесса перестройки. Дается характеристика изменений, произошедших в период перестройки. Основной акцент сделан на советской публицистике как институте, являвшемся важным инструментом политической мобилизации советского общества. В качестве определяющего фактора указанного периода развития советских культурных институтов называется специфический характер взаимодействия представителей сферы культуры и советской номенклатуры.

Ключевые слова: перестройка, М.С. Горбачев, авторитарная либерализация, культура перестройки, интеллигенция, Союз писателей СССР, Союз кинематографистов СССР, «толстые» журналы.

Еще в начале 30-х годов XX в. Карл Манхейм выступил с утверждением о том, что институты власти обусловлены культурной традицией сообщества, и, например, демократию можно рассматривать как одно из проявлений «все пронизывающего принципа культуры»¹. В данной статье рассматривается, как власть использует культурные институты для реализации своих политических задач, а также предпринимается попытка анализа сферы культуры в контексте политического процесса перестройки. Вкратце будут охарактеризованы изменения, произошедшие в период перестройки в советском кинематографе и литературе, но основной акцент будет сделан на советской публицистике как институте, являвшемся важным инструментом политической мобилизации советского общества. Под политической мобилизацией будет пони-

маться процесс увеличения готовности к «коллективному поведению» посредством обеспечения лояльности той или иной группы к организации или группе лидеров, а также выдвигаемым ими идеям. Через мобилизацию размывается основной массив старых социальных и экономических обязательств, а индивиды начинают воспринимать новые образцы социализации и политического поведения. Термин «либерализация», использованный в названии статьи, подразумевает так называемую авторитарную либерализацию. По определению Григория Голосова, «логика авторитарной либерализации состоит в том, чтобы, сохраняя основные политические условия существования правящего класса, облегчить условия общественного контроля над ним»². Таким образом, несмотря на развитие политики гласности, ослабление цензурного контроля и отказ от политических репрессий, а также передачу части управленческих функций художественным организациям, партийный контроль в сфере культуры оставался определяющим фактором.

Говоря о сфере культуры, следует уточнить, что обобщение многообразия культурных явлений и процессов 1980-х годов под одним термином носит во многом условный характер. Эти годы были отмечены неоднородностью культурного процесса, переживавшего коренные структурные и функциональные изменения. Процессы демократизации культурной сферы и смягчения цензуры выражались в публикации ранее запрещенных произведений, постановке пьес и кинофильмов, либерализации в сфере художественного искусства и многом другом. Но более всего этот период характеризуется многообразием политико-идеологических позиций, конкурировавших за общественное внимание и одобрение. «В течение нескольких лет перестройки и распада СССР можно было наблюдать процессы массовой конфронтации определенных слоев интеллигенции с центральными властными структурами советского режима и мобилизации в поддержку различных идеологических и культурных позиций», – пишут Л. Гудков и Б. Дубин³. Часть творческой интеллигенции и культурной номенклатуры стояла на позиции, которую условно можно назвать либеральной. Она включала либералов западного толка, либералов-марксистов, видевших необходимость пересмотра социалистических идей с ориентацией на «правильный», «ленинский» социализм, не деформированный культом личности и застоём, и либералов-националистов, которые стремились к восстановлению дореволюционного культурного наследия, говорили о важности охраны окружающей среды и необходимости пересмотра социалистических ценностей. Точку зрения либералов-ленинцев ярко выражает высказывание Валентина

Катаева: «Размышляя об интеллигентности, я неизменно думаю о Ленине. Ленин – эталон интеллигента. Часть старой интеллигенции откололась от революции, сбежала из России. Не поняла ее, не увидела, что и сама революция подготовлена при активнейшем участии интеллигенции»⁴. Вторая многочисленная группа представляла собой крыло консерваторов, сторонников возврата к ортодоксальному социализму сталинского образца, также предлагавших переосмысление советского опыта, но с позиций апологетики сталинизма и практик этой эпохи. Характерно, что для либералов и для консерваторов в равной степени ценным представлялось прошлое страны и ассоциировавшийся с ним культурно-исторический опыт. «Самой актуальной темой ... охватившей всю сферу культурной жизни в Советском Союзе, стало прошлое. Не удивительно, что слово “память” – одно из наиболее употребительных слов, встречающихся на страницах газет и журналов в самых разных сочетаниях», – пишет К. Энтель⁵. Стоит также отметить, что оба крыла в целом оценивали брежневский период негативно, но отношение к периоду 1930-х годов и личности Сталина разнилось до принципиально противоположных позиций.

Многие исследователи отмечают, что в этот период окончательно оформилось параллельное существование двух модусов культуры – официальной и неофициальной. Официальная традиция опиралась на институт творческих союзов, интегрировавших представителей номенклатуры и творческих деятелей – кинематографистов, писателей, художников и т. д. К. Аймермахер пишет, что основной тенденция, выразившаяся в отборе центральной официальной тематики (при воздвижении памятников, в публикациях, при устройстве выставок по случаю юбилеев), оставалась неизменной и во многом следовала старым традициям⁶. Произведения ведущих функционеров, сосредоточивших в руках ключевые должности, закупались музеями, и советское искусство в течение десятилетий представлялось на зарубежных выставках исключительно их работами, а не работами независимых художников. «В выставочных залах, как и прежде, господствовало ... искусство, и по форме, и по содержанию повторявшее то, что начиная с тридцатых–сороковых годов стало официальной нормой»⁷. Это же касалось кинематографа, литературы, театра. Существовавшая в разных формах с 1950-х годов неофициальная традиция проявлялась до перестройки лишь частично, в виде дозированной и подвергнутой цензуре гласности или фрагментарных публикаций. Вплоть до 1985 г. художники-нонконформисты «прорабатывались» во вполне сталинском духе. «Еще осенью 1984 г. вроде бы всё обстоит по-прежнему, – пишет П. Рейфман. – 21 августа 1984 г. зав. отдела про-

паганды Б.И. Стукалин передает в ЦК (секретно) просьбу Главлита разрешить изъятие “из библиотек изданий лиц, ведущих за рубежом активную антисоветскую пропаганду”. Одновременно предлагается принять меры “по предотвращению публикации материалов о [таких писателях] в открытой печати”⁸. Ситуация начала принципиально меняться после прошедшего в 1986 г. XXVII съезда КПСС, за которым последовали съезды творческих союзов СССР.

Изменения в советской культурной жизни в значительной степени явились результатом действий двух лиц – генерального секретаря М.С. Горбачева и секретаря ЦК А.Н. Яковлева, с июня 1987 г. осуществлявшего надзор за культурой. Западные аналитики отводят Яковлеву ключевую роль как теоретику и режиссеру кампании перестройки, демократизации, гласности и нового мышления. В прошлом экономист, пропагандист, журналист и дипломат, Яковлев стал союзником Горбачева в Политбюро по вопросам культуры. В то время как Горбачев бросает все свои силы на обновление советской экономики, Яковлев осуществляет контроль за сферой культуры⁹.

Еще до XXVII съезда КПСС, на котором была официально провозглашена политика гласности, Горбачев подчеркивал необходимость новой культурной политики и своими публичными действиями давал понять, что видит в представителях культуры союзников в процессе реформирования советского общества. По словам И. Дедкова, «в Москве распространяются легенды, долженствующие показать явный и обнадеживающий интерес нового лидера к искусству (посетил без предупреждения “Дядю Ваню” во МХАТе, а потом позвонил Ефремову, поблагодарил) и литературе»¹⁰. Однако в партийном руководстве не было единого мнения о целях, задачах и мере гласности. Совместно с Яковлевым вопросы идеологии, информации и культуры курировал второй секретарь ЦК Е.К. Лигачев. Будучи председателем комиссии по подготовке проекта резолюции конференции «О гласности», Лигачев снял все оговорки о рамках и мерах гласности¹¹. Но по мере углубления преобразований Лигачев, являвшийся одним из наиболее консервативных членов ЦК КПСС и отвечавший за партийную кадровую политику, все более и более становился в оппозицию политике Горбачева. Его поддерживали представитель РСФСР в Советском фонде культуры П. Проскурин и директор Института мировой литературы им. Горького Ф. Кузнецов. Также против Горбачева и его политики в области культуры неоднократно высказывался председатель КГБ В. Чебриков¹². Лигачев выступал за поддержание коммунистической направленности перестройки, сохранение классовости и подчеркивание достижений советской власти.

В частности, в июле 1987 г. Е.К. Лигачев посетил редакцию газеты «Советская культура» и выступил на собрании коллектива, подчеркнув значение перестройки как социалистического обновления. «Нам нужна конструктивная гласность», – заявил Лигачев¹³.

Горбачеву требовались союзники среди культурной элиты. Предполагалось, что представители творческой интеллигенции, являвшиеся лидерами общественного мнения, будут способны донести идеи реформ до масс населения, легитимировать будущие изменения и способствовать политической мобилизации общества. Наиболее подходящими союзниками представлялись либералы-западники и либеральные марксисты. В целом это были те же люди, которые поддерживали культурную «оттепель» эпохи Хрущева в конце 1950 – начале 1960-х. Эта группа стала движущей силой культурной программы Горбачева. Ряд либеральных активистов, например поэты Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, драматург Виктор Розов и критик Владимир Лакшин, играли ведущие роли еще в хрущевский период¹⁴. Л. Гудков и Б. Дубин оценивают сложившуюся ситуацию следующим образом: «Ритм социальному времени ... задавали не новые идеи или культурные образцы, а быстрая смена политических или идеологических позиций в поле публичного внимания, интеллигентских претендентов на роль “советчиков царя”, заданная идеологией модернизации “сверху”»¹⁵. Таким образом, инициированное Горбачевым сотрудничество власти и представителей сферы культуры было призвано решить три типа задач: 1) способствовать Горбачеву в политическом противостоянии с противниками реформ; 2) обеспечивать легитимацию реформ благодаря высокому общественному статусу творческой интеллигенции; 3) улучшить социальное здоровье общества, «навести мосты» с отчужденными общественными группами.

Представители творческой интеллигенции, поддерживающие Горбачева, осознавали степень ответственности за популяризацию политической повестки дня. Их рефлексия была обусловлена пафосом противостояния между негативными социально-политическими практиками недавнего прошлого и позитивными практиками «нового мышления», обновления, которые несла политическая программа Горбачева. Рой Медведев писал в статье в американском издании Dissent: «Они [изменения в культурной жизни] отражают политические настроения и тенденции и, в свою очередь, оказывают влияние на развитие политических течений и даже движений»¹⁶. Известно высказывание поэта Андрея Вознесенского: «Мы находимся в процессе духовной революции, это борьба не на жизнь, а на смерть между “новым мышлением” и все еще очень

могущественной реакционной системой, которая определяет характер нашего общества ... Мы переживаем не культурную революцию, а революцию культурой»¹⁷.

В качестве примера последовавших вслед за оглашением курса на либерализацию попыток власти использовать творческие союзы в качестве политического инструмента будет рассмотрено противостояние консервативных (антигорбачевских) и реформаторских (прогорбачевских) политических сил в основных институтах советской культуры – Союзе писателей и Союзе кинематографистов. В обоих случаях использовались два основных метода влияния на происходящее в Союзах: прямые назначения сторонников реформ на руководящие посты с последующей массовой поддержкой и личные встречи генерального секретаря с членами Союзов. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на декларируемые принципы свободного выбора и «плюрализма мнений», характер взаимодействия номенклатуры и художественной интеллигенции оставался прежним. Личные встречи Горбачев практиковал на протяжении всех лет перестройки. 11 мая 1988 г. произошла встреча с руководителями крупнейших СМИ и творческих союзов. После дискуссии Горбачев выступил с речью, в которой заявил следующее: «[Современное советское общество] неизбежно будет более многослойным и многосложным, оставаясь при этом социалистическим, ни в чем не поступившимся принципами социальной справедливости, товарищества, интернационализма. Итак, “социализм с человеческим лицом”! Я – за, но возможно ли в России? В Чехословакии конца 60-х годов, быть может, было возможно (если бы наши танки не раздавили эту попытку). Но там – другая культура, традиции, отношение к труду. А мы эти семь десятилетий прожили в такой лжи, в таком духовном рабстве и разгильдяйстве, что как-то неясно, чем это мы должны “не поступиться”»¹⁸. На встречах генеральный секретарь дает понять представителям сферы культуры, что рассчитывает на их поддержку и воспринимает их как союзников в противостоянии консерватизму.

«Переворот» в Союзе кинематографистов, произошедший на V съезде Союза в мае 1986 г., до сих пор считается исследователями самой впечатляющей победой Горбачева и его сторонников в сфере культуры¹⁹. По их мнению, за эпоху Брежнева советская кинопромышленность оказалась невероятно забюрократизированной и «стреноженной» и к перестройке подошла готовой к кардинальным переменам. Основные решения в кинематографии принимала номенклатурная группа, состоявшая из «брежневского» председателя Государственного комитета СССР по кинематографии (Госкино) Филиппа Ермаша, первого секретаря Союза

кинематографистов Льва Кулиджанова, влиятельного режиссера Сергея Бондарчука и их сторонников.

На съезде произошли крупные кадровые перестановки, и на ключевые должности были назначены сторонники Горбачева, а более двух третей правления Союза было переизбрано – в том числе Л. Кулиджанов, С. Бондарчук и С. Ростоцкий. Следует сказать, что отношение к противникам Горбачева соответствовало скорее «застойным» номенклатурным практикам. Так, высказавшиеся с критикой перемен В. Наумов и Н. Михалков не только не были избраны в правление и секретариат Союза, но подверглись резкой критике со стороны других выступавших на съезде. А. Яковлев назначил первым секретарем Союза приверженного переменам режиссера Элема Климова, чьи фильмы в период застоя либо оставались на полках, либо шли «вторым экраном». Еще до назначения Климов увидел на экране свой фильм «Агония», десять лет пролежавший «на полке», и получил первую премию на Московском международном кинофестивале 1985 г. И. Рубанова вспоминает: «Придя в Союз, Климов надеялся ... что будет руководить Союзом, во-первых, строго коллегиально, а во-вторых – по модели работы в съемочной группе. Климов твердо проявил свою волю в уравнении роли Союза и Комитета в деле запуска и производства кино, так называемое “право двух подписей”. Теперь на равных правах выступали в спорных вопросах Союз кинематографистов СССР и Госкомитет. Это было сделано сразу. Был сформирован экспертный совет, члены которого рецензировали весь сценарный поток. Это стало открытым процессом, а кроме того, Союз настоял на создании новой коллегии, в которую вошли весьма уважаемые члены Союза кинематографистов. И главное, были сняты с полки, легализованы, выпущены на экран, показаны на фестивалях десятки фильмов»²⁰. После избрания Климова из режиссеров, сценаристов, критиков и представителей Госкино была образована конфликтная комиссия для решения судьбы фильмов, которые не разрешалось демонстрировать публике последние 20 лет. На экраны были выпущены такие фильмы, как «Долгие проводы» Киры Муратовой и «Мой друг Иван Лапшин» Алексея Германа, однако наибольший общественный резонанс вызвал фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, поднявший актуальные в общественном сознании вопросы отношения к прошлому, памяти и необходимости «истинных ценностей».

Решением съезда авторское право создателей фильмов было ограждено от вмешательства Госкино. Было признано необходимым реорганизовать деятельность комиссии по работе с творческой молодежью, принято постановление о создании республикан-

ских творческих мастерских молодых кинематографистов, что отражало задачу Горбачева по омоложению кадров в кинематографе. Было отмечено, что два главных печатных СМИ, посвященных кинематографу, – «Искусство кино» и «Советский экран» – должны быть «перестроены» на уровне редколлегий. Съезд счел «особо важным», чтобы были приняты меры к отбору на международные кинофестивали таких советских фильмов, «которые способствовали бы дальнейшему росту влияния и престижа советского кино на мировом экране»²¹. Было решено, что новое правление должно подготовить изменения в уставе СК СССР, предусматривающие регулярное обновление составов правления и секретариата.

Кроме того, в развернувшейся вслед за публикацией результатов съезда дискуссии сторонники Горбачева подвергли резкой критике Госкино. Е. Григорьев заявил, что Госкино намеренно консервировало хорошие фильмы, а В. Толстых сказал, что оно часто дублировало работу киностудий и что от подобных излишеств нужно отказаться. Критик А. Плахов говорил о снижении общей культуры советского кинематографа и в качестве примера привел националистический фильм «Лермонтов»²². В декабре того же года вместо Ф. Ермаша председателем Госкино был назначен более либеральный и преданный идеям Горбачева Александр Камшалов. В дальнейшем Климов последовательно проводил реформы кинопроизводства. В январе 1987 г. было объявлено, что кинопроизводство будет подкреплено двумя принципами – демократизацией и децентрализацией. Киностудии перейдут на самофинансирование, т. е. на отчисления от доходов за снятые ими картины. Климов сказал, что целью новой модели является установление зависимости киностудий от мнения зрителей. В интервью газете «Московские новости» он добавил, что «не оправдавшая себя студия будет распущена»²³.

Несмотря на очевидный успех сторонников Горбачева в кинематографии, прошедший в 1986 г. VIII съезд Союза писателей показал, что консервативное крыло обладает не меньшим политическим весом, чем реформаторы. Как пишут исследователи, «от VIII съезда Союза писателей СССР в 1986 г. многие ждали чего-то похожего на V съезд кинематографистов: перестройка только начиналась и борьба за власть в творческих союзах выглядела такой репетицией будущего противостояния либералов и консерваторов на всех уровнях советской вертикали»²⁴. Незадолго до съезда Горбачев провел совещание с советскими писателями. Он положительно оценил «революцию», которая только что свершилась в Союзе кинематографистов, дал понять, что рассчитывает на поддержку литераторов²⁵. Через месяц состоялся съезд,

и в новое Бюро секретариата вошли лишь три сторонника Горбачева: Владимир Карпов (первый секретарь Союза), Григорий Бакланов и Сергей Залыгин. Остальные пять членов оказались либо оппонентами линии Горбачева, либо явно не выразили свою позицию. Несмотря на то что в результате общая политика Союза писателей осталась консервативной, либералы и сторонники реформ из числа литераторов часто инициировали дискуссии с оппонентами на страницах прессы и собственных произведений. В качестве примеров можно привести опубликованный в «Современнике» роман В. Белова «Все впереди» и последовавшая за его публикацией критика в журнале «Коммунист», а также часто критиковавшийся либералами роман В. Астафьева «Печальный детектив». Основой критики служили не только художественные качества произведений, но в большей степени отказ демонстрировать поддержку горбачевских реформ и «нового мышления».

«Заблокированные в своей попытке укомплектовать руководство Союза своими людьми, прогорбачевские силы начали пробовать другую тактику», – пишет советолог Джон Данлоп²⁶. Летом 1986 г. два сторонника Горбачева были назначены главными редакторами «толстых» журналов: Григорий Бакланов стал новым редактором журнала «Знамя», Сергей Залыгин – «Нового мира». Наряду с журналами «Дружба народов» и в меньшей степени «Юность» и «Знамя» они стали инструментом легитимации реформ и политической мобилизации. Феномен советского «толстого» журнала на сегодняшний день не имеет адекватного западного эквивалента, писал в 1989 г. советолог Алек Ноув. В Советском Союзе существовали и иные типы периодических изданий – массовые, многотиражные издания, лишённые собственной политической программы, узконаправленные малотиражные издания, самиздат и пр. Но, как пишут Л. Гудков и Б. Дубин, именно «толстые» журналы «являлись мостиками или посредниками между различными элитами или группами образованных, публикой в собственном смысле, общественностью, интеллигенцией»²⁷. По концепции двухканальной коммуникации П. Лазарсфельда, СМИ формируют оценки текущих событий у небольшой части аудитории, состоящей из «лидеров мнений», которые рефлексивно осмысливают полученную информацию и передают свое понимание текущей ситуации остальным. Ноув отмечает, что, несмотря на то что региональные издания контролировались строже, чем московские, тиража «Нового мира» (более миллиона экземпляров в середине 1980-х годов) с лихвой хватало всем желающим²⁸. Можно заключить, что ориентация советских «толстых» журналов на интеллектуальную элиту перестройки в сочетании с большим

тиражом делала их крайне эффективным инструментом политического воздействия.

Следующим шагом в развитии идей перестройки может быть названа XIX партийная конференция (июнь 1988 г.), выдвинувшая программу реорганизации политической системы. Произошло разделение государственных и партийных функций, вся полнота власти перешла к Советам, выборы депутатов стали проводиться на альтернативной основе, было заложено основание многопартийной системы. Демократизация коснулась и средств массовой информации: фактически была отменена цензура, а затем принят закон о СМИ, закрепивший свободу печати. Таким образом, намерения и стратегические установки руководителей перестройки эволюционировали вместе с динамикой преобразований²⁹. После оглашения концепции гласности литературные ежемесячники начали своеобразное соревнование за возможность опубликовать произведения, ранее не разрешенные к печати. С 1985 г. в «Новом мире», сначала под руководством Карпова, а затем Залыгина публиковалось большинство прежде запрещенных повестей и романов. Впоследствии к нему присоединились издания, ранее сохранявшие более консервативную политику, – «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь» и др. Эти журналы печатали разоблачительные материалы о сталинском периоде. Так, в журнале «Дружба народов» появился роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», в журнале «Знамя» – повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и «Собачьё сердце» Михаила Булгакова. Планировались публикации «Доктора Живаго» Б. Пастернака и романа Е. Замятина «Мы»³⁰. Знаковым можно считать разрешение печатать «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, прозвучавшее на заседании Политбюро ЦК КПСС в 1989 г. На страницах ежедневных газет начали появляться критические, резкие материалы, посвященные вопросам политической повестки дня. Важно также заметить, что в редакциях многих массовых изданий (например, «Огонек», «Московские новости») преобладали сторонники Горбачева. По материалам исследователей, к 1990 г. тиражи либеральных журналов увеличили число своих подписчиков в 4–9 раз, причем рост подписчиков шел исключительно в одном социальном слое: это были жители крупных городов, люди с высшим образованием, демократически настроенные. Почвенные, националистические и консервативные журналы, оппозиционные Горбачеву, увеличили тиражи в 1,2–1,5 раза³¹.

Однако периодически звучали резкие высказывания против реформ. Так, в 1987 г. председатель правления СП РСФСР Сергей Михалков, открывая заседание секретариата правления, сослался

на выступление Лигачева на встрече с художественной интеллигенцией Саратовской области, состоявшейся в том же месяце, ни разу не упомянув генерального секретаря. «За лозунгами “Да здравствует гласность, да здравствует перестройка!” прячутся и уходят в другие сферы взаимоотношений человеческих приспособленцы, спекулянты, бездарности и просто очень темные люди»³², – заявил Михалков. Против преобразований также выступали Ю. Бондарев, П. Проскурин и М. Алексеев, редактор журнала «Москва», заявивший, что гласностью воспользовались те, «кто и до этого были демагогами»³³. На фоне имевшегося на повестке дня перестройки спора о сущности сталинского наследия, сильный общественный резонанс получила статья Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованная в газете «Советская Россия». Статья, поднимавшая вопросы оценки истории и пронизанная пафосом защиты идеалов социализма, была названа «манифестом антиперестроечных сил»³⁴.

Резюмируя, можно утверждать, что тактика, избранная М.С. Горбачевым для достижения указанных выше целей, вполне оправдалась в первый период перестройки (1985–1991 гг.). Последовавший за этим резкий спад доверия к либерально ориентированным СМИ и провалившиеся попытки реанимировать советскую экономику нарушили статус-кво и в сфере культуры. В 1992 г. практически все «толстые» журналы вернулись к доперестроечным объемам, от их редакций отвернулась большая часть интеллигенции. Существенный спад зафиксирован и в кинопроизводстве, и в театре. Авторитарный характер либерализации Горбачева во многом обусловил неэффективность реформ в сфере культуры и всего общественно-политического проекта гласности. Во многом это связано и с дискредитацией идеологии «реформенной» политической мобилизации как таковой, а также потерей доверия творческой интеллигенции к государству как управляющему обществом институту.

Примечания

- 1 *Манхейм К.* Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. С. 170.
- 2 *Голосов Г.* Авторитарная глобализация – тупиковый путь // Slon.ru. Эл. ресурс: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/460957/>
- 3 *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 210.
- 4 Цит. по: *Алексеева Н.* «Ностальгическое» // Журнальный зал. Эл. ресурс <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano015.html>

- 5 *Энтель К.* Советская культура эпохи перестройки // Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати / Под. ред. Л.Н. Шупейко, Ю.В. Павловцева. М.: Прогресс, 1988. С. 146.
- 6 *Аймермахер К.* От единства к многообразию: Разыскания в области «другого» искусства 1950–1980-х годов. М.: РГГУ, 2004. С. 76.
- 7 Там же. С. 102.
- 8 *Рейфман П.С.* Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Эл. документ: <http://reifman.ru/soviet-postsoviet-tsenzura/glava-10/>
- 9 См.: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 31.
- 10 *Дедков И.* Новый цикл российских иллюзий: Из дневниковых записей 1985–1986 годов: Окончание // Новый мир. 2001. № 11. Цит. по: *Соколов К.Б.* Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1985 гг.). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 453.
- 11 *Геллер М.Я.* Горбачев: победа гласности, поражение перестройки. М., 1997. С. 29.
- 12 Правда. 1987, 11 сент.
- 13 Советская культура. 1987. 7 июля.
- 14 См.: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 32.
- 15 См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. С. 212.
- 16 *Medvedev R.* Bits of light in a Gray World // Dissent. NY. 1987, Winter. P. 46.
- 17 *Voznesensky A.* A Poet's View of Glasnost. The Nation. NY. 1987. P. 811.
- 18 Цит. по: *Остерман Л.* Интеллигенция и власть в России. Эл. ресурс: <http://lib.ru/POLITOLOG/OSTERMAN/intelligencia.txt>
- 19 См.: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 41.
- 20 «Сегодня я попал под поезд». Кино-театр.ru. Эл. ресурс: <http://www.kino-teatr.ru/kino/history/5-16/>
- 21 Решения V съезда Союза кинематографистов СССР // Искусство кино. 1986. № 10. С. 121–125.
- 22 См.: Искусство кино. С. 160.
- 23 Советский экран. 1987. № 4. С. 2–3.
- 24 *Кашин О.* Нетипичный представитель // Коммерсантъ. 2010. 20 янв. № 8 (4308). Эл. ресурс: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1306771>
- 25 См.: Беседа членов Союза писателей СССР с М.С. Горбачевым // Правда. 1986. 21 июня.
- 26 См.: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 38.
- 27 *Гудков Л., Дубин Б.* Указ. соч. С. 215.
- 28 *Nove A.* Glasnost' in Action: cultural renaissance in Russia. Boston. Unwin Hyman, 1989. P. X.

Г.Б. Гавриш

- 29 См.: *Красин Ю.А.* Перестройка в контексте российской реформации // Вестник Московского университета. М.: МГУ, 2005. № 5. С. 33.
- 30 См.: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 49.
- 31 См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Указ. соч. С. 216.
- 32 Цит. по: Советская культура в эпоху перестройки: Сб. материалов буржуазной печати. С. 52.
- 33 Там же.
- 34 *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 181.

Ю.А. Евстратова

СОВЕТСКО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Для рассмотрения этапов формирования советско-сирийских отношений необходимо обратиться к середине 1940-х годов, так как после получения Сирией независимости в 1946 г., поддержанного именно советской стороной, СССР и Сирия начали активно взаимодействовать. В этот период происходит формирование ближневосточной региональной среды, оказавшей воздействие на развитие советско-сирийских отношений. Данный период недостаточно изучен в отечественной литературе ввиду того, что до начала 1960-х годов внутривосточная ситуация в Сирии оставалась крайне нестабильной. Но для понимания процессов, происходивших и происходящих в регионе Ближнего Востока в целом и развития советско-сирийских отношений в частности необходим анализ периода, наступившего непосредственно после получения независимости арабскими странами.

Ключевые слова: советско-сирийские отношения, Ближний Восток, ближневосточный конфликт, экология политики, политическая независимость, идеологический союзник, мировая держава.

Советско-сирийские отношения достигли высокого уровня развития. Страны начали сотрудничать на официальном уровне в середине 1950-х годов и продолжали развивать отношения в различных областях вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. Региональная среда – устойчивое взаимодействие между региональными субъектами – оказывала непосредственное воздействие на их эволюцию. Пока ближневосточная региональная среда была не сформирована, уровень контактов между СССР и Сирией оставался ограниченным. После обретения независимости рядом ближневосточных государств и создания государства Израиль региональная среда изменилась, и СССР активизировал свою политику

на Ближнем Востоке. Начиная с арабо-израильской войны 1967 г., в ходе которой были оккупированы территории Египта, Палестины, Иордании и Сирии, кардинально меняется расстановка сил в регионе. С 1960-х по 1980-е годы произошло обострение региональной ситуации, связанное с эскалацией ближневосточного конфликта. Сирия стала одним из основных союзников СССР. Советско-сирийские отношения этого периода подробно проанализированы, однако ранний этап взаимодействия двух стран не получил достаточного освещения в научной литературе. Поэтому целью данной статьи является анализ того, как произошло сближение между Сирией и Советским Союзом еще до официального установления между ними дипломатических отношений, какие интересы преследовали обе стороны в начальный период их взаимодействия и какое влияние оказывала на них региональная среда.

Становление Сирии в качестве независимого государства относится к 40-м годам XX в. До этого времени она по решению Парижской мирной конференции 1918–1919 гг., а затем и конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. была передана под управление Франции на основе мандата Лиги Наций. В мае 1930 г. Франция ввела в Сирии конституцию, согласно которой она объявлялась республикой, подчиненной французским мандатным властям.

После капитуляции в 1940 г. стало очевидно, что Франция не способна более оставаться на сирийских территориях, в результате французские военные власти 27 сентября 1941 г. официально провозгласили Сирию независимой республикой с оговоркой на «военное время», что означало лишь частичную независимость страны.

В 1943 г. по инициативе Великобритании появились проекты создания «Великой Сирии», предусматривавшие объединение Сирии, Ливана, Трансиордании и Палестины. Франция была против таких проектов, поэтому предприняла активные действия: в марте 1943 г. была восстановлена сирийская конституция и Сирия была фактически признана независимой страной.

В большинстве исследований отправной точкой в развитии советско-сирийских отношений считается 1946 год, когда СССР на совещании Совета Безопасности ООН признал право Сирии и Ливана на независимость. Однако контакты между странами были установлены раньше. Об этом упоминается в мемуарах Н.В. Новикова (Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Египте, Греции и Югославии), охватывающие период с 1938 по 1947 г. и включающие главу о Сирии. В этой главе автор характеризует положение на сирийских территориях в 1940–1941 гг., а именно то, что после поражения в 1940 г. Франции в Сирии и Ливане фактически правила германо-итальянская контрольная комиссия. Захват Гер-

манией Греции, в том числе Крита и островов Эгейского моря в непосредственном соседстве с Сирией и Ливаном, побудил Лондон к решительным действиям. В июне 1941 г. английские войска при содействии частей «Свободной Франции» разгромили вишистские вооруженные силы и оккупировали Сирию и Ливан¹. Возникло своеобразное «междоцарствие», когда французский мандат практически потерял силу и у Сирии и Ливана появилась перспектива достижения независимости. Но тем не менее на территории Сирии фактическое правление все еще принадлежало командующему британскими оккупационными войсками, власть которого пыталась оспаривать французская сторона. В этой сложной и неясной региональной обстановке Сирия решила попросить помощи у Советского Союза, причем в секретной форме, опасаясь, что об этом станет известно представителям Англии или Франции, находившимся на сирийских территориях. Н.В. Новиков упоминает, что сирийский представитель в 1941 г. посетил в Каире Д.С. Солода (советника посольства СССР в Египте, позднее назначенного Чрезвычайным и Полномочным посланником в Сирии и Ливане) и передал советскому правительству предложение об установлении советско-сирийских отношений, которое было положительно воспринято В.М. Молотовым (в то время министром иностранных дел)². Но до официального признания независимости Сирии это решение не могло быть выполнено.

Советская внешняя политика была направлена на завоевание авторитета у новых государств, а также на содействие в обретении ими независимости. На Потсдамской конференции, которая состоялась в июле 1945 г., главами СССР, США и Великобритании обсуждались вопросы, связанные с послевоенной ситуацией в мире. Советский Союз по просьбе сирийского правительства потребовал включить в повестку дня сирийский вопрос. В своей монографии, посвященной советской политике на Ближнем Востоке, израильский исследователь Яков Рои цитирует И.В. Сталина, который заявлял о том, что «Советский Союз не выдвигал предложений о выводе войск из какой-либо страны»³. По этому поводу премьер-министр Великобритании У. Черчилль отметил, что когда британские войска «вступили в Сирию и Ливан, чтобы выкинуть оттуда немцев и войска Виши, то они пришли с Францией к соглашению, по которому Великобритания должна была признать самостоятельность Сирии и Ливана»⁴. Однако ввиду длительных исторических связей между Францией и этими странами британская сторона заявила, что «не стала бы возражать, если бы Франция имела там преимущественное положение, при условии достижения соглашения с новыми самостоятельными правительствами этих

стран»⁵. Таким образом, Великобритания поддерживала присутствие Франции на территории Сирии и Ливана. В тот период СССР не мог выступать против своих союзников по антигитлеровской коалиции, поэтому вопрос о предоставлении независимости Сирии в ходе конференции остался нерешенным. Как отмечает Я. Рои, «на тот момент⁶ правительства Сирии и Ливана были вынуждены смириться с привилегированным статусом Франции»⁷.

Дальнейшая деятельность советского правительства была направлена на сближение с Сирией, которая могла стать его союзником в регионе, где позиции были слабыми. 1 февраля 1946 г. было подписано секретное соглашение между СССР и Сирией. Учитывая, что в этот период страны еще не установили дипломатические отношения, данное соглашение может рассматриваться как подтверждение намерения Сирии развивать в будущем отношения с Советским Союзом, а не официальным межправительственным документом. Д.С. Солод как Чрезвычайный и Полномочный посланник СССР в Сирии и Ливане подписал соглашение, состоящее, в частности, из следующих пунктов⁸:

- Советский Союз соглашается поддерживать сирийское правительство во всех его шагах в направлении укрепления независимости и суверенитета. СССР поддержит все требования Сирии о немедленном выводе английских и французских войск с сирийских территорий;
- Советский Союз согласен содействовать культурному развитию страны. СССР отправит значительное число учителей для поддержки национального образования, чуждого западному влиянию;
- СССР одобряет необходимость подписания договора с Сирией, включающего экономическую, торговую и транспортную сферы деятельности. С советской стороны будут отправлены лучшие военные инструкторы для построения и обеспечения национальной сирийской армии;
- со своей стороны, сирийское правительство обязуется ориентироваться на Советский Союз в своей национальной политике.

Анализируя данное соглашение, можно прийти к выводу, что его целью было заинтересовать Сирию в возможности получить помощь для развития национальной сирийской экономики и армейских структур в обмен на то, что после становления Сирийской республики ее правительство будет региональным союзником СССР.

15 февраля 1946 г. на заседании Совета Безопасности ООН СССР поддержал требования Сирии и Ливана о скорейшем и полном выводе войск Франции и Великобритании с территорий обеих стран. В этой связи заслуживает внимания речь Андрея Вышин-

ского, представителя СССР в ООН, который заявил, что «Сирия и Ливан, будучи суверенными государствами, должны сами нести ответственность за поддержание мира и безопасности на своих территориях, и никто не может им в этом помешать. Единственное, что должна сделать наша организация (ООН. – Ю. А.), – удовлетворить требования сирийского и ливанского правительств, полностью поддерживаемых Советским Союзом»⁹. Из цитаты становится очевидным, что СССР, следуя избранному курсу в отношении Сирии, не только поддерживает ее право на независимость, но и использует создавшуюся ситуацию для сближения с сирийским руководством. О позиции Советского Союза на заседании Совета Безопасности ООН писал и Акрам Хаурани, арабский социалист, один из создателей партии ПАСВ¹⁰, упоминая тот известный факт, что Советский Союз использовал право «вето» для отклонения резолюции США о фактическом замораживании вывода иностранных войск из Сирии и Ливана на неопределенное время. В частности, в своих мемуарах А. Хаурани отмечал и то, что Советский Союз был готов на все, чтобы США ни в какой степени не влияли на ситуацию в регионе¹¹, что явилось началом глобального противостояния между СССР и США, хотя в тот период оно еще не было масштабным.

СССР стремился к тому, чтобы Сирия в своей внешнеполитической деятельности избрала просоветский курс. Одним из показателей этого можно считать доклад Отдела международной информации ЦК КПСС, в котором упоминалась ситуация в Сирии, Ливане, Палестине и Египте после окончания Второй мировой войны. В докладе говорилось, что «на внутривосточной арене¹² правительства Сирии и Ливана считаются наиболее прогрессивными»¹³. Такое заявление означало только одно: в вышеупомянутых странах открыто выражались просоветские настроения, что было, несомненно, в интересах Советского Союза.

Во второй половине 1940-х годов отношения между СССР и Сирией не получили должного развития. В начале 1947 г. в Советский Союз прибыла сирийская делегация. Целью визита было посещение ряда советских индустриальных и культурных центров. В завершение поездки доктор Камиль Ийяд, член сирийского Совета по образованию, заявил, что сирийской делегации выпала «огромная честь побывать в СССР, стране, которая считается одной из ведущих в мире, несмотря на все препятствия на ее пути. Стране, которая смогла далеко шагнуть в развитии своей культуры ... свободной от национальной и расовой дискриминации и отвергающей империалистическую идеологию»¹⁴. Несмотря на то что целью визита сирийской делегации было налаживание

культурных контактов с СССР, из данной цитаты становится ясно, что этот визит носил и скрытый политический характер, указывая на то, что сирийская сторона поддерживает советскую политику и отвергает «империалистическую идеологию» Запада.

Тем не менее в период с середины 1940-х до середины 1950-х годов контакты между Советским Союзом и Сирией на межправительственном уровне не были интенсивными. Причиной того была внутренняя нестабильность в Сирии. Образование государства Израиль и дальнейшее поражение арабских стран в арабо-израильской войне 1948 г. привели большинство политических сил Сирии к пониманию полной несостоятельности традиционного руководства, оказавшегося неспособным защитить интересы своего государства, что вызвало внутривнутриполитический кризис в стране. Помимо этого напряженность политического положения усугублялась открытым недовольством военных. Армейские офицеры, как отмечает российский специалист А.М. Родригес, объявили гражданское руководство виновным в поражении в войне, в результате после нескольких лет относительной политической стабильности в Сирии с конца 1940-х годов наступил период следовавших один за другим военных переворотов¹⁵. Ситуация в стране продолжала оставаться нестабильной до начала 1960-х годов, когда к власти пришла ПАСВ, правящая страной вплоть до настоящего времени. С конца 1940 до начала 1960-х годов отношения между Сирией и СССР находились в состоянии стагнации.

Непосредственно после получения независимости в 1946 г. национальные правительства пытались найти баланс между необходимостью провести политические и социально-экономические реформы и установить контакты с различными слоями населения, т. е. сконцентрировались на решении внутривнутриполитических проблем, а не на установлении внешних контактов. В дальнейшем вплоть до первого военного переворота в 1949 г. новые сирийские правительства характеризовались как «неспособные к проведению необходимых социально-экономических преобразований и коррумпированные»¹⁶.

Одной из причин развития связей Сирии с СССР именно с середины 1950-х годов было изменение ситуации на Ближнем Востоке. Советскому Союзу не удалось превратить Израиль, который избрал прозападную внешнюю политику, в своего союзника. Советские внешнеполитические ведомства в условиях усилившегося противостояния между Израилем и арабскими странами попытались сблизиться с арабскими странами, в том числе и с Сирией. Со стороны Сирии было проявлено понимание того, что роль Советского Союза в регионе Ближнего Востока возрастает,

и сирийское правительство также выразило желание расширять контакты. Этому способствовало и усиление влияния Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), которая поддерживала ориентацию на советский блок, исходя из своей социалистической идеологии. В этот период некоторые члены партии стали депутатами парламента и выступали за укрепление отношений с социалистическим лагерем.

В СССР соотношение политических сил в Сирии не было известно. В материалах ЦК КПСС, относящихся к 1947 г., ПАСВ характеризовалась следующим образом: «Партия арабского социалистического возрождения организована в 1945 г., является реакционной, профашистской молодежной организацией. К СССР настроена враждебно, находится в контакте с англичанами и связана с Народной партией Сирии. Насчитывает 500 человек. Руководители партии – Мишель Афляк и Нуреддин Аль-Атаси»¹⁷. Эта характеристика была далека от реальности. Недостаточная осведомленность советских руководящих органов о действующих в Сирии партиях подтверждается также тем, что в документе ЦК КПСС в качестве одного из руководителей указывался Нуреддин Аль-Атаси (который в 1966 г. станет представителем левого крыла ПАСВ), а не Салах Ад-Дин Битар – один из создателей этой партии и ее руководитель в тот период.

Другой причиной становления межправительственных отношений между СССР и Сирией именно в 1950-х годах была и региональная среда. С начала 1950-х годов США и страны Запада пытались создавать в регионе Ближнего и Среднего Востока военные блоки и союзы с участием арабских стран. В 1955 г. был создан Багдадский пакт, куда вошли Пакистан, Турция и Ирак. С первых же дней его существования западные державы направили свои усилия на втягивание в него Сирии, политика которой отказа от военных блоков была одним из главных препятствий в их планах по расширению своего влияния в регионе¹⁸. В условиях «холодной войны» между СССР и США обе державы стремились найти себе союзников на Ближнем Востоке, поэтому ввиду активизации действий США Советскому Союзу необходимо было наладить контакты с Сирией на официальном правительственном уровне. В итоге в июле 1955 г. в Москву с дружеским визитом прибыла первая парламентская делегация Сирии, в ноябре того же года было подписано советско-сирийское торговое и платежное соглашение. Тогда же дипломатическая миссия Сирии в Москве и миссия СССР в Дамаске были преобразованы в посольства.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что в начале 1940-х годов на территории Сирии находились иностранные войска, что суще-

ственно осложняло процесс построения сирийских отношений с остальными странами. Однако после 1946 г. Сирия, став полностью независимым государством, начинает сближаться с СССР, поддержавшим страну в получении независимости. Но несмотря на это, в 1940-е годы взаимоотношения между странами носили в основном декларативный характер в связи в нестабильной политической ситуацией внутри Сирии. Другой причиной неразвитых отношений между странами был и тот факт, что СССР в тот период не рассматривал этот регион как приоритетный для своей внешнеполитической деятельности. В начале 1940-х годов СССР поддержал Сирию как молодое независимое государство, которое находилось на начальной стадии государственного строительства.

Период, охватывающий 1940-е годы, характеризовался формированием региональной среды, в которой получившие независимость арабские государства начинали строить свои отношения с внешним миром. Контакты между Сирией и Советским Союзом не были в то время фактором, оказывающим воздействие на изменение региональной ситуации. Отношения между этими государствами не имели цели создать региональный блок, который противостоял бы другим региональным образованиям. Их отношения только зарождались, не имея стимулов расширения и развития в полной мере.

Образование Израиля в 1948 г. и поражение Сирии в арабо-израильской войне изменили региональную среду. Помимо этого, с 1950-х годов в регионе Ближнего Востока появился еще один игрок – США. В этой связи Советский Союз предпринял шаги для укрепления своих позиций, что привело к установлению дипломатических отношений с Сирией. Таким образом, 1950-е годы стали переломным моментом, когда советская сторона начала активно внедряться в региональную среду и стремиться упрочить свои позиции на Ближнем Востоке.

Примечания

- 1 См.: *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М.: Политиздат, 1989. С. 208.
- 2 Там же. С. 210.
- 3 *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement, a Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East, 1945–1973. Jerusalem: Israel Univ. Press, 1974. P. 28.
- 4 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. М., 1984. Т. VI. С. 277.
- 5 Там же. С. 278.

- 6 Речь идет о 1945 г.
- 7 *Ro'i Y.* Op. cit. P. 29.
- 8 См.: *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt, 1945–1955. L.: Frank Cass, 1993. P. 66–70.
- 9 *Ro'i Y.* Op. cit. P. 29–30.
- 10 ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения (является правящей партией Сирии с 1963 г.). Иногда в литературе встречается аббревиатура БААС (на арабском), а члены партии именуются баасистами.
- 11 См.: Музаккарат Акрам аль-Хаурани (Воспоминания Акрама Аль-Хаурани). Каир, 2000. С. 103.
- 12 Под внутривосточной ареной предполагался ближневосточный регион.
- 13 *Ginat R.* Soviet Policy towards the Arab World, 1945–48. Middle Eastern Studies. Vol. 32. №. 4. P. 322.
- 14 *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt, 1945–1955. P. 71.
- 15 См.: Новейшая история стран Азии и Африки: XX век. Учеб: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса. М.: ВЛАДОС, 2003. Ч. 3: 1945–2001. С. 68.
- 16 Сирийская Арабская Республика / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1997. С. 43.
- 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Т. 2. Ед. хр. 389. Л. 8: Материалы Центрального комитета КПСС.
- 18 См.: Сирийская Арабская Республика. С. 45.

Л.В. Смехов

О ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РИТОРИКИ

В статье рассматривается вопрос, является ли инаугурационная президентская речь в России эффективной с точки зрения выявления имеющихся проблем и способов их решения, демонстрирует ли она эффективность института президентства.

Ключевые слова: президент, президентская риторика, инаугурация, политическая риторика, Путин, Медведев.

В 2000 г. состоялись президентские выборы в Российской Федерации. В результате выборов Президентом Российской Федерации стал Председатель Правительства РФ Владимир Владимирович Путин. После того как выборы окончились, в Кремле прошла традиционная церемония инаугурации. Данная церемония занимает особое место среди политических ритуалов, так как с ее помощью избранный президент выполняет ряд важных действий: объединение аудитории, провозглашение своих политических планов и др. Церемония состоит из нескольких частей, одной из которых является выступление избранного президента с речью. В России церемония инаугурации проходит в Кремле, на ней присутствуют только высшие государственные чиновники. Практики проведения данной церемонии с допуском всех желающих в России нет. В США, опыт которых в основном использовался при создании российского института президентства, церемония инаугурации проходит перед Белым Домом и, помимо представителей власти, на ней может присутствовать любой желающий, купивший билет. Основываясь на этом, можно предположить, что институт президентства в России более закрыт от электората, чем американ-

ский, и российский президент в своей работе опирается в большей степени на мнение правительства, а американский – на мнение своего народа. Наша задача – определить, эффективна ли президентская инаугурационная речь в России с точки зрения выявления имеющихся проблем и способов их решения, демонстрирует ли она тем самым эффективность власти.

В рамках рассматриваемой нами церемонии инаугурационная речь президента выступает важнейшей составляющей. По сути, это политический перформатив: «Основу перформативности инаугурационной речи составляет клятва президента, которая также представляет собой текст-перформатив. <...> саму речь можно рассматривать как расширение, развитие этой клятвы»¹. С перформативным характером инаугурационной речи связаны основные жанровые признаки, отличающие ее от других жанров эпидейктической риторики. К. Кэмпбелл и К. Джеймисон выделяют следующие характеристики:

объединение аудитории в единый народ, нацию как свидетеля и полноправного участника церемонии легитимации нового президента;

обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации;

провозглашение политических принципов, которыми будет руководствоваться новое правительство;

придание законной силы самому институту президентства.

Учитывая данные характеристики, мы рассмотрим и сравним инаугурационные выступления российских президентов в 2000, 2004 и 2008 гг. Цель анализа – выявление используемых ораторами риторических средств при обращении к ценностям общества, определение предыдущих достижений государства; провозглашение политических принципов работы новой власти².

Говоря об истории России, о ее величии в инаугурационных речах, президент старается вызвать патриотические чувства граждан, дать им надежду на позитивное будущее. В инаугурационных выступлениях в 2000 и 2004 гг. В.В. Путин говорил о российских ценностях и достижениях прошлого следующее: «Здесь, в Кремле, – средоточие нашей национальной памяти, здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны <...> Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам»³.

Ценности, наиболее часто упоминаемые в речи В.В. Путина, – целостность страны, единство, солидарность, сила и величие России, свобода, демократия. «Впервые за всю историю нашего государства, за всю историю России впервые верховная власть в стране передается самым демократическим, самым простым образом – по воле народа, законно и мирно»⁴.

Через обращение к прошлому президент постарался одновременно и объединить граждан и дать им понимание того, что и будущее такой героической страны должно быть не менее славным. В американской практике избранные президенты цитируют своих предшественников, демонстрируя преемственность идей, продолжение политического курса. В инаугурационной речи 2000 г. В.В. Путин цитирует Президента России Б.Н. Ельцина: «Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль... произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: “Берегите Россию”. Именно в этом я вижу главную президентскую обязанность»⁵. Таким образом, Путин демонстрирует своей аудитории фактически продолжение политического курса, начатого президентом Ельциным⁶.

Во второй инаугурационной речи В.В. Путин призывает к героической истории страны: «Мы с вами – наследники тысячелетней России. Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов. Они оставили нам с вами в наследство огромную, великую державу. Наше прошлое, безусловно, придает нам силы»⁷.

В речи 2004 г. Путин уже не говорит ни о Ельцине, ни о стремлении идти его курсом: президент дистанцируется от политической программы своего предшественника. Теперь у него свой опыт, свой политический курс, уверенные и твердые позиции. Во вступительной части второй инаугурационной речи Путин демонстрирует свое понимание президентских обязанностей: «Сейчас я еще раз хочу вернуться к главному ее смыслу и сказать: обязанности президента – хранить государство и верно служить народу – и впредь будут для меня святы, и впредь будут для меня превыше всего. Как и раньше, буду исходить из того, что помощь и поддержка граждан Российской Федерации являются самой главной и самой надежной опорой в деятельности ее президента. <...> Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей»⁸.

Затем Путин изложил свой политический курс, отмечая достижения и успехи своего предыдущего срока правления: «Теперь главная цель ближайшего четырехлетия – превратить уже накопленный нами потенциал в новую энергию развития. <...> Мы часто

повторяем: в России глава государства отвечал и будет отвечать за все. Это по-прежнему так»⁹. Понимать связку «накопленный потенциал – новая энергия» можно двояко. С одной стороны, под накоплением потенциала может пониматься прогрессивный рывок в масштабах государства, о котором говорит президент. С другой же – словосочетание «новая энергия» может означать энергию материальную: разработки новых месторождений, производство энергоносителей. Связка «потенциал/энергия» дает представление о России как об энергетическом ресурсе ближайшего будущего.

В заключительной части своего выступления президент говорил о будущем, отмечая, что для достижения поставленных целей «...у нас есть все возможности. Есть ресурсы, свой собственный опыт, полное понимание приоритетов развития... есть огромный потенциал, огромная энергия, интеллектуальный потенциал нашего народа. <...> Это величие должно быть подкреплено. Подкреплено новыми делами сегодняшних поколений граждан нашей страны. И только тогда наши потомки будут гордиться теми страницами, которые мы с вами впишем в биографию великой России»¹⁰.

Дмитрий Анатольевич Медведев, вступив в должность Президента России, начал свое инаугурационное выступление со слов о правах и гражданских свободах: «Только что мной принесена президентская присяга, она дается народу России, и в ее самых первых строках – обязательство уважать и охранять права и свободы человека. Именно они признаны высшей ценностью в нашем обществе, и именно они определяют смысл и содержание всей государственной деятельности»¹¹.

Топос «Родина» употребляется им во фразе о президентских обязанностях: «Хотел бы заверить сегодня всех граждан страны, что буду работать с полной отдачей сил как президент и как человек, для которого Россия – это родной дом, родная земля»¹².

Завершается речь словами о собственных обязательствах и о Родине: «И сейчас мой долг – служить ему [народу] каждый день и каждый час, сделать все для лучшей жизни наших людей, их успеха и уверенности в своем будущем, во имя дальнейшего подъема и процветания нашей любимой Родины – нашей великой России»¹³.

Обращаясь к достижениям прошлого, Медведев сказал: «За последние восемь лет был создан мощный фундамент для долгосрочного развития, для просто десятилетий свободного и стабильного развития. <...> И этот уникальный шанс мы должны максимально использовать, чтобы Россия стала одной из лучших стран мира <...> в этом – наша стратегия, и в этом – ориентир на годы вперед»¹⁴. Получается, что предыдущие восемь лет лишь строился фундамент, а самого развития не было?

Д.А. Медведев традиционно упомянул своего предшественника: «Я сердечно благодарю президента Владимира Владимировича Путина за его неизменную личную поддержку, которую я постоянно ощущал»¹⁵, и демонстрирует преемственность политического курса, выражая надежду, что эта поддержка со стороны Путина «будет и впредь»¹⁶.

Свой политический курс Д.А. Медведев провозгласил следующим образом: «...считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан. <...> Мы будем добиваться внедрения инновационных подходов во все сферы жизни, строить самые передовые производства, модернизировать промышленность и сельское хозяйство, создавать мощные стимулы для частных инвестиций и в целом стремиться к тому, чтобы Россия прочно утвердилась среди лидеров технологического и интеллектуального развития»¹⁷. Что собой представляют инновационные подходы, президент не сказал.

Имея юридическое образование, президент Медведев по-своему представляет развитие российского общества: «Особое внимание придаю фундаментальной роли права <...> Мы обязаны добиться истинного уважения к закону, преодолеть правовой нигилизм. <...> Зрелость и действенность правовой системы – это важное условие развития экономики и социальной сферы, поддержки предпринимательства и борьбы с коррупцией»¹⁸.

Исходя из рассмотренных текстов, можно заключить, что все речи созданы с соблюдением соответствующих жанровых норм, однако содержание в некоторых случаях позволяет нам трактовать слова избранных лидеров двояко. Для ряда избирателей президент Медведев, преподававший в университете, не связанный с силовиками, показался более мягким, демократичным политиком, чем Путин – бывший сотрудник, а затем и директор ФСБ, жесткий борец с терроризмом. Это различие выражено в основном в концептах, которыми оперируют оба президента во время своих инаугурационных выступлений. Путин больше говорит о борьбе с терроризмом, о преодолении трудностей, Медведев делает акцент на правах граждан и власти закона, но ни один из президентов не называет конкретные проблемы и способы их решения. Слова Путина о росте экономики страны основываются на том, что к 2004 г. цены на энергоносители на внешних рынках выросли. Однако в остальных сферах экономики темп роста был незначителен, а то и наблюдался спад. Что касается построения гражданского общества, о котором говорили Путин и Медведев, то оно в принципе невозможно при действующей в стране фактически однопартийной системе. В целом, рассмотрев планы

политического развития страны в инаугурационных речах президентов России В.В. Путина и Д.А. Медведева, можно заключить, что конкретных проблем, которые нужно решать, нет, а значит, и цели движения становятся неопределенными.

Все три проанализированные речи построены в соответствии с жанром инаугурационной риторики. Оба рассматриваемых оратора апеллируют к одинаковым ценностям, у них сходные политические планы. Единственное различие их риторики – в логосе: различаются термины, которыми оперируют ораторы. О.Н. Паршина считает, что «в соответствии с эпидейктическим характером инаугурационной речи конкретный политический курс предлагается для созерцания, а не для действия»¹⁹. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что президентская инаугурационная речь – художественное произведение, основанное на реальных событиях.

Примечания

- 1 Шейгал Е.Л. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса. <http://www.phiology.ru/linguistics1/sheygal-02.htm>
- 2 Cohrs-Campbell K., Jamieson K. Presidents Creating the Presidency – Deeds Done in Words 2008.
- 3 Путин В.В. Инаугурационная речь 7 мая 2000 г. <http://www.grani.ru/Politics/Russia/President/m.63920.html>
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Путин В.В. Инаугурационная речь 7 мая 2004 г. <http://www.rg.ru/2004/05/08/putin-rech.html>
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Медведев Д.А. Инаугурационная речь 7 мая 2008 г. <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUDYO73121420080507>
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 См.: Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. http://dibase.ru/article/05042010_parshinaolgaikolaevna_6745/11 2010

Н.А. Федотов

СРЕДОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ

Сегменты российского фондового рынка в различной степени подвержены воздействию разных политических факторов. В работе изучается влияние отдельных политических событий и групп событий на котировки акций российских компаний отдельных капитализационных и отраслевых групп. Рассматриваются такие события, как парламентские и президентские выборы, смены правительств, ежегодные президентские послания, террористические акты, символы «преемственности» власти. События накладываются на специализированные фондовые индексы РТС и ММВБ – капитализационные (в зависимости от величины компании) и отраслевые (в зависимости от рода деятельности). Исследование показывает, что максимальные политические риски присущи «голубым фишкам», а также нефтегазовым и металлургическим компаниям.

Ключевые слова: политические риски, фондовый рынок, политические события, биржевые индексы, российский бизнес.

Средовая интерпретация политики отсылает в числе прочих к теме взаимопроникновения политических и экономических процессов, в частности к проблеме взаимодействия политических событий и поведения бизнес-игроков. Не умаляя значения влияния деловой активности предпринимательского сообщества на политические изменения в современной России, исследовательский акцент предполагается сделать на обратном процессе – воздействии политических факторов на бизнес-функционирование. Сужая проблемное поле далее, ограничимся оценкой влияния политических событий на инвестиционную активность биржевого сообщества.

© Федотов Н.А., 2011

Многочисленные научные публикации отмечают существенное воздействие политических событий на российский фондовый рынок в целом¹. Однако фондовый рынок неоднороден. Он включает различные сегменты, которые могут по-разному реагировать на одно и то же политическое событие. В настоящей статье предпринимается попытка исследовать ключевые сегменты российского фондового рынка и их отношение к значимым политическим событиям. Предполагается рассмотреть два измерения – капитализационное и отраслевое.

В первом случае принимается во внимание, т. е. является критерием классификации, капитализация компаний, их рыночная стоимость. По этому показателю можно выделить так называемые «голубые фишки» (наиболее ликвидные компании) и «второй эшелон». На фондовой бирже РТС компании с различной капитализацией представлены двумя соответствующими индексами². Фондовая биржа ММВБ представляет более разнообразную картину: отдельные индексы описывают компании высокой, средней и низкой (стартовой) капитализации; кроме того, особый индекс имеют собственно «голубые фишки»³. Таким образом, используя данные индикаторы, можно судить о том, как величина компании влияет на политические риски.

Во втором случае исследуются компании, а точнее – группы компаний, представляющие различные отрасли, сферы деятельности. Наиболее распространенная классификация включает такие сектора, как нефтегазовый, энергетический, промышленный, металлургический, телекоммуникационный. Эти отрасли имеют отдельные индексы на обеих фондовых биржах. РТС, кроме того, предлагает индикаторы для финансового и потребительского секторов⁴. Отраслевое измерение фондового рынка позволяет оценивать политические риски по различным категориям компаний⁵.

Исследование выявляет капитализационные и отраслевые группы компаний, в наибольшей степени подверженные воздействию политических факторов. В схематичном виде научный результат представлен матрицей политических рисков в заключении статьи.

На фондовом рынке торгуются ценные бумаги различных компаний – как крупных, дорогих, известных (высокая капитализация), так и мелких, дешевых, не известных широкому инвестору (низкая капитализация). Очевидно, что уровень и характер политических рисков для них могут и должны отличаться.

Крупные компании, известные в бизнес-практике под названием «голубые фишки», являются более политизированными, они часто связаны с так называемыми олигархами и сомнительными залоговыми аукционами, больше подвержены угрозам государ-

ственного вмешательства вследствие своей финансовой привлекательности. Мелкие компании зависят от большой политики значительно меньше. Логично предположить, что рыночная стоимость крупных компаний в большей степени, нежели мелких, зависит от политической конъюнктуры. Гипотеза: реакция компаний высокой капитализации на политические события (как положительная, так и отрицательная) более выражена по сравнению с компаниями низкой капитализации.

Далее последовательно рассматриваются эффекты, производимые значимыми политическими событиями на различные капитализационные группы компаний⁶.

Парламентские и президентские выборы (1999–2008 гг.). Анализ долгосрочных эффектов электоральных кампаний (динамика фондовых индексов за период один месяц до даты выборов – один месяц после даты выборов) показывает, что в четырех случаях – выборы Государственной Думы в 1999 г. и выборы президента в 2000, 2004 и 2008 гг. – акции «голубых фишек» росли активнее акций «второго эшелона». В двух оставшихся случаях (выборы Государственной Думы в 2003 и 2007 гг.) исследовательская гипотеза не работает, но тому есть объективные причины: дело ЮКОСа 2003 г.⁷ и мировой финансовый кризис 2007 г. Таким образом, высококапитализированные компании больше подвержены электоральным политическим рискам.

Смена правительства (1998–2008 гг.). Здесь учитываются лишь смены правительств, ставшие политическим событием, новостью для фондового рынка, исследуется динамика индексов в день отставки прежнего правительства, когда обычно становится ясной и будущая конфигурация кабинета министров. «Голубые фишки» более негативно, по сравнению со «вторым эшелонном», реагировали на отставку Е. Примакова в 1999 г., М. Касьянова в 2004 г., М. Фрадкова в 2007 г. (каждая из этих смен правительства нарушала необходимую для бизнес-сообщества политическую стабильность). Более позитивно, чем фондовый рынок в целом, высококапитализированные эмитенты реагировали на отставку С. Степашина и назначение «премьера» В. Путина в 1999 г., а также внесение кандидатуры В. Путина в Государственную Думу в 2008 г. (эти смены правительства, напротив, устанавливали политическую стабильность, гарантировали адекватные и предсказуемые правила для ведения бизнеса). Таким образом, негативная или позитивная реакция российского фондового рынка на смену федерального правительства только усиливается для крупных компаний.

Ежегодные президентские послания (1998–2007 гг.). Значимая позитивная реакция российского фондового рынка в целом на по-

слание (краткосрочный эффект в день представления послания) наблюдалась лишь в 1998, 2002, 2003 и 2004 гг. Однако высококапитализированные ценные бумаги существенно превосходили акции «второго эшелона» по темпу роста в 1998, 2000, 2003, 2004 и 2005 гг. Более активное подорожание «голубых фишек» свидетельствует о приоритетной значимости исходящих от послания сигналов⁸ прежде всего для крупного бизнеса.

Террористические атаки. Проанализированы 11 крупных терактов политического характера, приведших к падению фондовых котировок в день события. Во всех 11 случаях реакция котировок «голубых фишек» была более негативной, чем реакция бумаг «второго эшелона». Причем это проявляется и в случае терактов в других государствах (США, Великобритания), и в случае взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске, Волгодонске в 1999 г., и в случае терактов в Москве с так называемым «чеченским следом» («Норд-Ост», метро Автозаводская – Павелецкая), и в случае серьезных инцидентов на Северном Кавказе (Грозный, Беслан, Нальчик). Таким образом, террористические атаки создают наибольший политический риск для высококапитализированных компаний, так как ставят под сомнение безопасность самой среды существования и ведения бизнеса.

Символы «преемственности» власти (2007–2008 гг.). Данную роль в исследовании выполняют такие события, как выдвижение Д. Медведева на пост президента (формально инициированное четырьмя политическими партиями на встрече с действовавшим президентом В. Путиным 10 декабря 2007 г.), а также вхождение В. Путина в предвыборный список (1 октября 2007 г.) и в руководство (15 апреля 2008 г.) партии «Единая Россия». В ответ на первую позитивную политическую новость – выбор «преемника» – крупные компании прибавили в цене значительно больше, чем мелкие. Участие В. Путина в делах «партии власти» также привело к тому, что индексы «голубых фишек» существенно опередили по темпам роста соответствующие индексы «второго эшелона». Следовательно, для большого бизнеса сохранение В. Путина во властном поле играло более важную роль, чем для эмитентов низкой капитализации.

Таким образом, во всех рассмотренных ситуациях реакция высококапитализированных компаний на политические события проявлялась более ощутимо, чем влияние этих событий на компании «второго эшелона». Это значит, что политические риски относятся прежде всего к большому бизнесу, к крупным игрокам.

Компании, представляющие различные отрасли экономики, также должны по-разному реагировать на политические события.

Отрасль в данном случае определяет характер отношений с государственной властью, тип бизнес-функционирования и зависимости от действий политических игроков, от политической среды в целом.

Представляется, что наибольшей уязвимостью с точки зрения политических рисков обладают природоиспользующие компании, ориентированные на экспорт продукции. Они подвержены максимальному государственному регулированию как в области природных ресурсов, так и в области экспорта. Дополнительный интерес политических игроков к природоиспользующим экспортно-ориентированным компаниям связан с установившимися высокими мировыми ценами на природные ресурсы. Гипотеза: компании, чья отраслевая принадлежность связана с природными ресурсами и экспортным характером, в большей степени реагируют на политические события.

Далее представлены эффекты от влияния уже введенного ранее событийного ряда на различные отраслевые группы компаний.

В ходе президентской кампании 2000 г. лидером роста был нефтегазовый сектор; на парламентских выборах 2003 г. значимой отраслевой разницы не наблюдалось; президентская кампания 2004 г. выделила нефтегазовый сектор и металлургию; думские выборы 2007 г. сопровождалась активным ростом стоимости промышленных активов; во время президентской избирательной кампании 2008 г. доминирующий рост демонстрировали ценные бумаги нефтяных и газовых компаний. Таким образом, в трех электоральных «ралли» из пяти наиболее активно росли нефтегазовые индексы. Это связано с природоиспользующим и экспортно-ориентированным характером нефтегазового бизнеса, в значительно большей степени, чем другие отрасли, зависящего от правительственных действий, от политического курса в целом.

Отставка «либерального» М. Касьянова в 2004 г. спровоцировала максимальный отрицательный эффект для ценных бумаг нефтегазового и металлургического секторов. Отставка «технического» М. Фрадкова и замена его «временным» В. Зубковым в 2007 г. произвели на фондовый рынок в целом слабо негативное впечатление, но ни одна из отраслей не смогла выделиться на общем фоне. Наконец, назначение «политического» В. Путина способствовало преимущественному росту стоимости нефтегазовых и металлургических акций. Итак, смена правительства воздействует прежде всего на нефтегазовые и металлургические компании, являющиеся по своему характеру природоиспользующими и экспортно-ориентированными, зависимыми от политической конъюнктуры.

Влияние президентских посланий является преимущественно позитивным для бизнес-сообщества вообще и фондового рынка в частности. В 2000, 2001 и 2007 гг. значимых отраслевых различий не наблюдалось; в 2002, 2003 и 2004 гг. максимальный краткосрочный эффект демонстрировал нефтегазовый сектор; в 2005 г. позитивную реакцию послание президента вызвало в нефтегазовой и металлургической отраслях; наконец, в 2006 г. наибольшим ростом стоимости акций характеризовались металлургические компании. Следовательно, в пяти случаях ежегодное послание президента сопровождалось самым активным повышением нефтегазовых и металлургических ценных бумаг, т. е. природоиспользующих и экспортно-ориентированных компаний.

Рассмотрим семь терактов из описанных выше и оценим их влияние на группы компаний. Значимые отраслевые различия в краткосрочных эффектах от террористических атак в деловой активности наблюдаются в четырех случаях. Это теракты в США в 2001 г., в театральном центре на Дубровке в Москве («Норд-Ост») в 2002 г., в Грозном в 2004 г. и в Нальчике в 2005 г. Характерно, что во всех этих случаях максимальную негативную реакцию демонстрировали нефтегазовые ценные бумаги. Это значит, что именно нефтяные и газовые компании, т. е. отрасли природоиспользующие и экспортно-ориентированные, переносят общегосударственные угрозы на свой бизнес, ощущая значительные политические риски⁹ для проведения деловых операций.

Смена лидеров во власти также отражается на бизнес-сообществе. В день объявления «преемника» Д. Медведева выросли все отраслевые индексы на обеих фондовых биржах, но максимальное повышение продемонстрировали нефтегазовые индикаторы. Сходный эффект наблюдался и в случае с заявлениями уходившего президента В. Путина осенью 2007 г. и весной 2008 г. относительно его участия в руководстве крупнейшей политической партией «Единая Россия». 1 октября 2007 г., когда В. Путин согласился возглавить избирательный список «Единой России», и 15 апреля 2008 г., когда В. Путин согласился занять пост председателя партии, позитивная в целом реакция фондового рынка усиливалась для нефтегазовых и металлургических компаний.

Итак, именно природоиспользующие и экспортно-ориентированные компании, представленные в настоящем исследовании нефтегазовой и металлургической отраслями, подвержены наибольшему политическому риску, поэтому активнее других игроков реагируют на позитивные и негативные политические события.

Исследование эффектов от политических событий, оказываемых на фондовый рынок, показало существование значимых кор-

реляций между типом бизнес-агента (в частности, его капитализационного и отраслевого измерения) и степенью воздействия на него некоторого типа политического события. Иными словами, конкретные группы компаний реагируют на конкретные политические события сходным образом, что проявляется в идентичной динамике фондовых индикаторов.

Таблица

Матрица политических рисков, %

	Основной рынок	Капитализационные группы		Отраслевые группы	
		«Голубые фишки»	«Второй эшелон»	ПЭК (нефть/газ, металлургия)	Другие отрасли
Выборы (долгосрочный эффект)	+ 22,5	+ 21,8	+ 4,8	+ 13,8	+ 6,4
Смена непопулярного правительства	+ 3,9	+ 4,1	+ 0,5	+ 3,6	+ 0,4
Смена популярного правительства	- 5,0	- 4,4	- 0,7	- 1,1	- 0,5
Ежегодное послание президента	+ 0,9	+ 0,2	- 0,3	+ 0,3	+ 0,2
Крупные террористические акты	- 2,5	- 3,3	- 0,1	- 2,1	- 0,7
Символы «преемственности» власти	+ 2,4	+ 2,3	+ 0,9	+ 2,4	+ 0,9

Для аналитической матрицы политических рисков агрегируются и политические события (отдельные события со сходным смыслом и эффектом переводятся в типовое событие), и бизнес-агенты (компании различных капитализационных и отраслевых групп с одинаковой реакцией на типовые события переводятся в типового бизнес-агента), и фондовые индикаторы (аналогичные индексы разных фондовых бирж переводятся в типовой индекс). В результате получается элементарная двухмерная модель-матрица, каждая ячейка которой обозначает в количественном виде политический риск (эффект) некоторого события для некоторой компании. Риск-эффект выражается в процентах (%) и определяет измене-

ние («+» или «-») рыночной стоимости компании (ее ценных бумаг) в ответ на политическое событие.

Исследовательский интерес представляет не только и не столько абсолютная величина риск-эффекта (значение в соответствующей ячейке), сколько сравнение ее с аналогичным показателем по другой компании или по другому событию. Это позволяет выделять наиболее рисководержащие политические события и наиболее рископодверженные группы компаний.

Матрица политических рисков наглядно демонстрирует три уровня анализа – три измерения:

- характер (позитивный или негативный) реакции основного рынка на типовые политические события;
- сила (большая или меньшая) зависимости разных капитализационных групп компаний от политических событий;
- сила (большая или меньшая) зависимости разных отраслевых групп компаний от политических событий.

Для каждого из этих измерений матрица позволяет сформулировать однозначные выводы.

1. Положительную реакцию российского фондового рынка вызывают такие политические события, как федеральные электоральные кампании (долгосрочный эффект), смена непопулярного правительства, представление ежегодного президентского послания, символы «преемственности» власти. Такие события снижают для бизнес-сообщества уровень неопределенности, делают политический курс более предсказуемым и эффективным, оживляют общественную жизнь в целом. Отрицательную реакцию российского фондового рынка вызывают такие политические события, как смена популярного правительства, террористические атаки. Такие события повышают уязвимость и неуверенность бизнес-сообщества, усиливают его сомнения и неопределенность в отношении правительственных намерений и стратегий.

2. Во всех случаях значимых политических событий российские компании высокой капитализации («голубые фишки») проявляют более активную реакцию, чем компании низкой капитализации («второй эшелон»). Это связано с тем, что крупные компании в большей степени зависят от государственных решений и политической конъюнктуры, так как представляют более высокую ценность для правительственных структур.

3. Во всех случаях значимых политических событий российские нефтегазовые и металлургические компании (природоиспользующие экспортно-ориентированные компании) проявляют более значительную и более активную реакцию, чем компании других отраслей. Это связано с тем, что ПЭК в большей степени зави-

сят от государственного регулирования в области природных ресурсов и экспорта в условиях постоянного роста их мировых цен.

Таким образом, деловая среда и ее реакции на политические события могут служить эффективным инструментом средового анализа российской политики. Более того, отдельные капитализационные и отраслевые сектора фондового рынка позволяют судить о специфических социально-политических взаимодействиях.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Горяев А., Заботкин А.* Российский фондовый рынок: уроки первого десятилетия // *Beyond Transition: Экономический вестник о вопросах переходной экономики.* 2006. Янв.–март. С. 11–12; *Карбовская М.А.* Исследование политических рисков компаний в России. М., 2007; *Миркин Я.* Российский рынок ценных бумаг: риски, рост, значимость // *Рынок ценных бумаг.* 2007. № 23. С. 56–62.
- ² Основной индекс РТС (RTS I); Индекс акций «второго эшелона» (RTS II).
- ³ Основной индекс ММВБ (MICEX I); Индекс «голубых фишек» (MICEX 10); Индекс высокой капитализации (MICEX LC); Индекс стандартной капитализации (MICEX MC); Индекс базовой капитализации (MICEX SC).
- ⁴ Индекс РТС – Нефть и газ (RTSog); Индекс РТС – Телекоммуникации (RTStl); Индекс РТС – Металлы и добыча (RTSmm); Индекс РТС – Промышленность (RTSin); Индекс РТС – Потребительские товары и розничная торговля (RTScr); Индекс РТС – Электроэнергетика (RTSeu); Индекс РТС – Финансы (RTSfn); Индекс нефтегазовой отрасли ММВБ (MICEX O&G); Индекс энергетической отрасли ММВБ (MICEX PWR); Индекс телекоммуникационной отрасли ММВБ (MICEX TLC); Индекс металлургической и горнодобывающей отраслей ММВБ (MICEX M&M); Индекс машиностроительной отрасли ММВБ (MICEX MNF).
- ⁵ Исторический и актуальный состав капитализационных и отраслевых индексов РТС и ММВБ, т. е. включаемые в расчет индексов ценные бумаги (эмитенты), см. на официальных сайтах «Российская торговая система (РТС): Фондовая биржа» (<http://www.rts.ru>) и «Московская межбанковская валютная биржа (ММВБ): Фондовая биржа» (<http://www.micex.ru>).
- ⁶ Описание (краткую характеристику) рассматриваемых политических событий см.: *Федотов Н.А.* Политические риски российского фондового рынка // *Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки».* М., 2009. № 1/09. С. 146–159.
- ⁷ См. об этом: *Goriaev A., Sonin K.* Is political risk company-specific?: The market side of the Yukos affair. Moscow, 2005.
- ⁸ О влиянии правительственных действий на бизнес-сообщество см.: *Федотов Н.А.* Политические риски как эффект государственных решений // Рос-

Средовая интерпретация российской политики на фондовой бирже

сийская политика XXI века: неполитический потенциал политического: Материалы международной научной конференции, 23–24 апреля 2009 г. Ч. 1. М., 2009. С. 293–304.

- ⁹ К политическим относят риски безопасности, в том числе терроризм, А.А. Пожалов (см.: *Пожалов А.А. Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития* // Вестник МГУ. Сер. 12. «Политические науки». 2006. № 3. С. 52).

О.Г. Гусейнов

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ТУРЦИИ

Объектом рассмотрения в данной статье является взаимосвязь между процессами трансформации политического режима и перехода к рыночной экономике в Турции. Автор выделяет три этапа становления рыночной экономики в данной стране, которые различаются моделями осуществления и характером экономических реформ, соотношением сил сторонников тех или иных путей развития и результатами мер, которые были реализованы. В статье приведен подробный анализ развития турецкой экономики после озаловских реформ и предпринята попытка ответить на вопрос: насколько процесс демократического перехода и его результаты зависят от удачной экономической политики или же неспособности инкумбента обеспечить стабильность экономики.

Ключевые слова: трансформация политического режима, переход от авторитарного режима к режиму минимальной демократии, переход к рыночной экономике, модели протекания экономических реформ, политическая конкуренция, электоральная поддержка.

Создание экономической системы, которая бы рационально распределяла ресурсы, при этом сохраняя платежеспособность государства, является конечной целью всех современных политических систем, находящихся в переходном состоянии. Модернизационный кемалистский режим в Турции видел переход к рыночной экономике как необходимое условие обеспечения эффективного и приемлемого для всех слоев населения распределения благ. Данный переход, как и незавершенный переход к демократии, был растянут во времени и происходил прерывисто.

А. Пшеворский очерчивает три модели протекания экономических реформ. Первые две благоприятствуют реформам и прогрес-

сируют в полярных условиях организации политических сил: «последние (противники реформ. – *О. Г.*) должны быть очень сильными и поддерживать программу реформ или они должны быть очень слабыми и не в состоянии эффективно противиться ей»¹. Третий вариант, промежуточный: политические силы – особенно партии и союзы их противников – достаточно сильны, чтобы саботировать их, и недостаточно большие, чтобы покончить с ними. При этом условии продвижение реформ является наименее вероятным. Проще говоря, правительства, ориентированные на реформы, стоят перед выбором: либо сотрудничество с оппозиционными партиями и союзами, либо уничтожение их.

В общем, чтобы проводить реформы, правительство должно или искать широкой поддержки у профсоюзов, оппозиционных партий и других централизованных организаций, или вести работу по ослаблению этих партий и пытаться минимизировать эффективность действий оппозиции. Несомненно, последний метод приводит к вопросу о демократии. Является ли правительство, прибегающее к осадному положению, чтобы противодействовать оппозиции реформ, демократическим? Более того, если правительство примет стратегию проведения реформ вопреки общественной оппозиции, то важной станет позиция вооруженных сил. Эта позиция в большой степени определяет, считается ли недемократическая альтернатива осуществимой либо теми, кто склонен проводить реформы вопреки демократически организованной оппозиции, либо группами, которые полны решимости защищать свои интересы любыми доступными способами вопреки демократически организованному прореформистскому большинству. Когда вооруженные силы независимы от гражданского контроля и являются политическим субъектом, различные группы гражданского общества занимают позицию в том, что С. Хантингтон назвал политической преторианизма: методы вроде «если вы не смягчите свои требования, мы попросим вмешательства военных» или «если вы не согласитесь с нашими требованиями, мы создадим беспорядки, которые заставят военных вмешаться»². Процесс политической борьбы, в котором присутствуют независимые военные, создает постоянную опасность военного вмешательства.

В то же время реформам нужна политическая поддержка людей на выборах, профсоюзов и профессиональных ассоциаций на рабочих местах и, временами, оппозиционных партий в законодательстве. А так как за ними следуют издержки периода перехода, то реформы неизбежно вызывают сопротивление тех слоев общества, экономические интересы которых вступают в противоречие с программой изменений или страдают в определенные стадии рефор-

мирования, что может стать одной из причин смены реформаторов более консервативными участниками политического процесса.

Если рассматривать развитие турецкой экономики с конца Второй мировой войны, то сразу можно выделить циклы подъема, которые завершались кризисами 1958, 1970, 1977, 1994, 1998, 2001 и 2008–2009 гг. В каждом случае новому периоду роста предшествовала кульминация политической борьбы в виде военных переворотов 1960, 1971, 1980 гг., «постмодернистского переворота» 1998 г., перехода к «минимальной» демократии в 2002 г. с последующим откатом через 5 лет, и непосредственно с политическим кризисом 2007 г. связано обострение борьбы между армией и Партией справедливости и развития (ПСР). До этого кризиса партия Эрдогана предприняла несколько попыток проведения через парламент законов и поправок к существующим нормативно-правовым актам. Все законодательные инициативы, которые были восприняты как угроза секулярному характеру турецкой государственности, были заблокированы президентом Сезером, который воспользовался своим правом вето. Премьер-министр и его сподвижники побоялись потерять поддержку своего основного электората, требующего изменений исламистского характера. ПСР провела через парламент и приняла закон, по которому полномочия президента должны были сократиться до назначения послов. Традиционно президент обладал правом утверждения кандидатуры министров, назначения послов и губернаторов. Возможность накладывания президентом вето на принятие любых законов создавало эффект равновесия. Система была работоспособной, так как законы, на которые дважды накладывалось вето, выносились на референдум. На данный закон было наложено вето президентом Сезером. Именно после этого события ПСР решила на изменение институционального порядка, т. е. выставила кандидатуру Режеда Тайипа Эрдогана на пост президента республики. Таким образом, правящая партия показала, что выгода от игнорирования институционального порядка больше, чем издержки от соблюдения правил «игры». Республиканская народная партия (РНП) бойкотировала выборы, в результате они были объявлены недействительными Конституционным судом. Парламент был распущен, а на 22 июля 2007 г. были назначены внеочередные выборы. После данных событий изменился характер политической «игры», она стала игрой с нулевой суммой. На выборах 22 июля 2007 г. при 85%-ной явке ПСР получает около половины голосов избирателей³. Абдулла Гюль, второй человек в ПСР, стал президентом. Таким образом, ПСР сконцентрировала в своих руках всю власть, стала доминирующим актором, определяющим правила «игры», и поменяла

саму суть политической борьбы, она перестала быть «системой децентрализованного стратегического действия». Завершился начатый в 1998 г. этап трансформации политической системы Турции, начался новый этап с жестким противостоянием ПСР и армии и постоянными угрозами военного переворота.

В рамках данной статьи мы попытаемся понять, насколько процесс перехода и его результаты зависят от удачной экономической политики или же неспособности инкумбента обеспечить стабильность экономики в рассматриваемой нами стране.

Запланированный еще при Ататюрке переход к рыночной экономике, которая должна обеспечить эффективное и приемлемое для всех распределение благ при сохранении платежеспособности государства, был начат одновременно с трансформацией режима (переход от авторитарного режима к режиму минимальной демократии, для которого характерно появление политической конкуренции, имеющей институциональные последствия). Экономический переход, как и политический, растянулся на долгий период, но в отличие от второго был более последовательным и завершился в 2007 г. В рамках экономического перехода можно выделить три этапа, которые различаются моделями осуществления и характером экономических реформ, соотношением сил сторонников тех или иных путей развития и результатами мер, которые были реализованы.

Первый этап был самым долгим (1950–1980 гг.). Модель осуществления экономических реформ была промежуточной. Это проявлялось в противоборстве двух игроков, которые видели разные пути способствования развитию рыночной экономики. РНП представляла интересы развитого города, Демократическая партия (ДП) и ее наследники – отсталой деревни. Первая группа выступала за индустриализацию и замещение импорта, вторая – за развитие в первую очередь аграрного сектора и ориентацию экономики на экспорт. Так как соотношение сил между ними было равным, а достижение компромисса между сторонами невозможным, то все проводимые меры саботировались одной из сторон и никогда не доводились до конца. Турция находилась на периферии мирового рынка, а ориентированность на замещение импорта делала экономику данной страны слишком чувствительной к внешним изменениям. Повторяющиеся экономические кризисы позволяли армии вмешиваться в политику и возвращать к власти своего союзника в РНП. Однако в данный период были проведены и эффективные экономические реформы, но они носили краткосрочный стабилизационный характер, инициировались Международным валютным фондом (МВФ), а проводились в жизнь режимами хунты, что приносило военным значительные политические дивиденды.

Второй этап (1981–1993 гг.) привел к либерализации экономики Турции. В рамках данного этапа следует выделить два периода. Для обоих периодов характерна модель осуществления экономических реформ, когда соотношение сил в пользу реформаторов и слабые противники реформ не могут препятствовать их осуществлению. Для первого периода, совпадающего с правлением режима хунты (1981–1984 гг.), характерны реформы, сделавшие турецкую экономику открытой. Они были инициированы МВФ как часть стабилизационной программы. В данный период также произошло превращение Тургута Озала из бюрократа и кризисного менеджера в одного из сильнейших политиков за всю историю Турции. Превращение Озала в самостоятельного политика приходится на второй период (1984–1993 гг.). Он создает собственную партию (Партия Родина), выигрывает с ней выборы в парламент и формирует правительство. За короткий период Озал создал современную экономику Турции, главным отличием которой становится ориентация на экспорт. Благодаря своей успешной экономической политике, изменившей соотношение сил в политической борьбе с военными в его пользу, ему удается вытеснить армию на короткий период из политики и ограничить сферу ее компетенций только вопросами безопасности и обороны. Однако часть кардинальных долгосрочных мер, начатых им, не были доведены до конца после его смерти из-за неэффективного управления в экономической сфере. Из-за этого экономика Турции остается волатильной.

Третий этап (2002–2007 гг.) завершил процесс перехода к рыночной экономике, начатый при Озале. В 2002 г. ПСР сформировала однопартийное правительство. На данном этапе модель осуществления экономических реформ была такой же, как и на втором этапе. Однако партия Эрдогана смогла решить проблему волатильности экономики рассматриваемой нами страны. Благодаря этому Турция вышла из мирового экономического кризиса с минимальными потерями. Реформы на данном этапе носили кардинальный характер и увеличили элемент государственного регулирования в экономике, что позволило сохранить платежеспособность страны. Успешная экономическая политика и успех в распределении благ позволили ПСР приступить к изменению политического институционального порядка и играть на равных с армией.

Для того чтобы определить степень влияния экономической составляющей на характер политической борьбы, мы подробно рассмотрим развитие турецкой экономики после озаловских реформ, т. е. конец второго этапа и весь третий этап становления рыночной экономики в Турции.

Озал стал первым (вторым, если с некоторыми ограничениями считать первым Мустафу Кемалю) в истории республики политическим актором, чья экономическая политика, несмотря на ее кардинальный и долгосрочный характер, была с успехом доведена до конца и обеспечила эффективное и приемлемое для всех слоев населения распределение благ, что принесло ему существенные политические дивиденды. Получив значительный ресурс легитимации, Озал смог не только играть на равных с военными, но и вышел безоговорочным победителем из данного противостояния. Он сделал турецкую экономику рыночной, но после его смерти стало очевидно, что вопрос с эффективным и приемлемым для большинства населения распределением благ остался нерешенным.

Очередной этап роста экономики Турции, начавшийся благодаря мерам, предпринятым Озалом, завершился кризисом 1994 г. Действия правительства с 1992 по 1993 г. по увеличению выплат государственным служащим и субсидий предприятиям с участием государственного капитала привели к тому, что заимствования государственного сектора экономики в 1993 г. составили 17% от ВВП. Большие траты правительства привели к росту внутреннего спроса на 6,4% в 1992 г. и на 7,6% в 1993 г. В свою очередь, вырос показатель инфляции, который в середине 1993 г. достиг своего пика – 73%, что привело к росту реального валютного курса вместе с импортом. Все это сказалось на уменьшении объемов экспорта. Пассивный торговый баланс на 1993 г. составил 6,3 млрд долларов (5,3% ВВП)⁴. Благодаря высокой оценке кредитоспособности Турции на Уолл-стрит правительство смогло получить 7,5 млрд долларов⁵, после того как эмитировало государственные облигации за границей для восполнения дефицита бюджета. Данные действия привели к росту внутренней процентной ставки кредитования и большой заинтересованности в заимствованиях среди частного сектора экономики. Однако стремление турецких банков заработать на разнице в процентной ставке, заимствуя за границей по меньшей ставке и кредитуя частный сектор по более высокой внутренней ставке, вылилось в форсированный рост задолженности страны по краткосрочным кредитам. Споры между премьер-министром Тансу Чиллер и главой Центробанка привели к подрыву доверия правительству. Глава правительства настаивала на монетизации фискального дефицита (Центробанк должен был выкупить государственные долговые обязательства) вместо реализации еще большего количества государственных ценных бумаг на рынке. Глава Центробанка по собственному желанию ушел в отставку, его примеру последовал и преемник, после того как ряд международных агентств понизили рейтинг кредитоспособности Турции.

Такая неопределенность привела к «долларизации» турецкой экономики (многие резиденты для сохранения своих инвестиций конвертировали их в иностранную валюту), обесцениванию турецкой лиры относительно доллара, росту дефицита бюджета (14% от ВВП) в 1994 г. В результате игры на понижение курса со стороны правительства государственный резерв в иностранной валюте с 6,3 млрд долларов США на март 1993 г. сократился до 3 млрд на март 1994 г. В начале апреля 1994 г., когда правительство было вынуждено объявить программу «затягивания поясов», по сравнению с прошлогодним показателем турецкая лира обесценилась на 76%⁶ по отношению к доллару. Правительство обратилось за помощью к МВФ. Стабилизационная программа, объявленная 5 апреля 1994 г., предполагала увеличение цен на продукцию предприятий государственного сектора, уменьшение бюджетных расходов, увеличение налогов и ускорение процесса приватизации государственного сектора экономики. Взамен на данные меры МВФ предоставил Турции 740 млн долларов⁷. Благодаря данным мерам правительству удалось добиться незначительного профицита бюджета во втором квартале 1994 г., но низкая покупательная способность населения из-за высокой инфляции еще надолго останется нерешенной проблемой. На 1994 год рост средней номинальной заработной платы составил 65%⁸, что было на 20% ниже инфляции потребительских цен.

Меры по выходу из кризиса 1994 г. были направлены на краткосрочную перспективу. Если благодаря вмешательству МВФ неадекватная макроэкономическая политика, которая и стала причиной кризиса, была скорректирована, то проблема, заключающаяся в неэффективности и слабости институционального устройства (институты как «правила игры») при открытой финансовой системе и делала экономику страны волатильной, осталась нерешенной. Ориентированность экономики на экспорт делала страну зависимой как непосредственно от сальдо торгового баланса, так и от курса валют. Зависимость от внешнего спроса проявилась, когда в 1998 г. в России произошел дефолт. На тот момент РФ стала третьим по значимости рынком для турецкой продукции после традиционных США и Западной Европы (Германия, Италия, Франция и Англия). Турецкий экспорт с 1992 по 1997 г. вырос с 442 млн долларов до 2057 млрд⁹. За период 1997–1998 гг. Турция потеряла из-за уменьшения спроса на свою продукцию (от 10 до 50% на разные категории продукции) в России около 6,1 млрд долларов. В то время как общая стоимость ввозимых из России товаров и услуг за 1997 г. составила 67,7 млрд долларов, что почти в 2 раза больше показателя 1992 г. – 34,7 млрд. Приблизительно 29% стои-

мости импорта Турции из России в 1997 г. составила закупка газа. В 1999 г. в Турции случилось сильное землетрясение, на восстановительные работы после которого были потрачены значительные средства, что означало дополнительную нагрузку на балансирующий на грани бюджет. После широкой монетизации дефицита бюджета в 1997 г. банковский сектор стал основным источником финансирования правительственных затрат. Некоторым неплатежеспособным банкам было разрешено осуществлять свою деятельность за счет государственных гарантий, в то время как государственные банки несли большие потери из-за выделяемых ими субсидий. К концу 2000 г. банки с участием государственного капитала управляли 40%¹⁰ банковского капитала страны. В некоторых отраслях экономики все еще преобладали предприятия с участием государственного капитала, которые были нерентабельны и зависели от государственного бюджета. В целях стабилизации экономики в декабре 1999 г. правительство Турции подписало с МВФ соглашение о резервных кредитах¹¹. Данное соглашение предполагало установление валютного якоря¹², а именно ползучей привязки¹³ с обозначенной стратегией выхода, ряда правил, которые делали невозможными нейтрализацию инфляционного или дефляционного эффекта интервенций Центрального банка на валютном рынке, фискальную консолидацию через открытое регулирование налогового дефицита и ряд мер структурного характера. В целом данные меры были удачными: уровень инфляции понизился. Устойчивость реального курса валют также привела к буму внутреннего спроса на валюту и значительному росту дефицита текущего баланса¹⁴. Однако фискальная консолидация и структурные реформы не были полностью реализованы.

В октябре 2000 г. Demirbank (Демирбанк) – главный реализатор инвестиций в государственные ценные бумаги, достиг точки, когда не смог рефинансировать себя на рынке. Центробанк отказался выделить средства данному банку и пытался заставить его продать свой пакет государственных ценных бумаг, значительно увеличив процентную ставку на вторичном рынке. Фактическое банкротство Демирбанка могло потянуть за собой и банкротство других проблемных банков, поэтому Центробанк был вынужден влить ликвидность в финансовую систему в ноябре 2000 г. В результате значительно сократились резервы данного органа, но МВФ выразил готовность выделить Турции кредит под государственные ценные бумаги, что немного успокоило финансовый рынок. Из-за медленных темпов снижения инфляции турецкая лира в это время продолжала расти по отношению к доллару. В январе и феврале 2001 г. была серьезно протестирована способность Казначей-

ства рефинансировать долги – ставка процента на рынке выросла до 60–70%, в то время как лира за год обесценилась на 12%¹⁵. Пока глава правительства Бюлент Эджевит и президент Турции Ахмед Неджет Сезер никак не могли договориться относительно мер, которые необходимо предпринять, 21 февраля 2001 г. на турецкую лиру была осуществлена массивная атака. Власти страны решили не предпринимать против этого меры – за день национальная валюта обесценилась на 40% относительно доллара.

Финансовый беспорядок и неспособность правительства поддержать курс национальной валюты на одном уровне стали причиной серьезных последствий для реальной экономики страны. ВВП уменьшился на 5,7%, промышленное производство упало на 8,7%¹⁶. Больше всех пострадали обрабатывающая и автомобильная промышленности – спад производства составил 9,4 и 26% соответственно. По сравнению с 2000 г. экспорт в 2001 г. уменьшился незначительно, всего на 1%, но импорт увеличился на 8%¹⁷ как результат снижения внутреннего спроса и обесценивания турецкой лиры. В tandem с уменьшающейся экономической активностью показатель уровня безработицы с 6,5% в 2000 г. упал до 8,4% в 2001-м и 10,4% в 2002 г. В то же время заработная плата в обрабатывающей промышленности сократилась на 15%¹⁸. К концу 2001 г. государственный долг почти удвоился по сравнению с показателем 2000 г. – с 38% от ВВП до 74,1%¹⁹. От банковского кризиса пострадала четверть всех турецких банков. Из-за этого бюджет недополучил средства в размере около 30% ВВП. Уровень инфляции в 2001 г. достиг 69%²⁰.

Экономический кризис 2001 г. дал уникальный шанс ПСР сформировать однопартийное правительство. Демократическая левая партия Бюлента Эджевита, Партия «Родина» и ПНД, коалиционное правительство которых находилось у власти с 1999 г., получили на выборах минимальное количество голосов. ПСР предстала перед избирателями не как исламистская партия, а как европейская социал-демократическая партия. Позиционирование себя в качестве центристской партии позволило ПСР получить поддержку как бенефициаров процесса глобализации, прежде всего в экономическом плане, так и сельского населения и маргинальных слоев больших городов, которые не смогли эффективно функционировать в рамках рыночной экономики. Поддержка малого и среднего бизнеса, расположенного исключительно в городах Анатолии²¹ и объединенного под руководством зонтичной организации MÜSIAD (Свободный союз промышленников и предпринимателей)²², стала одной из главных причин (электоральная и экономическая поддержка) успеха Партии благоденствия. Такую же

роль данная организация сыграла в успехе ПСР. Также партии Эрдогана удалось на короткий период добиться согласия и поддержки со стороны грандов турецкой экономики в лице TÜSİAD. Этому способствовало то, что ПСР продолжила стабилизационную программу предыдущего правительства, составленную исходя из требований МВФ, и продвижение данной партией проекта по вступлению Турции в Евросоюз, что являлось давней мечтой крупного бизнеса, так как предполагало ряд налоговых послаблений и способствовало более тесному товарообмену. Единственное, с чем не был согласен TÜSİAD, – создание BDDK (Агентство по регулированию и контролю банковской деятельности), которое получило большие полномочия по осуществлению функций, обозначенных в названии организации. Однако, несмотря на это, данная организация была создана, по требованию МВФ за банками сохранили значительную автономию. Благодаря этому ПСР удалось добиться поддержки своей экономической программы. Пути партии Эрдогана и TÜSİAD разошлись, когда правительство Турции вернуло долги МВФ и решило не продолжать отношения с данной организацией, что противоречило представлению объединения крупных бизнесменов о том, что сотрудничество с данным регулятором должно способствовать интеграции Турции в европейскую экономическую зону. На прекращение сотрудничества повлияло и то, что в политической программе ПСР к тому времени вступление в Евросоюз уступило первенство риторике и действиям исламистского характера и сближению партии Эрдогана с TUSKON (Турецкая конфедерация промышленников и предпринимателей). Данная организация непосредственно связана с Фетуллахом Гюленом. Гюлен разошелся с традиционным нурситским движением²³ и создал свою империю, состоящую из корпораций, учебных заведений, университетов²⁴. В 1999 г. доходы данной организации составили около 25 млрд долларов²⁵. Гюлен всегда имел хорошие отношения с центристскими и правыми правительствами и всегда придерживался проамериканской линии. В 1999 г. он был обвинен в попытке внедрить на все уровни государственного аппарата своих людей (армия, полиция и бюрократия) и покинул Турцию. Гюлен живет в США, но все еще влияет на политическую жизнь на родине, что можно проследить на примере последних конфликтов армии и ПСР.

С установлением однопартийного правительства были устранены все разногласия относительно необходимых мер для стабилизации экономики. Благодаря широкой поддержке ПСР удалось предпринять ряд кардинальных и долгосрочных мер, которые были оговорены в соглашении с МВФ о резервных кредитах 2002 г., в Национальной программе по конвергенции с законодательством

Евросоюза и в Срочной программе действия правительства. Реформирование носило системный характер и охватило все секторы экономики. Бюджет (введен 3-годовой бюджет с системой функциональной классификации налогов и прогрессивной системой исчисления) стал основным инструментом фискальной политики. В 2006 г. корпоративный налог на прибыль был уменьшен с 30 до 20%. BDDK отдал 22 банка, которые были объявлены банкротами, в управление TMSF (Фонд по страхованию сберегательных вкладов)²⁶. BDDK в период «рынка быков»²⁷ с 2003 по 2007 г. увеличил коэффициент достаточности капитала²⁸ для банков до 12%, в то время как в других странах он в среднем составлял 8%. За счет объявления государственных гарантий для иностранных вкладчиков увеличился приток в страну внешнего капитала. В аграрном секторе были отменены субсидии и регулирование цен. Увеличению эффективности и рентабельности медицинского сектора поспособствовало введение единого страхового полиса.

Благодаря данным мерам был завершен начатый Озалом переход экономики Турции к рынку. Введение механизмов минимального государственного регулирования решило проблему сильной волатильности экономики. На период с 2002 по 2007 г. рост ВВП составил 6,8%. Конвергенция с Евросоюзом привела к увеличению показателя ВВП на душу населения (выраженный в покупательной способности) на 10%. Экономика страны стала 17-й в мире, в то время как показатель ВВП на душу населения с 3250 долларов в 2001-м вырос до 9000 в 2007 г. Приток иностранных инвестиций увеличился на 15%. Инфляция упала с 54,2 до 8,8% с 2001 по 2007 г. Задолженность государственного сектора экономики, которая в 2001 г. составляла 12%, к 2007 г. была сокращена до нуля²⁹.

Самое главное, стала сокращаться ранее очень высокая дифференциация доходов населения. Коэффициент Джини³⁰ Турции с показателя 0,46³¹ в 2002 г. сократился до 0,41³² в 2007 г., что можно считать значительным достижением, которое говорит о том, что правительство Эрдогана смогло достичь успеха в увеличении эффективности распределения благ внутри страны, что наряду с решением проблемы с волатильностью экономики позволило ПСР второй раз формировать правительство в 2007 г. и провести второго человека в партии на пост президента.

Что касается влияния экономической составляющей на характер политической борьбы в Турции, то и в настоящее время налицо прямо пропорциональная зависимость между экономической деятельностью имкумбента и его электоральной поддержкой, чему способствует значительная дифференциация в распределении благ внутри страны.

- 1 Пшеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ.: [Ю.Г. Алексеева и др.]; Под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 274.
- 2 Там же. С. 276.
- 3 См.: 2007 Milletvekili Genel Seçimi [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2009. Режим доступа: http://www.belgenet.net/ayrinti.php?yil_id=15, свободный.
- 4 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistic portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
- 5 См.: Merkez Bankası Analitik Bilanço // TCMB elektronik veri dağıtım sistemi [Electronic resource]. – Electronic data. – Istanbul, cop. 2010. – Access mode: <http://evds.tcmb.gov.tr/>
- 6 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistic portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
- 7 См.: Turkey: Transactions with the Fund from May 01, 1984 to March 31, 2010 // IMF: Finance Department [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://www.imf.org/external/np/fin/tad/exfin2.aspx?memberKey1=980&date1key=2010-04-27>
- 8 См.: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistic portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
- 9 См.: Türkiye Devlet Planlama Teşkilatı e-Kütüphanesi [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop. 2009. Режим доступа: <http://ekutup.dpt.gov.tr/dunya/rusya.pdf>, свободный.
- 11 Цит. по: *Gunay E.N.O., Gunay G.* Potential insolvency, prudential regulation and supervision in emerging market banking systems: the case of Turkey // *Int. J. Liability and Scientific Enquiry*. 2007. Vol. 1, Nos. 1/2. P. 164–174.
- 12 Соглашение между МВФ и страной – участницей МВФ, по которому эта страна может в течение оговоренного периода и в пределах согласованной суммы получать иностранную валюту в обмен на национальную для финансирования дефицита платежного баланса.
- 13 Определенный уровень валютного курса, валютный коридор или динамика развития валютного курса, который выступает в качестве ориентира при разработке денежно-кредитной политики.
- 14 Режим валютного курса, при котором курс национальной валюты привязывается к иностранной валюте, но может быть скорректирован при изменении значения определенного рыночного индикатора в соответствии с заранее установленными правилами. В случае Турции это разница между официальным и неофициальным валютными курсами. Различают два основных способа

- скользящей привязки: к будущему периоду и к прошлому периоду. В нашем случае – привязка к прошлому.
- 15 Величина, на которую сумма текущих трансфертов за границу и расходов на импорт товаров и услуг превосходит сумму текущих трансфертных платежей из-за границы и поступлений от экспорта товаров и услуг.
 - 16 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistical portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
 - 17 См.: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistical portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
 - 18 См.: The developments of Turkey's exports // Undersecretariat of the prime ministry for foreign trade [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode : http://www.dtm.gov.tr/dtadmin/upload/IHR/ArgeDegerlendirmeDb/development_exp.doc
 - 19 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistical portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
 - 20 См.: Dış borclar // Ceteris Paribus.net veri taban_ [Elektron kaynak]. – Elektronik veriler. – Istanbul, cop. 2010. – Access mode : http://www.ceterisparibus.net/veritabani/dpt50_92/4.htm#3
 - 19 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistical portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
 - 20 См.: Dış borclar // Ceteris Paribus.net veri taban_ [Elektron kaynak]. – Elektronik veriler. – Istanbul, cop. 2010. – Access mode : http://www.ceterisparibus.net/veritabani/dpt50_92/4.htm#3
 - 21 Анатолия (греч. Anatole, букв. – восток, тур. Anadolu), в древности – название Малой Азии; в Османской империи – название провинции на западе Малой Азии с центром в Кютахье; с 20-х годов XX в. – название азиатской части Турции.
 - 22 Необходимо иметь в виду, что турецкий средний и малый бизнес объединен в рамках ТОВВ (Объединение палат и бирж Турции), но данная организация имеет сугубо экономический характер и в политику не вмешивается. MÜSİAD является организацией, созданной для консолидации анатолийского капитала, который является сторонником традиционного ислама и формирует свою экономическую деятельность исходя из норм шариата. MÜSİAD создан 5 мая 1990 г. и является антагонистом секулярного TÜSİAD.
 - 23 Саид Нурси – исламский теоретик курдского происхождения, который в своих трудах пытался синтезировать идеи модерна и ислама, сторонник джихада через пропаганду идей, яркий противник левых идей во время правительства Демократической партии.

- 24 Учебные заведения были созданы и функционируют не только на территории Турции, но и во многих бывших республиках Советского Союза.
- 25 См.: Anadolu News Agency: информ. агентство. Stambul, 1994–2009. URL: <http://www.hri.org/news/turkey/anadolu/1999/99-06-22.an...ml#01> (дата обращения: 24.12.2007).
- 26 См.: *Gunay E.N.O., Gunay G.* Op. cit. P. 164–174.
- 27 Период повышения фондовой конъюнктуры, от которого выигрывают «быки». Быки на бирже спекулируют на повышение, создавая на рынке ажиотаж. Котировки начинают расти, многие начинающие трейдеры, видя такую динамику цен, начинают скупать валюту или акции (зависит от биржи), тем самым помогая «быкам» набивать цену. В результате этого котировки завышены, и «быки» в этот момент продают валюту по «надутой» цене.
- 28 Один из коэффициентов, характеризующих финансовую устойчивость банка; рассчитывается как отношение собственного капитала банка к стоимости активов, взвешенной по уровню риска.
- 29 Все данные приведены по: Turkey's statistical profile 1960–2009 // OECD statistical portal [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CSP2009>
- 30 Показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютного равенства.
- 31 См.: Monitoring quality of life in Europe // Eurofound [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: <http://www.eurofound.europa.eu/areas/qualityoflife/eurlife/index.php?template=3&radioindic=158&idDomain=3>
- 32 См.: Turkey Distribution of family income – Gini index // Index mundi [Electronic resource]. – Electronic data. – Moscow, cop. 2010. – Access mode: http://www.indexmundi.com/turkey/distribution_of_family_income_gini_index.html

Abstracts

I.B. Antonova

RHETORICAL PRESIDENCY AND PRESIDENTIAL COMMUNICATION IN THE MODERN MEDIATED ENVIRONMENT

Under the influence of mass media there have been great changes in the character of political and, in particular, presidential communication.

The article considers the process of mediatization of presidential communication, and, as a consequence – the emergence of rhetorical presidency, that gave rise to a new type of presidential rhetoric.

The author has accepted that there still exists a number of points for discussion, concerning presidential communication and rhetorical presidency. Nevertheless, the conclusion, having been made, is quite definite; it deals with the existing tendency of the modern presidential discourse to change, turning into a mediated, public, and corporate one.

Key words: rhetorical presidency, presidential communication, presidential discourse, mediatization, rhetorization, campaign rhetoric.

E.V. Barysheva

POWER REPRESENTATION: POLITICAL FORM OF CREATING SOCIAL ENVIRONMENT.

Each change in social environment of any society is ambivalently linked with the transformation of forms and symbols of power representation.

The article considers different aspects of power representation in early Soviet period and analyzes various forms of power representation, such as bank holidays, parades and demonstrations, monumental propaganda and architecture, revolutionary placates, movies, etc.

New ideological forms of power created social-political environment which was reflected in every sphere of human activity and assumed various symbolic forms of power representation.

Key words: power representation, symbols, rituals, holidays, parades, demonstrations, monumental propaganda, movies, documentaries.

G.B. Gavrish

LIBERALIZATION OF CULTURE
IN THE POLITICAL PROCESS OF PERESTROIKA

The article considers the way the authorities used cultural institutions to reach their political goals. The cultural sphere of the late 80s is analyzed within the frame of political process of Perestroika. Changes in Soviet cinema and literature are under special examination. The author also observes Soviet political journalism as it was probably the most important instrument of political mobilization in the Soviet Union. The specific nature of the interaction between high-ranking Soviet functionaries and cultural workers is considered to be a distinctive factor in the underlying period of the development of Soviet cultural institutions.

Key words: perestroika, M.S. Gorbachev, authoritarian liberalization, culture of perestroika, intelligentsia, Writers' Union of the USSR, Filmmakers' Union of the USSR, Soviet literary monthlies.

I.A. Gordeeva

RELIGIOUS UNDERGROUND:
ENVIRONMENT FOR SHAPING CIVIL SOCIETY

The article considers the problem of shaping civil values and structures under the circumstances of religious underground. The case-study of the "initsiativniki" movement and their decision-making body – the Council of Churches of the Evangelical Christians and Baptists, who struggled against the Soviet religious policy – demonstrates the way the believers succeeded in promoting rather a high level of realizing their religious and civil rights. in the early period of their history. However, eventually these values and civil defense practices of the believers were transformed under the influence of their "underground" experience. The author pays special attention to the history of such a famous and successful civil institution as the Council of Prisoners' Relatives of the Evangelical Christians and Baptists.

Key words: religious underground, religious activism, female movement, political action, social escapism.

O. Guseynov

THE IMPACT OF THE ECONOMIC
ON POLITICAL STRUGGLE IN TURKEY

The object of the study is the relationship between the processes of transformation of the political regime and transition to the market economy in Turkey. The author underlines three stages of the development of the market economy in this country that are different by models of implementation and the nature of economic reforms, the balance of forces between adherents of different development paths and the results of the measures that were taken. The paper presents a detailed analysis of the Turkish economy after Ozal's reforms and attempts to answer the question: how democratic transition process and its results depend on the successful economic policies or the inability incumbent ensures economic stability.

Key words: transformation of the political regime, transition from authoritarian regime to the regime of minimal democracy, transition to the market economy, models of economic processes, political competition, electoral support.

S.P. Dontsev, E.S. Chimiris

POLITICAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN CITIZENS
AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS: CHALLENGES
AND PROSPECTS OF SHAPING NEW SOCIAL REALITY

At present Russian religious organizations have the right to participate in the process of political socialization of Russian citizens and thus can be considered as the agents of political socialization. This gives birth to new social reality. Religious organizations aimed at transmitting values make use of the resources of such agents of the political socialization that are represented by state institutions. The article features the analysis of the channels of interaction between religious organizations and institutionalized actors of political socialization such as the State Educational System and the Armed Forces.

Key words: political socialization, agents of political socialization, state-confessional relations, religious organizations, state educational system, armed forces, social environment.

Yu.A. Yevstratova

SOVIET-SYRIAN RELATIONS
AND MIDDLE EASTERN REGIONAL ENVIRONMENT

After announcing Syrian independence in 1946 (supported by the USSR), the Soviet Union and Syria began active interaction. Regional environment which affected Soviet-Syrian relations was taking its form right at that time. There is lack of research of the underlying period is slightly described as far as the political situation in Syria remained unstable until early 1960's. However, to observe past and present events that gave rise to the guide-lines of the political history in the Middle East, on the one hand, and to consider the development of Soviet-Syrian relations, on the other, the author analyzes the period that came shortly after independence was proclaimed in these Arab countries.

Key words: Soviet-Syrian relations, Middle East, Middle Eastern conflict, environment policy, political independence, ideological ally, world power.

A.A. Kalmykov

DESTINY OF POLITICAL PHENOMENON
IN POSTMODERN CIVILIZATION:
PHSYCOENVIRONMENT APPROACH

The article deals with the transitional conceptology of political phenomenon in the twilight of postmodern epoch existence. Policy is characterized at the context of denying the non-political environment and, at the same time, self-sufficient reproducing and constituting of political phenomenon. That is considered to be the essence of the political framework of modernity political projects, such as: fascism, communism and liberalism. Nowadays non-political, non-systematical and living world factors are being actualized. Consequently the policy concept, that might be open to mediated interactions with social and cultural environment, is exigently required.

Key words: modernity, postmodern, policy, political environment.

S.V. Klyagin, G.V. Ambrosieva
UNVEILING POLICY IN SOCIAL
ENVIRONMENT TRANSPARENCY

The article deals with the environmental approach to political phenomena and processes. Contrasting the prevalent ideas to identify policy as primarily environmental transparency, actual political practices and tools are described at the framework of dynamic interrelatedness between openness and closeness of different areas and regions of social reality.

Key words: policy, environmental approach, transparency.

A.Yu. Kosheleva
FACILITIES OF LAW DETERMINISTIC METHODOLOGY
OF CONSTRUCTING SPECIFIED
SOCIAL-POLITICAL ENVIRONMENT

In objective reality of social-political and legal spheres, regulatory law executes a couple of distinguished functions, which might come into conflict with each other. Firstly, law itself is a regulator of social-political reality. Secondly, law is sure to be one of the means of social-political construction. Here not just functional contradiction is obvious, but also the problem of compatibility of law and social-political methodologies. Environmental methodology of social-political overpatching is inapplicable for law. So, the author considers the reasons of the underlying inapplicability. According to the results of researches of the acceptable (for law) methodological parameters, parameters of deterministic law methodology are observed. The latter is acceptable to implement various legal functions.

Key words: deterministic methodology, determinants, law methodology, social projecting, environmental methodology.

N.A. Lukianova, G.V. Kashkan
COMMUNICATIVE-SEMIOTIC TECHNOLOGIES
OF CONSTRUCTING SOCIAL-POLITICAL ENVIRONMENT

The author observes the technologies of constructing social-political environment in the processes of communication and sign dynamics. Reference to the methodological directives of the theory of the interpretants (C.S. Peirce) makes it possible to determine two types of tech-

nologies aimed at constructing social-political environment. The communicative “discursive symbolism” strategy considered as a special type of communication aimed at making sense of reality is the basis of the first type, while the “presentation symbolism” communicative strategy is the basis of the second technology. The second type of communication towards is aimed at making sense of the world by means of “in the myth’s logic” sign. The interdependency of two communication-semiotic technologies is observed in order to create social-political environment as a specific market of opportunities where various political ideas of rational and irrational nature might be realized.

Key words: sign, sign dynamics, interpretant, social-political communication, communicative strategy, symbol, symbolic politics.

A.K. Mezhieva

POLITICAL COMMUNICATIVE ACTIVITIES
IN THE INTERACTION BETWEEN STATE
AND SOCIETY IN CONTEMPORARY RUSSIA

The object of consideration in this article is the specificity of the Public Relations of state governments, as well as the process of initiation and transmission of ongoing communication strategies in the political sphere in contemporary Russia. The issues raised in the article are relevant to modern communication science to formulate theoretical concepts of modern political communication and practices of their functioning in activities of public administration. How can political technologies, including technologies of political PR, thoroughly enter into the practice of various political actors in Russia? Why they were in demand by political parties and social movements, and later need to use PR-technologies was recognized by state-political institutions?

Key words: activities of PR-service public authorities, public information policy, collaboration between authorities and the public, communication system, civil society, PR-technologies, public-private partnership, the Presidential Administration.

G.M. Mikhaleva

EVOLUTION OF ECOLOGICAL MOVEMENT
IN RUSSIA: A POLITICAL COMPONENT

In Russia ecological movement at the transformation initial stage was the first and the most effective direction in the activities of the informal groups which have quickly turned to public protest movements. After the first cycle of semi free elections differentiation started: some organizations and active workers began to be engaged in political activities, and some turned to the ecological organizations.

During the previous decade alongside with the decolagization the Russian policy of ecological movement also changed. On the one hand, influence and possibilities of the ecological organizations decreased due to the introduction into law certain actions about NGO and charge of some the organizations and their leaders in espionage activity that strengthened their politicization. On the other hand, the most influential umbrella ecological movement («Green Russia»), failed the task of a party creation because of stiffening the law about political parties and was compelled to create a fraction in «YABLOKO» party.

Key words: ecological movement, parties, elections, decolagization, politicization, civil activity.

L.V. Smekhov

POLITICAL PLANS AND POLITICAL VALUES:
GENRE ELEMENTS OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL
INAUGURAL RHETORIC. (ON THE MATERIALS
OF VLADIMIR PUTIN'S AND DMITRY MEDVEDEV'S
INAUGURAL SPEECHES)

The article discusses whether the Russian President's inaugural speech is effective in terms of revealing the existing problems and the ways of their solution, and whether it demonstrates the effectiveness of presidency as a whole.

Key words: President, presidential rhetoric, inauguration, political rhetoric, Putin, Medvedev.

E.V. Sushy

SOCIO-TOPOLOGICAL FOUNDATIONS OF STATEHOOD: THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECT

The article observes modern approaches to macrosocial structuring. Psychosociocultural peculiarities of social-political society organization in the given conditions of space and time as well as basic institutions supporting organization stability which remain stable under any transformations are analyzed. An attempt has been made to create universal and practical theoretical model which allows to consider social-political society structure in terms of socio-cultural metrics and topology. This model is supposed to be used in studying peculiarities and formation factors, functioning and developing institutional structures as well as state governance in general social-cultural context.

Key words: social area, social-cultural metrics, topology, statehood, universal epochal cycle.

N.A. Fedotov

MICROPOLITICAL RISKS AT RUSSIAN STOCK MARKETS

Different segments of Russian stock market are subjected to various political factors in different ways. The paper investigates the influence of certain political events and event-groups on Russian companies (presenting certain dimensions and industries) stock rates. The author describes such events as President and State Duma elections, Government changes, President's annual messages to Parliament, terrorist acts, authority succession symbols. The events are put in special stock indexes (RTS and MICEX) signifying certain dimensions and industries. The research shows that the highest political risks apply to «blue chips» and oil/gas/metallurgical companies

Key words: political risks, stock market, political events, stock indexes, Russian business.

N.V. Shatina

RUNET: EKOSREDA OF RUSSIAN POLICY

Changes of socio-political environment in society are related to the changes in the forms of communication of power and society. The author observes meaningful changes of political ekosreda in Runet and analyses different communicative instruments of the internet, that pro-

vide a direct dialog of power and society. One of the issues raised in the article is modern practices of their use by Russian political actors.

Keywords: internet communications, blogging, political communications, power, society, political officials

E.M. Shatin

SOCIAL ENVIRONMENT OF MODERN POLITICS: BLOGOSPHERE

The specific character of the information-oriented society is that a substantial amount of time is spent on creating and consuming new information and knowledge. Internet is one of the most important media-source nowadays, and Blogosphere plays the role of an important media-source. Blogosphere is as well a specified subculture and social network. Personal network ties its participants and other media outlets. Blogosphere has an additional advantage constructing frames to understand current events. Thus, the blogosphere is a networked phenomenon, a fact which has important consequences both for how significant it is for political actors. The issues raised in the article are: what rules and laws work in its environment, how this social environment is included in modern politics, and how Blogosphere is affecting politics.

Key words: Blog, Blogosphere, modern Russian politics, Internet, WWW, social environment.

M.A. Shteynman

POLITICAL ECOLOGY AND MASS CULTURE

This article observes interaction between environment and mass culture in the present-day political discourse and analyses one of the variables of a political statement that might represent itself through mass culture as well as by means of universal mythologems. According to social-cultural tradition, violence against Nature always means violence against human soul and personality. Moreover, any hostility to Nature is often interpreted as an evidence of totalitarianism (like in «Avatar» by J. Cameron, 2009). Hence, any «green» communities and local ideologies nowadays are gradually constructing their own political mythology.

Key words: political ecology, mass culture, political myth, local ideology, identity.

Сведения об авторах

Антонова Ирина Борисовна – канд. пед. наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ, heidel@rambler.ru

Барышева Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ, ebarysheva@yandex.ru

Гавриш Глеб Борисович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ, gavrish.gleb@gmail.com

Гордеева Ирина Александровна – канд. ист. наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ, nepl@yandex.ru

Гусейнов Орхан Гасанхан оглы – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ, guseynov.orkhan@gmail.com

Донцев Сергей Павлович – канд. полит. наук, старший преподаватель факультета истории, политологии и права РГГУ, dontsev@gmail.com

Чмирис Екатерина Сергеевна – канд. полит. наук, директор Некоммерческого фонда «Фонд европейского наследия в изучении когнитивных систем»

Евстратова Юлия Адиевна – аспирант РГГУ, b-jules@mail.ru

Калмыков Александр Альбертович – д-р филол. наук, канд. пед. наук, доцент. Член Союза писателей России, участник международной конфедерации журналистских союзов, действительный член Русского географического общества РАН, общества психологов и философского общества РАН, alex.kalmykov@gmail.com

Клягин Сергей Вячеславович – д-р филос. наук, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ, sklyagin@gmail.com

Амбросьева Галина Владимировна – аспирант кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ, ambrosiveagv@gmail.com

Кошелева Анна Юрьевна – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ, докторант кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии, akosheleva@inbox.ru

Лукьянова Наталия Александровна – канд. филол. наук, доцент Томского политехнического университета, kir712@yandex.ru

Кашкан Галина Валериановна – канд. хим. наук, доцент Томского политехнического университета

Межиева Айна Кюриевна – аспирант факультета истории, политологии и права РГГУ, aina_pr@mail.ru

Михалева Галина Михайловна – канд. филос. наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ, mihaleva@yabloko.ru

Смехов Леонид Владимирович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ, lsmekhov@gmail.com

Суший Елена Владимировна – канд. филос. наук, докторант Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, a_s_y2000@yahoo.com

Федотов Николай Александрович – Национальный банк «ТРАСТ», fedonick@rambler.ru

Шатина Наталья Владимировна – канд. ист. наук, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ, nat-shatina@yandex.ru

Шатин Илья Михайлович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ

Штейнман Мария Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ, philology@mail.ru

GENERAL DATA ABOUT THE AUTORS

Antonova Irina B. – Ph.D (Methods of Teaching), Assistant Professor at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Barysheva Elena V. – Ph.D (History), Associate Professor, Head of the Chair at the Department of History, Political Science and Law, the Russian State University for the Humanities, ebarysheva@yandex.ru

Gavrish Gleb B. – post-graduate at the Department of History, Political Science and Law, the Russian State University for the Humanities, gavrish.gleb@gmail.com

Gordeeva Irina A. – Ph.D (History), Assistant Professor at the Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities, nepl@yandex.ru

Dontsev Sergey P. – Ph.D (Political Sciences), Senior Lecturer at the Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities, dontsev@gmail.com

Chimiris Ekaterina S. – Ph.D (Political Sciences), Director of Phoenix Foundation.

Yevstratova Yulia A. – postgraduate at the Department of History, Political Science, and Law, the Russian State University for the Humanities, b-jules@mail.ru

Kalmykov Alexander A. – PhD (Journalism and Media Studies), Professor, Communication Studies and Public Affairs Department, Faculty of History, Political Sciences and Law, the Russian State University for the Humanities, alex.kalmykov@gmail.com

Klyagin Sergey V. – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Chair, Communication Studies and Public Affairs Department, Faculty of History, Political Sciences and Law, the Russian State University for the Humanities, sklyagin@gmail.com

Ambrosieva Galina V. – post-graduate student, Faculty of History, Political Science and Law, Russian state university for the

humanities. Interested in political communication, social and economic relations, ambrosiveagv@gmail.com

Kosheleva Anna Y. – PhD (Law), Lecturer at the Department of History, Political Science, and Law, RSUH; Doctoral candidate at the Chair of Criminal Law, Ural State Academy of Law, akosheleva@inbox.ru

Lukianova Natalia A. – PhD (philosophy), Assistant Professor at the Department of Humanities, Tomsk Polytechnic University, kir712@yandex.ru

Kashkan Galina V. – PhD (Chemistry), Assistant Professor, Tomsk Polytechnic University. Research interests: training communicative competences of international students.

Mezhieva Ayna – postgraduate at the Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities, specialty “political science”, first-year full-time. Work at The Civic Chamber of the Russian Federation, aina_pr@mail.ru

Mikhaleva Galina M. – Dh.D (philosophy), Assistant Professor at the Department of History, Political Science and Law, RSUH, mihal-eva@yabloko.ru

Smekhov Leonid V. – postgraduate at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities, lsmekhov@gmail.com

Sushy Elena V. – PhD (Philosophy), doctoral student, National Academy of Public Administration, the President of Ukraine, a_s_y2000@yahoo.com

Fedotov Nikolay A. – TRUST National Bank, fedonick@rambler.ru

Shatina Natalia V. – PhD (History), Assistant Professor at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, nat-shatina@yandex.ru

Shatin Elias M. – postgraduate at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science, and Law, Russian State University for the Humanities.

Shteynman Maria A. – PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities philology@mail.ru

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Редактор *О.Н. Панкова*

Корректоры *Л.П. Бурцева, О.Н. Картамьшева*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 14,3. Усл. печ. л. 14,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 19.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru